ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Скиженок Алексей Владимирович

Культурно-религиозный аспект международного положения России в XVII веке

Специальность 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Черникова Т.В.

Москва - 2020

Оглавление

Введение 5

Глава 1. Культурно-религиозный аспект международного положения России в первой половине XVII века 54

1.1 Основные тенденции и общие характеристики эпохи 54

1.2 Роль культурно-религиозного фактора в матримониальной политике русских князей и царствующего дома в IX-XVII вв. 59

1.2.1 Династические связи князей Древней Руси 59

1.2.2 Матримониальная политика великих князей московских в период начала объединения русских земель вокруг Москвы и брачные союзы первых русских царей 61

1.2.3 Культурно-религиозный аспект как фактор внешней политики России в отношении к иностранцам, находившимся на русской службе, и возможности матримониальных союзов с иноверцами 69

1.2.4 Матримониальные планы Лжедмитрия I 72

1.2.5 Обострение религиозных противоречий после преодоления Смутного времени. 73

1.2.6 Поиск невесты для царя Михаила Фёдоровича среди представительниц западноевропейских королевских династий. 80

1.2.7 Попытка династического брака царевны Ирины Михайловны и датского королевича Вальдемара. 85

Глава 2. Культурно-религиозный аспект международного положения России в период правления царя Алексея Михайловича. 95

2.1 Начало правления Алексея Михайловича и культурно-религиозный фактор его первых внешнеполитических решений 95

2.1.1 Культурно-религиозный аспект в деятельности малороссийского гетмана Петра Сагайдачного и его роль в международном положении России 101

2.1.2 Культурно-религиозный аспект освободительной войны Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады 114

2.1.4 Влияние восточных патриархов на внешнеполитическую идентичность России в XVII веке..... 140

Глава 3. Культурно-религиозный аспект международного положения России в последней трети XVII века 147

3.1 Культурно-религиозный аспект внешней политики России в период правления царя Фёдора Алексеевича 147

3.1.1 Личность патриарха Иоакима и попытки усилить влияние Русской Церкви на внешнюю политику России и её идеологическое обоснование. 148

3.1.2 Усиление влияния патриарха Иоакима на внешнеполитическую идентичность русского государства во второй половине XVII века 153

3.1.3 Перемена внешнеполитических приоритетов России в конце 60-х – начале 80-х гг. XVII века 161

3.1.4 Новые тенденции в отношении к иностранцам на русской службе и новый взгляд на Россию в Европе: Юрий Крижанич..... 165

3.2. Культурно-религиозный аспект внешней политики России в 70-80-е гг. XVII в. 174

3.2.1 Влияние русской православной церкви на внутреннюю и внешнюю политику России в 70-80-е гг. XVII столетия. 174

3.2.2 Патриарх Иоаким и борьба «латинствующих» и «грекофилов» в русской церкви, государстве и обществе 180

3.2.3 Посольский приказ и культурно-религиозный аспект внешней политики России 80-х гг. XVII в.....184

3.3 Культурно-религиозный аспект начального этапа правления царя Петра Алексеевича и его внешнеполитического курса 188

Заключение.....193

Список источников и использованной литературы 205

Введение

Актуальность темы диссертации. Тема «Культурно-религиозный аспект международного положения России в XVII веке (от преодоления Смуты до начала правления Петра I)» обладает как научно-исторической, так и общественно-политической актуальностью.

За последнее время количество научных работ, в которых культурно-религиозная идентичность русского народа и народов России прослеживается во взаимной связи с политической историей и государственным развитием России, значительно увеличилось. Общим для всех исследователей, затрагивающих тему культурно-религиозной идентичности как фактора государственного строительства, является констатация недостаточной изученности данного вопроса и необходимости его дальнейшего исследования в силу его значительного и зачастую имплицитного, не явного влияния на ход и развитие отечественной истории.

Как частный случай изучения влияния культурно-религиозного фактора политической истории России мы рассматриваем исследование данного аспекта международного положения России. В таком контексте тема приобретает ещё большую значимость, так как культурно-религиозная идентичность народа проявляет себя наиболее остро в столкновении с иными культурно-религиозными общностями.

Как уже было отмечено выше, актуальность данного исследование может быть рассмотрена в нескольких ракурсах. Во-первых, исследование по определению будет актуальным в той области научного знания, в которой констатируется недостаточная изученность материалов и сравнительно небольшой объем анализа основных тенденций и проблем. Во-вторых,

исследование представляется актуальным с точки зрения того, что сама тема культурно-религиозного аспекта международных отношений является одной из определяющих тем современных международных отношений и дипломатии и оказывается одним из самых глубоких источников формирования фундаментальных основ жизни крупных социальных систем и закономерностей их взаимодействия друг с другом. Тем более данная тема важна и интересна, поскольку в большинстве случаев культурно-религиозная идентичность различных народов действует на систему международных отношений имплицитно, не как явная часть политического дискурса, а как латентная константа социальной психологии, оказывающая влияние на крупные политические решения через трудноуловимые феномены народного самосознания.

Следует также отметить, что актуальность данной темы возрастает по мере нашего обращения к более ранним периодам русской истории, ко времени, непосредственно предшествовавшему петровским преобразованиям и во многом определившему дальнейшее развитие России в Новое время. Здесь вопрос влияния культурно-религиозной идентичности представляется особенно существенным в силу чрезвычайно высокого влияния культурно-религиозной идентичности на внешнюю политику России с одной стороны, и важности этого периода как периода окончательного становления и развития государственных институтов центральной власти с другой. Следует отметить, что объём научных работ, посвящённых данной теме на сегодняшний день, явно не соответствует её значимости и актуальности как для исторического знания, так и для жизни общества и государства на современном этапе.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что в XIX-XX веках анализ культурно-религиозного аспекта в истории России в контексте международных отношений сопровождался значительной идеологической нагрузкой. Последние тридцать лет обширный корпус источников и

документов, связанных с культурно-религиозным аспектом международных отношений, был снова актуализирован для исследователей. Возрос интерес к истории религии, истории церкви, влиянию культурно-религиозной идентичности на историческую судьбу народов мира. Произошли значительные изменения в методологии гуманитарных исследований. Для отечественных учёных конца XX – начала XXI столетий обязательное прежде следование постулатам классиков марксизма сменилось плюрализмом мнений и точек зрения на исходные апории, определяющие развитие общества и государства. На ряду с прежними теоретическими основаниями отечественных гуманитарных исследований стали входить в научный оборот достижения мировой гуманитарной мысли, в частности, культурно-цивилизационный подход, в которых религиозному мышлению народа и связанному с ним культурному достоянию, во многом определяющему идентичность социума, отводится видное место, а для средневековых и переходных к раннему Новому времени обществ часто и определяющая роль в их социально-государственном развитии.

Выше перечисленные изменения привели к тому, что за последние несколько десятилетий большое количество историков обратилось к анализу культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России, стремясь рассмотреть взаимосвязь культурно-религиозной идентичности этносов во взаимной связи с историческим развитием общества и государства в России.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что сегодня Россия сталкивается со множеством вызовов на международной арене. Изучение специфики прежнего опыта межцивилизационного общения нашей страны с другими странами и народами, понимание целей, форм, стратегии и тактики российской внешней политики различных исторических эпох, в том числе переходного для России от Средневековья к Новому времени XVII столетия, будет не бесполезно при осмыслении современной

внешнеполитической доктрины. События последних лет, равно как и предыдущие периоды российской и всеобщей истории, ещё раз продемонстрировали тот факт, что культурно-религиозная и национальная идентичность оказывают на ход исторического развития влияние не меньшее, чем экономические и политические составляющие исторического процесса.

Степень разработанности проблемы отличается обширным количеством исследований по смежным темам. Однако лишь некоторые исследования, как российские, так и зарубежные, были посвящены вопросам взаимосвязи культурно-религиозной идентичности и внешней политики России. Исследование, напрямую увязывающее между собой культурно-религиозную идентичность народов России и её внешнеполитическое положение в мире в XVII веке, производится практически впервые.

В отечественной историографии существует ряд работ, в которых проанализированы основные тенденции развития внешнеполитического курса российского государства XVII века. Данная тематика разработана в трудах такие ученых как Н.М. Рогожин, Н.Ф. Демидова, Д.В. Лисейцев, А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова, А.К. Леонтьев, П.В. Седов, Е.И. Филина и многих других.

Также в отечественной историографии существует множество исследований, посвященных пребыванию иностранцев в России в XVII веке, что тоже косвенно заставляло авторов этих работ поднимать тему культурно-религиозного фактора международного положения России XVII века на страницах своих исследований. К числу таковых относятся работы, написанные в конце XIX в. Л.П. Рущинским, начале – середине XX в. А.С. Мулюкиным, С.К. Богоявленским а также современными историками Т.А. Лаптевой, Т.А. Опариной, С.П. Орленко, Т.В. Черниковой, Н.Г. Вершининой, В.Р. Мединским, Л.А. Черной.

Существенная часть как дореволюционного, так и современного научного дискурса посвящена изучению разнообразных аспектов истории раскола русской православной церкви. К таковым следует отнести работы Е.Е. Голубинского, М.В. Толстого, Н.Д. Тальберга, А.В. Карташёва, Н.Ф. Каптерева, М.В. Зызыкина, А.П. Голубцова, С.А. Зеньковского, С.А. Медведева, С. Романова, И.И. Румянцева, Н.И. Субботина, В.В. Шмидта.

Существует также несколько работ, в которых рассматривается влияние ближневосточных иерархов православной церкви на политическую историю России середины XVII века, прежде всего Иерусалимских патриархов Феофана и Паисия. Эти исторические сюжеты отражены в исследованиях М.И. Якушева, В.Г. Ченцовой, Н.П. Чесноковой, К.А. Панченко.

Также достаточно подробно в отечественной науке описана освободительная борьба народа Украины против Речи Посполитой в контексте международных отношений России, например, в трудах Д.А. Безьева, К.А. Кочегарова, Н. Нагельского, И.П. Новицкого, В.И. Яковенко.

Новизна данной работы обусловлена тем, что в российском научном дискурсе нет практически ни одной работы, которая описывала бы указанные выше факторы в их совокупном систематическом влиянии на международное положение России в XVII веке. При наличии большого количества исследований, посвященных отдельным сюжетам международных отношений России XVII века в культурной и религиозной сфере, нет ни одной работы, где эти связи рассматривались бы во взаимном влиянии на контур российской внешней политики и в качестве отдельного фактора международного положения России указанного периода.

Существующие на сегодняшний день научные работы, посвященные истории культуры и религии, описывают отдельные исторические сюжеты преимущественно в их собственном значении, в отрыве от их связи с внешней политикой России. В области истории международных отношений

и внешней политики России в данной работе впервые ставится вопрос о целесообразности проследить систематическую взаимосвязь культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России с внешнеполитическим положением российского государства на международной арене.

Также работа отличается актуализацией для научного дискурса ряда позабытых сюжетов, которые могли быть известны узкому кругу специалистов, но не получали должного описания и полноценной интерпретации в научной и учебной литературе.

Также характерной чертой и преимуществом данной работы является ее междисциплинарный характер, который позволяет сочетать понимание отдельных тонкостей богословского обоснования тех или иных элементов внешнеполитической доктрины России XVII века с анализом их систематического влияния на ход российского внешнеполитического курса исследуемого отрезка времени.

Объектом исследования данной работы является внешняя политика России в период с 1613 года – времени восшествия на престол Михаила Фёдоровича Романова и условной даты преодоления Смутного времени – по 1689 год – время отстранения от государственной власти «партии Милославских» во главе с царевной Софьей и В.В. Голицыном и прихода к власти окружения «младшего царя» Петра Алексеевича. (Самостоятельное правление Петра I, на наш взгляд, следует начинать с 1695 г. с первого Азовского похода).

Предметом исследования в диссертации является культурно-религиозный аспект международного положения России в указанный период, понимаемый нами как совокупность всех форм проявления влияния культурно-религиозной идентичности российского общества как на выстраивание общей конфигурации международных контактов России в целом, так и на принятие конкретных внешнеполитических решений в

частности. При этом под совокупностью форм влияния культурно-религиозного аспекта на международные отношения России мы понимаем как непосредственное и открытое влияние иерархов церкви, духовенства и различных общественных групп на проводимую государством внешнюю политику, так и латентное воздействие культурно-религиозного мышления социальной элиты и народной среды на проводимый государством внешнеполитический курс, который определил место России в системе международных отношений в 1613-1689 гг.

Хронологические рамки охватывают, как мы уже говорили период с вступления на престол Михаила Романова до падения правительства царевны Софьи. Однако, также мы приведём краткие исторические экскурсы в отечественную историю X-XV веков для выяснения предыстории ряда явлений и форм внешнеполитического взаимодействия и общения актуальных для России XVII в.

Методология, принципы и методы исследования. Диссертация опирается на принципы историзма и объективности. Автор стремился использовать междисциплинарный подход в изучении вынесенной в тему диссертации проблемы и применять различные методы исторического анализа — сравнительно-исторический, проблемно-исторический, метод системного анализа.

Концепция диссертационного исследования состоит из трёх тематических блоков. Её первым и базовым компонентом можно выделить гипотетическое предположение автора, которое нашло полное подтверждение фактическим материалом и логикой приводимых рассуждений, согласно которому XVII век в истории российской внешней политики стал переломным в том отношении, что на ряду с культурно-религиозным фактором внешней политики стали появляться другие, альтернативные ему факторы, такие как вопросы внешнеполитической

целесообразности, продвижения позиций России в мире, поиск контактов с разными европейскими, ближневосточными и азиатскими странами с целью достижения практических целей и задач внешней политики. Но в то же самое время, на протяжении всего XVII века, во всех без исключения случаях культурно-религиозная идентичность русского народа и народов России, религиозное мировоззрения и ценности, не теряли своих позиций в жизни общества. Изменилась лишь форма их воздействия на общественные и политические процессы. Культурно-религиозная идентичность осталась для всех участников политического процесса имплицитной константой, которая определяла рамки возможного и допустимого при принятии любых внешнеполитических решений и построении контура внешней политики в принципе. Более того, культурно-религиозная идентичность русского народа и народов России не только определяла контур построения внешнеполитической активности российского государство, но и влияла на положение России в целом мировой системы взаимоотношений стран и народов мира, так как религиозная принадлежность и соответствующий ей характер российской государственности обеспечивали России особое положении в восприятии всех православных народов, а также большинства славянских народов Европы и мира.

Вторым концептуальным блоком работы стало гипотетическое положение, согласно которому культурно-религиозная идентичность народов мира является латентной силой истории, которая на протяжении долго времени может не проявлять себя в активной форме, однако в определенный момент времени, при определенных условиях, становится спорадическим и почти неконтролируемым источником колоссальной силы, изменяющим логичный ход исторических событий. Так, внешнеполитический курс России XVII века формировался преимущественно органами государственной власти: царем, боярской думой

и Посольским приказом, и отличался сочетанием религиозного мировоззрения и зарождавшимся политическим прагматизмом. Но данное положение дел резко изменилось, когда православный народ Украины во главе с православной церковью, как русской, так и константинопольской, стихийно восстал и понудил государство и общество к резким переменам во внешнеполитической повестке дня.

Третьим концептуальным блоком работы стало положение о том, что в последней трети XVII века русская православная церковь самоустранилась от активного участия в политической жизни в стране, в том числе от влияния на внешнеполитический курс государства, в силу глубокого расхождения во взглядах между царевной Софьей и патриархом Иоакимом, а также в силу возникших догматических споров внутри самой церкви. В этих условиях концентрация основного влияния на все процессы общественной жизни, включая культурно-религиозный аспект, стали естественным положением дел при молодом царе Петре Алексеевиче.

Необходимо отметить, что работа имеет достаточно неординарную для диссертационного исследования структуру: в рамках работы охватывается целый спектр тем, каждая из которых в иных условиях могла бы стать отдельной темой диссертационной работы. Этот исследовательский ход предпринимается не по произвольному желанию автора. Он обусловлен спецификой изучаемой темы и чертами концептуального её осмысления, которые требуют именно таких исследовательских решений. Мы исходим из того, что тема культурно-религиозного аспекта международного положения России отличается таким разнообразием своих проявлений и множественностью вариантов своего воплощения, что было бы невозможно выполнить поставленные исследовательские задачи без широкого охвата разного рода наиболее значимых и важных событий внешнеполитической жизни страны, в которых

иллюстрируется влияние на внешнюю политику России XVII века культурно-религиозного аспекта международных отношений. Широкий охват исторических сюжетов, обусловленный этим, отнюдь не предполагает их поверхностного или тривиального осмысления. В силу оригинального направления мысли исследования и мало освоенного историографией ракурса изучения исторических проблем, затронутых в диссертационном исследовании, все представленные в нем исторические сюжеты получают достаточно новое прочтение и оригинальную интерпретацию, а некоторые обсуждаются в научном дискурсе впервые за очень долгое время и обретают вторую жизнь на страницах данной работы.

Цель данного исследования – описать влияние культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России на внешнюю политику и международное положение страны в период с 1613 по 1689 гг.

Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие **задачи**:

1. Установить роль культурно-религиозного аспекта в построении внешнеполитического курса России в XVII веке на примере наиболее ярких внешнеполитических событий в истории нашего государства за указанный период;
2. Описать значение культурно-религиозного аспекта в деле выстраивания отношений России с православным населением Речи Посполитой и со всеми православными народами Европы и Ближнего Востока, в частности, определить степень влияния культурно-религиозного фактора на Переяславскую Раду и присоединение Украины к России;
3. Проанализировать роль культурно-религиозного аспекта в распределении властных полномочий между участниками

внутреннего и внешнего политического процессов в России в последней трети XVII века.

Структура работы обусловлена логикой самого исследования, а также утвердившейся в историографии хронологией отечественной истории XVII века, которая ориентирована прежде всего на политическую историю и привязана преимущественно к датам правления российских самодержцев.

Так, первая глава посвящена выявлению влияния культурно-религиозного аспекта во внешней политики и международном положении России в первой трети XVII века и главным образом в царствование царя Михаила Фёдоровича (1613-1645) и патриаршества (1619-1633) его отца и соправителя Филарета Романова. Выделение анализа данного периода в отдельную главу обосновано специфическими чертами указанного периода времени, определившими характер как международных отношений России того времени в целом, так и влияния на них культурно-религиозного аспекта в частности.

Вторая глава данной работы посвящена середине XVII века, что хронологически соответствует периоду правления страной царя Алексея Михайловича (1645-1676), что также обосновано характерной спецификой как культурно-религиозного фактора международных отношений России в частности, так и значительными особенностями церковно-государственных отношений в целом.

В третьей главе диссертации рассматривается культурно-религиозный аспект международных отношений России в 1676-1689 гг. Это хронологически совпадает с царствованием Фёдора Алексеевича (1676-1682) и периодом регентства царевны Софьи Алексеевны (1682-1689) при её братьях «старшем царе» Иване Алексеевиче и «младшем царе» Петре Алексеевиче.

В последних параграфах третьей главы заявлен пролог в начальный период самостоятельного правления Петра I. При этом автор не ставит перед

собой задачи описать культурно-религиозный аспект международных отношений России в начальный период его самостоятельного правления. Цель последних параграфов – проследить наличие или отсутствие преемственности внешнеполитического курса царя Петра Алексеевича предыдущим правлениям и произвести постановку проблемы влияния культурно-религиозной идентичности русского народа на ход петровских преобразований. Несмотря на то, что хронологически первые годы правления царя Петра Алексеевича выходят за рамки заявленной темы, автор видит в них неотъемлемое дополнение к данной работе, без которого невозможна целостность всего исследования, так как те тенденции в международных отношениях России, которые имели место в течение всего XVII века получили своё логическое завершение именно в правление Петра I, эпоху которого поэтому необходимо наметить здесь хотя бы пунктиром.

Положения, выносимые на защиту:

1. Культурно-религиозная идентичность народов России в XVII веке была источником имплицитного воздействия на формирование структуры международных отношений России в целом и на её положение в мире в частности посредствам формирования представлений о мере возможного и допустимого во внешней политике у основных участников принятия политических решений изучаемого нами периода;
2. Культурно-религиозная идентичность народов России и их духовная и ментальная связь с православными народами Ближнего Востока оказали решающее воздействие на решения Переяславской Рады, присоединение Малороссии к России и начало Великой войны с Речью Посполитой;
3. Культурно-религиозная идентичность народов России XVII века и религиозное восприятие отдельных событий внешней

политики России играла значимую роль в крушении партии Софьи и приходе к власти партии Петра I.

Начиная анализ **историографии**, автор считает необходимым отметить то, что международное положение России и её внешняя политика XVII века широко и глубоко исследована в отечественной и мировой исторической науке.

Такие современные учёные как Н.М. Рогожин, Н.Ф. Демидова, Д.В. Лисейцев, А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова, А.К. Леонтьев, П.В. Седов, Е.И. Филина[1] и многие другие внесли значительный вклад в понимание основных тенденций развития внешнеполитического курса российского государства XVII века. В их работах содержится множество ценных указаний как на общий характер внешней политики и дипломатии тех лет, так и на многие конкретные её нюансы.

В то же время, следует отметить, что выше перечисленные исследователи, опубликовавшие множество работ по истории внешней политики России XVII века, занимались изучением российской дипломатии указанного периода в целом, во всех её аспектах. Культурно-религиозный аспект не выносился ими в заглавие и не становился в центр фокуса их взгляда. Тогда как нам представляется важным то, что без таковой фокусировки на культурно-религиозном факторе у нас нет возможности понять логику отдельных событий в международных отношениях тех лет.

[1] Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. 432 с.; Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007. 453 с. ; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула. 2009. 788 с. ; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV начале XVI веков. М., 1961. 200 с. ; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. 604 с. ; Филина Е.И. «Дело» королевича Вальдемара // Российская государственность: этапы становления и развития. Тезисы и материалы научной конференции. Кострома, 1993. Ч. 1. С. 46—49.

Данное исследование представляет собой попытку такого специализированного взгляда на культурно-религиозный аспект международного положения и внешней политики России XVII века.

Отдельно хочется отметить труды тех учёных, которые, изучая разные темы, написали значительные работы, посвящённые пребыванию иностранцев в России в XVII веке и поднимали в той или иной степени вопрос о влиянии религиозно-культурного фактора на внешнюю политику России. В числе таковых следует отметить исследователя начала XX в. А.С. Мулюкина, современных историков Т.А. Лаптеву, Т.А. Опарину, С.П. Орленко, Т.В. Черникову[2].

Исследуя вопросы, связанные с положением иностранцев в России в XVII веке и их ролью в истории Отечества, названные историки приводят множество важных материалов, проливающих свет на вопрос культурно-религиозной идентичности русского народа. Это представляется чрезвычайно важным для анализа того, насколько культурно-религиозная идентичность влияла на международное положение и внешнюю политику Российского государства в изучаемый период времени.

Имеют значение для изучения религиозно-культурного аспекта во внешней политике России исследования, где в центре анализа оказывалось взаимовосприятие русских людей и иностранцев. Историки

---

[2] Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство в XV-XVII веках. // Из истории русского права. СПб., 1909 ; «Иноземцам вотчины продавать…» Дело Поместного приказа о наследовании вотчины Ю.Ю. Абрамова 1676-1678 гг. (Подг. Т.А. Лаптевой)» // Исторический архив. - № 1. – М., 1994. - С. 208-218 ; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. 341 с. ; Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. 429 с. ; Она же. Иноземцы в России XVI-XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007; Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М. : МГИМО-Университет, 2012. 944 с. ; Она же. Процесс европеизации в России во второй половине XV-XVII вв : Докт. Дисерт. М., 2014. 941 с.

XIX в., к примеру, Л.П. Рущинский, И. Соколов, а также ряд советских исследователей и авторов постсоветского периода, в частности, С.К. Богоявленский, Н.Г. Вершинина, В.Р. Мединский[3] трактовали западное влияние, идущие в значительной степени от западных европейцев на русской службе, западных дипломатов и купцов, прибывающих в Русское царство как угроза православной культуре. Более объективный и разносторонний подход к анализу взаимодействия русской и западноевропейской культур мы находим в статье Л.А. Черной[4], где дан анализ понимания русскими людьми понятия «Запад» через призму анализа сочинений отечественных авторов XVII в.

Влияние Раскола русской православной церкви и позиции старообрядцев на внешнеполитический курс России частично затрагиваются в исследованиях С.А. Медведева, С. Романова, И.И. Румянцева, Н.И. Субботина [5].

В целом историографию, которая имеет прямое или косвенное отношение к теме нашего исследования, можно условно разделить на два крупных раздела: работы по истории дипломатии и истории России XVII века в целом и работы по истории русской православной церкви и

[3] Рущинский Л.П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных источников // ЧОИДР М., 1871. Кн. 3 ; Мединский В.Р. Россия первой половины XVII века в сочинении Адама Олеария : монография. М., 2009. 150 с. ; Он же. Проблемы объективности в освещении европейцами российской истории второй половины XV – XVII вв. М., 2011. 479 с.

[4] Черная Л.А. Европа как «Запад» в русском средневековом восприятии // Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2014. С. 5-17.

[5] Романов С. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности. М., 1863. Т. V. С. 111–148 ; Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. IV. 315 с. ; Румянцев И.И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). Сергиев Посад, 1916 ; Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. 440 с. ; Медведев С.А. «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. 444 с.

ближневосточных церквей. Диссертация написана на тему, находящуюся в междисциплинарном поле исследований как истории государства и международных отношений России, так и истории взаимодействия церкви и общества с государством внутри страны и за её пределами. Поэтому значительный пласт исследований, посвящённых гражданской истории России в самых разнообразных её аспектах – от истории архитектуры до появления в России первой газеты – был также задействован в ходе исследования и приведён в списке использованной литературы.

Под пристальным вниманием автора данной работы находились сочинения, посвящённые истории церкви, особенно в той их части, в которой они касались влияние церкви на внешнюю политику и международные отношения России. Работы Е.Е. Голубинского, М.В. Толстого, Н.Д. Тальберга, А.В. Карташёва, Н.Ф. Каптерева, М.В. Зызыкина, А.П. Голубцова, С.А. Зеньковского[6] и значительно повлияли на ход исследования и были использованы автором для извлечения сведений, необходимых для выполнения поставленной в работе цели.

Отдельно надо сказать об исследованиях, связанных с ролью ближневосточных иерархов православной церкви в истории России середины XVII века, прежде всего Иерусалимских патриархов Феофана и Паисия. В исследованиях М.И. Якушева, В.Г. Ченцовой, Н.П. Чесноковой[7]. а

---

[6] Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1880-1911 гг. 966 с. ; Толстой М.В. История русского православия. М., 2010. 544 с. ; Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. М.: Издательство Сретенского монастыря. 2008. 906 с. ; Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. 2000. 565 с. ; Зызыкин М.В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. В 3 Ч. М., 1995. 1082 с. ; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. М., 2016. 711 с. ; Голубцов, А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. 384 с.

[7] Ченцова В.Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады, 1654-1658 : документы. М., 2004. 176 с. ; Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011. 287 с. ; Якушев М.И. Христианские

также в общих сводах из истории церкви авторов, имена которых перечислены выше, содержится много ценнейшей и редкой информации о деятельности восточных патриархов в России.

Работы указанных авторов представляют собой ценнейшие свидетельства участия ближневосточных иерархов в истории России, которое вообще изучено недостаточно и несколько однобоко: только с точки зрения внутри церковных отношений. В работах выше перечисленных авторов практически не рассматривается влияние восточных патриархов на внешнюю политику и дипломатию России или рассматривается только вскользь, что представляется нам неверным. Восполнению этого пробела в научном знании может послужить данная кандидатская диссертация.

В отдельную группу работ, посвящённых смежной с тематикой диссертационного исследования теме, нам представляется возможным поместить работы историков, посвящённые освободительной борьбе Богдана Хмельницкого и присоединению Украины к России. Тема исследована в работах таких историков как Д.А. Безьев, К.А. Кочегаров, Н. Нагельский, И.П. Новицкий, В.И. Яковенко [8]. Данная тема, широко изученная и исследованная с разных сторон как в отечественной, так и в зарубежной историографии, интересовала нас только в той степени, в которой проливала свет на заявленную нами тему кандидатской диссертации.

Также следует упомянуть о работах историков, посвящённых периоду правления царевны Софьи, крымским походам В.В. Голицына и

субъекты Османской империи. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи 1830-е – начало XX века. М., 2013. 536 с.

[8] Безьев Д.А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М., 2012. 214 с. ; Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. 502 с. ; Нагельский М. Великая Смута и Потоп в контексте поиска Речью Посполитой и Московским государством выхода из кризисных ситуаций. М., 2016. ; Новицкий И.П. Адам Кисель, воевода киевский 1580-1653 гг. Киев, 1885. 86 с. ; Яковенко В.И. Богдан Хмельницкий, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894. 96 с.

отношениям «партии Софьи» с патриархом Иоакомом, а также о борьбе «латинствующих» и «грекофилов» в русской православной церкви в 70-х гг. XVII века. Автор данного исследования стремился почерпнуть необходимые познания не только из источников и аутентичных произведений участников тех событий, но и из ряда исследовательских работ, посвящённых этой теме, которые приведены в списке использованной литературы.

Определённое внимание уделялось и фундаментальным исследованиям по истории российского государства и общества, принадлежащим таким классикам отечественной историографии как С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, П.Н. Милюков[9]. Их работы, представляющие систематический свод знаний об основных закономерностях развития российского государства и антологию фундаментальной отечественной историографии, использовались автором работы в качестве источника базовых знаний по предмету и послужили основой при формировании структуры работы и магистральной линии её рассуждения.

Поднимая вопрос о роли культурно-религиозного аспекта в выстраивании контура международных отношений России XVII века нельзя не упомянуть труды зарубежных историков, в рамках которых внешнеполитическое положение России исследуемого периода становилось предметом научных исследований.

Надо сразу отметить, что зарубежная историография отличается весьма специфическим восприятием российской истории. В каком-то смысле она вся посвящена исследованию международного положения России и внешнеполитических связей нашего государства, что вполне естественно.

---

[9] Ключевский В.О. Князь Василий Васильевич Голицын. СПб., 1906. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. 670 с. ; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1993. 730 с. ; Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. М., 1992. 191 с.; Милюков П.Н. Введение в курс русской истории. М., 1894. 306 с.

Зарубежные историки, даже углубляясь в исследование отдельных аспектов российской жизни (чаще всего, социальной структуры, отношениям общества с властью и развитию имперской парадигмы российской государственности), невольно изучают Россию в отношении к западноевропейской культуры, сопоставляя российскую историю с историей Запада или просто обрамляя российские исторические сюжет в контекст общеевропейского исторического развития.

Наиболее яркими представителями зарубежных специалистов по истории России являются авторы североамериканской школы историков-русистов. Интерес североамериканских историков к России не случаен: в XX веке в условиях глобального противостояния капиталистической и социалистической систем, воплощённых в лице США и СССР соответственно, интерес к России в США был весьма существенен. Поэтому и исследования проводились в самых разных направлениях, отличаясь глубиной и вариативностью нескольких доминирующих концепций, хотя и не избежав некоторой тенденциозности.

Одним из крупнейших представителей зарубежной русистики является Джеймс Хедли Биллингтон, автор хрестоматийной работы «Икона и топор», которая вошла в историю мировой историографии как одна из лучших книг по истории русского Средневековья и Нового времени[10]. Глубокое проникновение Билленгтона в вопросы русской духовной культуры и религиозной идентичности дают пример понимания историком всей глубины религиозного фактора и его влияния на ход русской истории. XVII век показан в работе в качестве переломного с точки зрения русской духовной религиозной идентичности: на ряду с религиозным аспектом общественной жизни заметную роль начинают играть не религиозные факторы. В то же время автор не концентрирует своё внимание на роли

[10] James H. Bilington. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. New York, 1966.

религиозной идентичности в построении внешнеполитического курса России XVII века и во внешнеполитическом положении России, так как перед ним стоит более общая задача – концептуальный подход к истории России как таковой. Однако автор работы убеждён, что на ряду с концептуальными исследованиями, ряд свойств и особенностей влияния культурно-религиозной идентичности на внешнеполитическое положение России можно описать только при специальном взгляде на эту тему, чему и посвящена данная работа.

Целый ряд американских исследователей сконцентрировали своё внимание на имперских устремлениях российской государственности и процессе их генезиса в истории. Вильям Медина, Д. Стремоухов и Роберт Ли Вольф, а также британский историк-русист Доминик Ливен[11] исследовали влияние концепции «Москва – Третий Рим» на внутреннюю и внешнюю политику Московского Царства. Их работы дают возможность значительно расширить исследовательский взгляд на роль православия в геополитическом самосознании российской политической элиты и, как следствие, на внешнюю политику России. Но они посвящены прежде всего XV-XVI векам российской истории, а нас интересует XVII век как век перехода от одних категорий внешнеполитических построений к другим.

Неожиданный взгляд на русскую историю предлагает американский историк Ричард Хелли[12]. Его идея «пороховой революции» позволяет переосмыслить многие оценки в исторической науке о развитии России, но практически не затрагивает предложенную нами тему культурно-

[11] Medin W. Moscow and East Rome: A Political Study of the Relationship of Church and State in Muscovite Russia. Geneva, 1952 ; Stremoukhoff D. Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine// Speculum. Vol. 28. 1953 ; Wolff R.L. The Three Romes: The Migration of an Ideology Autocrat // Daedalus. Vol. 88. 1959 ; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. 688 с.

[12] Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971, 442 p.

религиозного аспекта международных отношений и внешнеполитического положения России XVII века.

Р. Витрам, А. Мюллер и Дж. Крафт вместе со многими другими американскими русистами были проникнуты идеей культурно-религиозной самобытности, самодостаточности и «непохожести» Руси и России ни на одну другую культуру мира в цивилизационном отношении. Их работы сообщают читателю глубокое понимание индивидуальных особенностей культурной и религиозной идентичности России, но не затрагивают отдельно вопрос влияния этих особенностей на внешнеполитический курс страны. Их коллегам и оппонент Х. Роджерс наоборот подчёркивает в своих трудах, что тема обособленности России во всемирной истории и её закрытости для прочих европейских культур несколько преувеличена, и факт причастности России к Европе неотделим от самого существа России. Однако данная постановка проблемы не исчерпывает поставленного нами вопроса: вне зависимости от того, является ли российская культурно-религиозная идентичность европейской или евразийской или какой-либо иной, необходимо установить, каковым было её влияние на внешнюю политику России XVII века и на международное положение России указанного периода.

Особый интерес в этой связи представляют для нас исследования американского социального историка Д Фурмана[13]. Исследователь изучал проблему русского изоляционизма XVII века, главной движущей силой которого, по его мнению, выступала православная церковь, и доказал, что, начиная с середины столетия, Алексей Михайлович всё чаще игнорирует скептическое отношение части общества к иностранцам и всё активнее стремится к развитию взаимоотношений со странами Запада. С одной стороны, исследования Фурмана дают нам много материала для изучения

[13] Fuhrmann J. Tsar Alexis. His reign and his Russia. New York, 1981.

предложенной нами темы. С другой стороны, с точки зрения наших целей и задач его работы оказываются принципиально недостаточными. Во-первых, он рассматривает позицию царя в отрыве от позиции церкви, а на самом деле они действовали совместно, просто процесс выработки решений был не однородным, и в ходе принятия тех или иных решений имели место дискуссии, в результате которых выбор государя склонялся то в одну, то в другую сторону. Во-вторых, в работах Фурмана нет отдельного исследования, посвященного специфике внешнеполитической деятельности в контексте культурно-религиозной идентичности России. Таким образом, вопросы, поставленные в начале нашего исследования, остаются не раскрытыми до конца в его работах.

Историк-русист А.Л. Янов, которого можно в одинаковой степени отнести как к американским, так и к российским историкам, считал Россию достаточно европейским государством для того, чтобы рассматривать процесс российско-европейских контактов как нечто искусственное и привносимое извне при сопротивлении церкви. Он видел в самой России основные черты европейского государства и считал, что внешняя политика России по определению должна быть ориентированной на европейский мир по факту принадлежности к нему последней. Однако степень влияния культурно-религиозного аспекта на внешнюю политику в его работах остаётся изученным на наш взгляд недостаточно.

Историк Пол Бушкович[14] в своей монографии концентрирует внимание на роль культурно-религиозной идентичности России в процессе развития русского общества. В его работе проделано глубокое и систематическое исследование взаимоотношения церковных, государственных и общественных структур в России XVII века. Однако вопросы внешней политики волнуют исследователя по остаточному

[14] Bushkovitch P. Religion and society in Russia. The sixteenth and seventeen centuries. New-York, 1992. 278 p.

принципу, и поэтому влияние религии и культуры на международное положение России остаётся без должного внимания.

Оригинальную концепцию истории России и стран Восточной Европы предложил американский русист Макс Раев, который считал, что вся Восточная Европа, вне зависимости от различных перипетий культурно-исторического развития и идентичности своих народов представляет собой общий исторический континуум со схожими чертами развития государств и обществ внутри себя. Эта позиция значительно обогащает представление об истории России и Восточной Европы XVII века, но не отвечает на вопрос, каким было влияние культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России на внешнюю политику и международное положение страны в XVII веке.

Тема данной работы частично совпадает с темой исследования британского историка С. Барона «The origin of seventeen century Moscow's Nemetskaja Sloboda»[15]. С. Барон рассматривает историю формирования Немецкой слободы в России и описывает реакцию общества и в частности духовенства на формирование иностранных поселений. Однако его ракурс зрения больше относится к внутренней политике России в её взгляде на иностранцев чем к внешней.

Отдельно надо выделить работы таких двух британских историков как Линди Хьюз и Чарлза Бикфорда О'Брайна[16], которые исследовали период регентства царевны Софьи, когда в русской истории складывались уникальные модели взаимоотношений церковной и государственной власти,

---

[15] Baron S. The origin of seventeenth century Moscow's Nemetskaja Sloboda // Baron S. Moscovite Russia. Collective essays. London, 1980. 350 p.

[16] Hughes L.A. Russia and the West. The Life of a Seventeenth-Century Westerniser, Prince V.V. Golitsyn (1643-1714). Newtonville, 1984 ; O'Brien C.B. Russia under Two Tsars, 1682-1689: The Regency of Sophia Alekseevna. Berkeley, 1952. P. 22-105.

во многом повлиявшие на дальнейшие церковно-государственные отношения.

Значительный вклад в роль конфессиональной идентичности европейских народов и отношений между ними в средневековой Европе внесли исследования немецкого историка Эдуарда Винтера[17]. Эдуард Винтер исследует историю международных отношений на Европейском континенте в XVIII веке с точки зрения конфессиональной принадлежности европейских монархий. Россия тоже принадлежит к сфере его профессиональных интересов. Однако он не рассматривает русскую дипломатию отдельно, что приводит к фрагментарному характеру исследования в отношении влияния культурно-религиозной идентичности России на отечественную дипломатию и международные связи.

Таким образом, мы можем заключить, что данная работа является частью того обширного научного дискурса, которым располагает на сегодняшний день отечественная и зарубежная историография по данной теме, но отличается тем, что рассматривает международные отношения и внешнюю политику России XVII – начала XVIII века в новом ракурсе культурно-религиозного аспекта данной темы.

Существенный вклад в исследование темы, вынесенной в заголовок данного исследования, внесен авторами **диссертационных исследований** на соискание степеней кандидатов и докторов исторических, философских и иных наук по представленной тематике. В силу того, что в рамках данного исследования представлена попытка компиляции различных исторических сюжетов в одном исследовательском тексте, перечень диссертаций, которые так или иначе затрагивают материалы, изложенные в данной работе, чрезвычайно широк. Для удобства анализа диссертационных работ разобьем

[17] Винтер Э. Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 400.

их на несколько тематических групп, выделив основные достижения каждой из них и сопоставив с результатами собственного исследования.

К первой группе диссертаций относятся работы, посвященные изучению закономерностей развития Посольского приказа как главного органа власти в России XVII, отвечавшего за внешнюю политику и международное положение российского государства. В данном случае главным исследовательским центром указанной проблематики является Институт российской истории РАН.

В диссертационной работе на соискание степени кандидата исторических наук Дмитрия Владимировича Лисейцева «Посольский приказ в начале XVII века, источниковедческое исследование» содержится критика делопроизводства Посольского приказа как исторического источника. В диссертационной работе на соискание степени кандидата исторических наук Бориса Александровича Куненкова «Посольский приказ в 1613-1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство» содержится описание роли личностей глав Посольского приказа и значение его структурной организации в деле выработки и реализации внешнеполитического курса России первой половины XVII века. В диссертационной работе на соискание степени кандидата исторических наук Андрея Васильевича «Белякова Служащие Посольского приказа второй трети XVII века» производится анализ деятельности внешнеполитического ведомства посредством анализа его структурных изменений во второй трети XVII века. Все три диссертационные работы содержат крайне важную информацию для данного исследования, так как анализ культурно-религиозного фактора деятельности Посольского приказа входит в число предметов исследования данной работы. Однако все три выше перечисленные работы посвящены другим темам исследования и положения данной диссертации не повторяют те, к которым приходят авторы.

Ко второй группе диссертационных исследований, материалы которых сыграли важную роль в подготовке данной работы, следует отнести те из них, которые были посвящены изучению ролей отдельных личностей и фигур, деятельность которых пришлась на период, совпадающий с хронологическими рамками работы. Соответствующие исследования проводились в рамках научной деятельности таких научных организаций как МПГУ, РАНХиГС, ЯрГУ, КПФУ.

Ярким историком современности, являющимся одним из главных специалистов из числа современников по вопросам, связанным с ролью личности патриарха Никона (Минова) в истории является доктор исторических наук, профессор Вильям Владимирович Шмидт. Тема его докторской диссертации звучала «Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации». Работа была защищена на соискание степени доктора философских наук, что не мешает исследованию содержать множество ценного материала о роли патриарха Никона в истории России в целом, и, следовательно, в истории российских международных отношений и внешней политики в частности. Также в работе систематизированы и обобщены данные всех предыдущих исследований, посвященных данной тематике. Аналогичным образом диссертация Сергея Павловича Зверева на соискание степени кандидата исторических наук на тему «Патриарх Филарет (Романов): личность, государственная и церковная деятельность» проливает свет на роль патриарха Филарета (Романова) во внешней и внутренней политике России первой трети XVII века. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук Галины Валерьевны Талиной «Царь Алексей Михайлович - государственный деятель России XVII в.» раскрывает роль личности царя Алексея Михайловича во внешней и внутренней политике России XVII века, а диссертация на соискание степени доктора исторических наук Лолы Уткировны Звонаревой «Симеон Полоцкий: мировоззрение и

общественно-политическая деятельность» даёт исчерпывающую характеристику деятельности данного церковного и культурного деятеля второй половины XVII века и его влияния на исторические судьбы российского общества и государства. Все выше перечисленные работы служат источником значительного количества информации относительно того, каковое место занимал личностный фактор ключевых действующих лиц эпохи в сфере принятия решений, связанных с культурно-религиозным аспектом международного положения России в XVII веке. Однако в силу того, что ни одна из работ не ставит своей целью описание роли культурно-религиозного фактора в жизни тогдашнего общества и государства, положения данных работ не повторяют положений данной работы.

Отдельно следует сказать о двух диссертационных работах, которые с разных точек зрения анализируют характер раскола русской православной церкви в XVII веке, который по своей природе имел связь с международными отношениями и оказал влияние на жизнь всего общества и государства рассматриваемого нами хронологического периода. Это диссертация на соискание степени доктора философских наук Наталии Ивановны Сазоновой «Изменение богослужебного текста как направление трансформации религиозного сознания: на материале литургической реформы патриарха Никона» и диссертация на соискание степени кандидата исторических наук Елены Владимировны Скрипкиной «Самодержавие и церковный раскол в России во второй половине XVII в.: царь Алексей Михайлович и протопоп Аввакум». В первой работе рассматривается богословское и мировоззренческое содержание реформ патриарха Никона и последовавшего за ними раскола, а во втором анализируется влияние событий раскола на политическую философию, идеологию и представление современников о характере самодержавной власти в России. Обе указанные темы крайне важны при анализе культурно-религиозного аспекта

международного положения России в XVII веке, однако не повторяют тему данного исследования ни в одном из своих положений.

В особую группу диссертационных работ следует также отнести исследования, посвященные положению дел на Украине в середине XVII века как составной части общероссийской повестки дня и одного из ключевых пунктов российской внешней политики второй половины указанного столетия. В данном случае интерес представляют работы Елены Николаевны Борзул, диссертация на соискание степени кандидата исторических наук «Русско-украинские связи середины XVII века в советской историографии», и Дмитрия Юрьевича Степанова, диссертация на соискание степени кандидата исторических наук «Этноконфессиональное самосознание православного населения Речи Посполитой и гетманщины в середине-второй половине XVII века». В обеих работах содержится материал, необходимый для понимания роли Малороссии и Слободской Украины в истории внешней и внутренней политики российского государства в XVII веке. Однако авторы указанных исследований не стремились проанализировать культурно-религиозный аспект связанных с их темой процессов, и поэтому результаты их исследования не обесценивают эвристического потенциала данной работы.

Также большую значимость для данного исследования имела тема исторических судеб иностранцев на службе России XVII века и культурно-религиозный аспект их положения в нашей стране. Данной тематике посвящена диссертация на соискание степени кандидата исторических наук Александра Львовича Лебедева «Служилые иноземцы в России 17 века, 1613-1689 годы». Характерно, что хронологические рамки исследования Александра Львовича точно совпадают с хронологическими рамками нашего исследования. Однако в остальном наши работы посвящены разным темам. Александр Львович дает общий обзор места и роли иностранцев на русской службе в XVII веке. Мы же анализируем их пребывание в России

исключительно в контексте общего анализа культурно-религиозного аспекта международного положения России в XVII веке. То же самое можно сказать и в отношении диссертации на соискание степени кандидата исторических наук Юлии Вячеславовны Терёхиной «Даточные люди Московского государства в середине XVI-XVII вв». Работа посвящена анализу служилых категорий Московии XVI-XVII веков, в число которых входил множество иностранцев. Нас же интересовали другие аспекты их пребывания в России, при совпадении описания отдельных исторических сюжетов.

Особняком в описании диссертаций по схожей теме стоит работа на соискание степени доктора исторических наук Константина Александровича Панченко «Социально-политические и культурные процессы в православной общине Ближнего Востока XVI - начала XIX вв». При кажущейся дистанции как с тематической, так и с хронологической точек зрения от нашего исследования, данная работа, подготовленная в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, более других приближается к утверждению положений, одно из которых почти совпадает с одним из положений данного исследования. Одним из существенных положений, выносимых на защиту в рамках данного диссертационного исследования, является утверждение о решающей роли ближневосточного патриарха Паисия Иерусалимского в деле объединения России и Украины и начала церковных реформ патриарха Никона. Это положение является одним из новых в контексте существующего научного дискурса, однако Константин Александрович Панченко ещё в 2013 году указывал в седьмой главе своего исследования о том, что именно Иерусалимский патриарх Паисий сыграл главную роль в убеждении царя Алексея Михайловича принять в состав России восставшую от гнёта иноверцев-католиков Украину. В своей кандидатской диссертации мы также описываем данный процесс. Однако, Константин Александрович в своей работе делает акцент на том, что, с его точки зрения, ведущая роль Иерусалимского патриарха Паисия заключалась

в том, что он убедил царя Алексея Михайловича принять в подданство православную Украину, посулив ему перспективу освобождения прочих угнетенных православных народов и создания всеправославной империи под началом московского царя. Мы же в своей диссертации иллюстрируем и стремимся доказать, что решение о присоединении Украины к России принадлежало прежде всего украинскому народу, религиозные и патриотические чувства которого направил в нужное русло Иерусалимский патриарх Паисий ещё до своего визита в Москву, находясь в Киеве проездом из Османской империи в столицу России. Там же он, заручившись поддержкой самых широких масс населения, стал продвигать идею присоединения Украины к России через посредничество Никона, будущего патриарха, при нежелании царя нарушать мир с Речью Посполитой и ввязываться в кровопролитную войну с ней из-за Украины. Таким образом, мы видим, что наши концепции и в этом вопросе не сходятся между собой, что обусловливает оригинальность указанного положения в данном диссертационном исследовании относительно диссертационного исследования Константина Александровича Панченко.

Проанализировав материалы диссертационных исследований, написанных по темам, частично совпадающим с нашей, обратимся к анализу **современной научной периодики**. В этой части научного дискурса существуют статьи и исследования, значительно проливающие свет на тему нашего исследования.

Так, статья Галины Валерьевны Талиной и Николая Васильевича Асонова «Религиозный фактор в процессе модернизации российского государства»[18], опубликованная в 2015 году в журнале «Власть», покрывает значительный спектр вопросов, смежных с темой нашего диссертационного исследования. Здесь рассматривается роль культуры и религии в

[18] Талина Г.В., Асонов Н.В. Религиозный фактор в процессе модернизации российского государства. – 2015 – Власть. – №8 – С. 151-154.

модернизационном процессе в России, который был и остаётся родственным системе международных отношений государства, но не тождественным. Так что данная работа дает много полезной информации, наводит на интересные аналогии с возможными методами нашего исследования, но никак не повторяет наших положений, описаний и выводов относительно исторических процессов, связанных с культурно-религиозным аспектом международного положения России в XVII веке.

Большой интерес представляет статья Владимира Сергеевича Дельвига «Отношение светской и духовной власти московской Руси к инославным из западной Европы во времена становления самодержавия»[19], опубликованная в журнале «Общество. Среда. Развитие» в 2011 году, в основной своей части значительно совпадает с теми выводами к которым приходим мы в своей работе, особенно в той части, где речь идёт о желании российского самодержавия располагать высоко квалифицированными специалистами из Европы вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Другое дело, что автор, увлекаясь отрицанием эксплицитного влияния религиозного фактора на выбор служилых людей, упускает на наш взгляд из виду тот факт, что религиозное мировоззрение представителей государственной власти в России XVII века оставалось непреложным имплицитным фактором принимаемых ими решений, не переставало влиять на решения властей в качестве источника определения рамок возможного и допустимого при принятии решений любой степени государственной важности, что можно проиллюстрировать множеством других примеров, не приведённых в статье.

Невозможно также не отметить крупный вклад в отечественную историографию, который внесли авторы Г.А. Быковская, В.Д. Черных и А.Н.

[19] Дельвиг В.С. Отношение светской и духовной власти московской Руси к инославным из западной Европы во времена становления самодержавия. – 2011 – Общество. Среда. Развитие. – С. 29-31.

Злобин, опубликовавшие в 2011 году в Известиях Самарского научного центра РАН статью «Проблемы взаимоотношений государства и церкви: историография церковного раскола XVII в»[20]. В данной работе приводится полный обзор существовавшей к 2011 году научной литературы по эпохе предстоятельства патриарха Никона и его роли в жизни общества и государства, а также о значении раскола в истории России XVII века. Данная работа содержит много полезного для нас материала, хотя и не совпадает точно с предметом нашего исследования.

Также необходимо сказать о статье Бориса Вадимовича Кичевского, опубликованной в 2007 году в Известиях Российского государственного педагогического университета им. А.И, Герцена на тему «Деятельность царя Алексея Михайловича по пресечению церковного раскола»[21]. В статье приводится детальный анализ механизмов государственного воздействия на общественные силы, в том числе на раскольников, что представляет интерес для изучения культурно-религиозного аспекта развития государства в обще, но не совпадает с тематикой нашей работы в точности.

В числе прочих необходимо отметить две работы современных российских ученых, которые посвящены осмыслению философского и идеологического наследия культурно-религиозного взаимодействия церковного и государственного начала в российской истории в XVII веке. Речь идет о статье Вильяма Владимировича Шмидта «Патриарх Никон и его эпоха: историко-философские аспекты государственной идеологии»[22],

---

[20] Быковская Г.А., Черных В.Д., Злобин А.Н. Проблемы взаимоотношений государства и церкви: историография церковного раскола XVII в. // Известия Самарского научного центра РАН №3. 2011. С. 198-202.

[21] Кичевский Б.В. Деятельность царя Алексея Михайловича по пресечению церковного раскола // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. С. 127-133.

[22] Шмидт В.В. Патриарх Никон и его эпоха: историко-философские аспекты государственной идеологии // Власть №2, 2008. С. 65-70.

опубликованной в 2008 году в журнале «Власть», и работе Александра Васильевича Струкова и Натальи Васильевны Божко «Идея симфонии государственно-церковных отношений во взглядах Никона»[23], опубликованной в 2010 году в «Известиях Волгоградского государственного педагогического университета». Существенных результатов в схожих областях научного знания, что те, которые наиболее интересны в рамках данного исследования, достиг Сергей Георгиевич Суляк в своих работах «Российская имперская идея от Ивана III до Петра Великого: взгляд с юго-западной окраины русского мира»[24], опубликованной в 2011 году в журнале «Русин» и «Миссия митрополита Гедеона: неосуществленный геополитический проект»[25], опубликованная в 2006 году в том же издании. Автор единодушен со многими положениями, изложенными в данной работе, но касается их лишь отчасти, развивая свои темы, отличные от темы диссертации.

В вопросе анализа исторических тем, связанных с освободительной войной Богдана Хмельницкого, Переяславской радой и присоединением Украины к России необходимо отметить значительный вклад в исследование данной темы М.В. Жеребкина «Логика намерений и логика обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого»[26], опубликованную в 2018 году в Электронном журнале Курского государственного университета. Выводы автора на этот счет созвучны с выводами данной диссертации. Богдан

[23] Струков А.В., Божко Н.В. Идея симфонии государственно-церковных отношений во взглядах Никона // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2010. С. 61-64.

[24] Суляк С.Г. Российская имперская идея от Ивана III до Петра Великого: взгляд с юго-западной окраины русского мира // Русин. №1, 2011. С. 30-43.

[25] Суляк С.Г. Миссия митрополита Гедеона: неосуществленный геополитический проект. 2006. №2, С.19-29.

[26] Жеребкин М.В. Логика намерений и логика обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого// Электронный журнал Курского государственного университета. 2018. №2.

Хмельницкий не стремился организовать освободительную войну, он действовал исходя из намного менее значительных соображений и причин личного характера. Однако освободительным восстание во главе с ним сделала реакция народа. Автор статьи расходится с автором диссертационного исследования в оценках причин народного восстания. Автор видит в них политические и социально-психологические истоки. Мы же усматриваем в них преимущественно культурно-религиозный аспект.

Созвучна отдельным сюжетам диссертационной работы статья Константина Сергеевича Диянова «Проблема авторитета в отношениях власти и подданных в России в последней четверти XVII В. (на примере греко-латинской полемики о пресуществлении Святых Даров)»[27], опубликованная в 2013 году в Вестнике Томского государственного университета. В данной работе затрагивается вопрос на примере греко-латинской полемики о пресуществлении Святых Даров, о чем говорим и мы в нашей работе в определенном контексте, обусловленном нашим исследованием. Автор рассматривает данный исторический вопрос в качестве иллюстрации изменения отношений власти и общества как процесса источников авторитета в социальных отношениях. Мы же смотрим на этот вопрос как на составную часть церковно-государственных отношений последней трети XVII века как крайне важных в вопросе формирования каркаса российской внешнеполитической идентичности и международного положения указанного периода.

В отношении работ, написанных на смежную тему с темой нашего диссертационного исследования в области научного осмысления наследия правления царевны Софьи следует выделить статью Татьяны Васильевны Черниковой «О российских истоках петровских реформ государственного

[27] Диянов К.С. Проблема авторитета в отношениях власти и подданных в России в последней четверти XVII В. (на примере греко-латинской полемики о пресуществлении Святых Даров) // Вестник Томского государственного университета №5, 2013.С. 9-12.

управления»[28], которую Татьяна Васильевна опубликовала в 2012 голу в Вестнике МГИМО-Университета. Данная статья посвящена анализу правления Софьи как предшественницы Петра в деле реформирования России. Затрагиваются в тексте и вопросы преобразований в сфере внешней политики и международных отношений. Однако автор не рассматривает отдельно культурно-религиозный аспект деятельности царевны Софьи, чем оставляет нам перспективу дальнейших размышлений и исследований на этот счет.

Источники. Данное исследование опирается на широкий круг отечественных и зарубежных источников. Большинство важнейших документов и исторических свидетельств, позволяющих пролить свет на вопрос, обозначенный в заглавии темы диссертации, опубликованы и давно введены в научный оборот, однако потенциал их научного изучения не исчерпан.

Наше исследование опирается на разнообразный по составу, формам содержанию, идейной направленности корпус отечественных источников.

Важной особенностью XVII в. явилось появление большого числа нарративных авторских источников, созданных разными русскими людьми.

Необходимо отметить, что в силу специфики заявленной темы и особенностей исследуемого периода, в число источников данной работы входят апологетические, полемические, богословские и иные труды непосредственных участников событий, связанных с исследуемой темой.

Особое место для нашего исследования занимают религиозно-политические источники, связанные с делом королевича Вальдемара, несостоявшегося жениха царевны Ирины Михайловны. Сочинение противника брака принца-лютеранина и православной царевны Ивана

[28] Черникова Т.В. О российских истоках петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО-Университета, 2012. С. 10-16.

Наседки «Изложения на люторы» внесло значительный вклад в обрушение русско-датского династического проекта в 1642-1645 гг. и имело прямое негативное влияние на русско-датские отношения середины XVII века. «Изложение на лютеры» долго служило религиозно-идеологической основой для сторонников сдержанных отношений России со странами Западной Европы.

В отличие от «Изложения на люторы» Ивана Наседки целый ряд источников имел опосредованное отношение к формированию внешнеполитической доктрины Московской Руси XVII века. Эти документы, подобно труду Ивана Наседки, отражают отрицание «западных новин» с позиции защиты православной веры. К подобным источникам стоит отнести документы, созданные в окружении духовника царя Алексея Михайловича Стефана Вонифатьева, чуть позже эта направленность появится в бумагах, которые исходили от патриарха Никона и «партии грекофилов», господствующей в среде русского духовенства после падения Никона, а также в источниках, созданных противниками никониан старообрядцами. Самым последним «манифестом» русского религиозного внешнеполитического изоляционизма можно считать написанное в 1690 г. «Завещании патриарха Иоакима».

Противоположные идейные предпосылки содержат источники, связанные с деятельностью западнорусского духовного просветителя Симеона Полоцкого и его преемника Сильвестр Медведев, которых многие в среде русского духовенства называли «латинниками», подозревая в тайной симпатии к католичеству и видя их явную симпатию к западному научному знанию.

Полемику «грекофилов» и «латинников» отражают, в частности, книга «Манна», написанная Сильвестром Медведевым и работа «Акось, или

врачевание, противополагаемое ядовитым угрызениям змиевым», изданная братьями Лихудами в ответ на сочинение Сильвестра Медведева. Также автор опирается на ещё целый ряд подобных сочинений, рассматривая их через призму изучения культурно-религиозного аспекта международного положения и внешней политики России XVII века и исследования культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России во взаимной связи с внешней политикой государства.

Большое значение для исследования роли религиозно-культурного фактора имеют труды ещё двух русских писателей — Арсения Суханова и Григория Катошихина. Последние два автора имели в конце своих интеллектуальных поисков кардинально противоположное мнение о русском православии, русской жизни и русской внешней политике. Различны они были и по своему происхождению, и по служебному статусу. Объединяла их лишь сопричастность к внешней политике России и длительное пребыванию за пределами Родины, что открывает большие возможности для анализа роли религиозно-культурного аспекта во внешней политике и международном положении России.

Сын обедневшего провинциального псковского сына боярского Антон Путилович Суханов в юности получил образование в школе Луцкого братства в Западной Руси[29], а вернувшись в отечество, рано принял постриг с именем Арсений. Он начал свою деятельность с переписывания книг, потом стал секретарём патриарха Филарета, а позже достиг высоких административных церковных постов — строителя московского Богоявленского монастыря и келаря Троице-Сергиевой обители. Кроме того с 1637 по по 1665 г. Арсений по царским и патриаршим приказам совершил 6 зарубежных поездок на православный Восток, побывав в Кахетии, Киликии, на Афоне, островах Хиос и Родос, в Египте, Палестине и

[29] Белокуров С.А. Арсений Суханов. Речь, произнесённая 27 октября 1891 г. перед защитой диссертации // Богословский вестник. 1892. Март.Т. II. Сергиев Посад, С. 519.

Константинополе, а также много раз бывал в Дунайских княжествах и на Украине. Арсений прославился как мудрый книжник, собиратель отечественных и греческих духовных сочинений. Только по приказу патриарха Никона он привёз в Россию 505 книг из 18 афонских монастырей и 200 книг из других мест православного Востока. Сам он был автором известных религиозно-политических трактатов — «Прений с греками о вере», «Вопросов александрийскому патриарху» и «Проскинитария» (описания паломничества в Святую землю)[30]. Из долгих бесед с александрийским патриархом Иоанникием и жарких спорах с иерусалимским патриархом Паисием Арсений вынес выводы, прямо противоположные вступившему на московскую патриаршую кафедру Никону, о приоритете русской веры и церкви над православным Востоком. Развивая идеи доктрины «Москва — Третий Рим», Арсений утверждал, что роль покровителя всех христиан на земле, под которыми подразумевались прежде всего православные, которую некогда играл византийский император теперь отошла московскому государю всея Руси.

Григорий Карпович Катошихин, сын монастырского казначея, оказался на приказной службе. В 1650-х он был подьячим в Посольском приказе. При заключении Кардисского мира с Швецией играл заметную роль в посольстве А.Л. Ордина-Нащекина, но уже тогда встал на «скользкую дорогу», снабжая за деньги шведского дипломата А. Эберса секретными инструкциями, данными русским послам. В 1664 г., находясь при русской армии, стоявшей на Украине, Катошихин отказался по приказу нового главнокомандующего Ю.А. Долгорукова писать донос на прежних воевод И.С. Прозоровского и Я.К. Черкасского, после чего бежал за границу. Послужил в Речи Посполитой, побывал в Пруссии, и прежде чем быть

[30] Арсений (Суханов). Проскинитарий. Казань, 1870 ; Он же. Вопросы Александрийскому Патриарху Иоанникею // Православное обозрение. 1886 ; Он же. Прения с греками о вере // Христианские чтения. 1883. № 11-12.

казнённым в Швеции в 1667 г. за убийство своего коллеги по шведской службе переводчика Д. Анастасиуса, успел написать по приказу риксканцлера М.Г.Делагарди сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича»[31]. Характер, обстоятельства службы и судьба беглеца обусловили резкий критический тон книги Катошихина в отношении российских реалий, включая православную веру, что не характерно для большинства отечественных авторов XVII в. В то же время книга Катошихина свидетельствует об остром, гибком, критическом уме автора, широте его кругозора, значительной секуляризации менталитета. Последнее отражало не только особенности развития личности Катошихина, но и свидетельствовало о переменах в образе мышления приказных людей, особенно служащих в Посольском приказе.

Отдельно следует отметить источниковый материал, содержащий в себе информацию о церковно-государственных отношениях в России XVII века. Отношения церкви и государства во внутренней и внешней политике данного периода – это особая тема, не вполне соответствующая заявленной теме исследования данной кандидатской диссертации. Но тема церковно-государственных отношений в целом невольно встаёт во весь рост там, где эти отношения выражались в крупных формах значимых исторических событий, таких, например, как раскол в церкви и низложение патриарха Никона, присоединение Украины и роль церкви в этом или противостояние патриарха Иоакима и царевны Софьи. Источники по данным крупным темам тем более широко известны, чем шире представлены в науке исследования, посвящённые выше перечисленным событиям отечественной истории. Это обширные материалы заседаний Боярской думы и прочих высших органов политической власти, отдельных приказов и ведомств. Материалы заседаний

[31] Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. 260 с. ; Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подготовка текста и комм. Г. А. Леонтьевой. М., 2000. 271 с.

Земских соборов и церковных соборов, на которых не единожды в XVII веке участвовали ближневосточные иерархи православной церкви. Объём источников по этим вопросам особенно обширен. Но нам важно подчеркнуть, что нас в рамках данного диссертационного исследования интересует не совокупность всех этих материалов, а только те из них, которые касаются внешней политики в её связи с культурно-религиозной идентичностью русского народа и народов России.

К особой группе следует отнести источники изучаемого периода, которые связаны с историей церкви. Как официальные, так и личные записи, оставленные делопроизводителями церковных ведомств, приказов и служб, а также опубликованные в качестве материалов церковных соборов, тоже должны быть учтены нами в той части, в которой они могут содержать полезную информацию для изучения культурно-религиозного аспекта международного положения и внешней политики России XVII–начала XVIII веков.

В ходе исследования стало очевидным, что для его успешного завершения необходимо обратить внимание на те материалы и источники, которые связаны с освободительной войной Богдана Хмельницкого, Переяславской Радой и присоединением Украины. Влияние культурно-религиозной идентичности русского народа, а также влияние православной церкви, как русской, так и вселенской, имело здесь очень большое значение и должно быть самым тщательным образом отражено в работе. Поэтому в числе источников данной кандидатской диссертации значатся официальные документы и личная переписка участников освободительного движения на юго-востоке Речи Посполитой и в окружении польского короля.

Большая часть данных источников часто цитируется в научной литературе. Однако нас интересовала специфическая тема, в ракурсе которой на данный материал был представлен свежий взгляд: найти в словах современников и их воспоминаниях ответ на вопрос, каково было место

культурно-религиозного аспекта международных отношений в системе государственного управления страной. Насколько сильно культурно-религиозная идентичность русского народа и народов России влияла на внешнеполитический курс государства как на уровне прямого воздействия иерархов церкви, духовенства и верующих на систему принятия политических решений, так и посредствам моральных установок социальной элиты и всего народа России.

Следует отметить обширный источниковый материал, связанный с работой Посольского приказа, различных ведомств, обеспечивавших дипломатический оборот и осуществлявших те или иные действия по обеспечению внешнеполитических мероприятий российского государства. Архивные фонды и опубликованные источники хранят весьма внушительный объём документов Посольского приказа и иных ведомств. Прежде всего здесь надо отметить источники, опубликованные Археографической комиссией[32] и изданные «Вести-куранты»[33], своеобразный предшественник газетной прессы в России XVII столетия. Анализ названных документов позволяет говорить о серьезных сдвигах в демонтаже к концу XVII века изоляционистских устремлений во внешней политике, опиравшихся на религиозно-идеологические постулаты высказанные особенно ярко в сочинениях последнего периода Смуты («Повести о 1606 г.», «Ином сказание», «Сказание Авраамия Палицына», «Временнике Ивана Тимофеева», «Повесть книги сей от прежних лет»,

[32] Акты Археографической экспедиции. - Т. 1-4. - СПб. - 1836. Акты исторические. - Т. 1-5. - СПб. - 1841-1842). Дополнении к актам историческим. - Т. 1-12. - СПб. - 1846-1872. Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. 1851-1871. Русская историческая библиотека. - Т. 1-39. - 1872-1927.

[33] Вести-куранты. 1600-1639. – М., 1972. Вести-куранты. 1642-1644. – М., 1976. Вести-куранты. 1645-1646. – М., 1980. Вести-куранты. 1648-1650. – М., 1983. Вести-куранты. 1656 г. 1660-1662 гг., 1664-1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. – М., 2009.

«Новом летописце»), а также в названных выше сочинениях середины — конца XVII века Ивана Наседки, иеромонаха Арсения Суханова, патриархов Никона и Иоакима. С другой стороны твёрдая приверженность русской православной традиции и доктрине «Москва — Третий Рим» содержится практически во всех важнейших документах Посольского приказа и иных ведомств (Разрядного, Рейтарского, Драгунского, Иноземского, Аптекарского приказов, Оружейной палаты), имевших дело с иностранными государствами или иностранными специалистами, нанятыми на русскую службу. Восприятие православия как единственной духовной опоры русской жизни и государственности содержат и главные законодательные памятники России XVII в., в частности Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.

Всё это вместе взятое отражает специфику позиции России в международных отношениях, демонстрируют рост к концу XVII в. интереса части русского общества, особенно русской социально-политической элиты, к основам западноевропейского устройства и привычкам западного образа жизни.

Автор изучил значительную часть документации, находящуюся в фондах Российского государственного архива древних актов, связанную с духовными делами российских подданных и иноземцев. Также был проведён мониторинг всей документации, связанной с работой Посольского приказа и отобраны те документы, которые имею отношение к теме исследования.

Основная часть документов, имеющих отношений к теме исследования, сконцентрирована в Фондах 152 и 153 – «Дела духовные»: русские и иноземцев. В указанных фондах соответственно помещены документы, относящиеся к духовной жизни и церковно-административным вопросам Русской Православной Церкви и иностранцев на русской службе, принадлежавших к иному вероисповеданию.

Среди иностранных источников можно выделить несколько групп по хронологии их создания и национальной принадлежности авторов.

Первую составляют записки о России западноевропейских очевидцев и участников русской Смуты. Эти источники важны для понимания тех реалий, из которых вырастало царствование Михаила Романова. Также сравнении позиций авторов с мнениями, высказанными западными иностранцами до Смуты и в более позднее время, позволяет увидеть динамику взаимоотношений западноевропейского и русского миров в ходе дипломатических сношений и иных международных контактов. Для нашей работы были важны следующие сочинения западных авторов времён Смуты: сведения о России Акселя Гюльденстиерне[34], дворецкого голштинского герцога и жениха царевны Ксении Годуновой принца Иоганна, а также другого участника этого посольства, оставившего воспоминания, М.И. Лунда (или И. Вебера)[35]; «Московская хроника» телохранителя Бориса Годунова и Лжедмитрия I, а потом наёмника Лжедмитрия II, выходца из Люненбургского герцогства Конрада Буссова[36]; сочинения голландского купцы Исаака Массы[37]; французского гугенота сподвижника в своё время Генриха Наварского капитана Жака Маржерета[38], сочинения П. Патерсона (он же Петр Петрей), дневник Самуила Маскевича и другие свидетельства западных иностранцев начала XVII века.

---

[34] Гюльденстиерне А. Путешествие герцога Ганса Шлезвин-Голштинского в Россию (в 1602 году) // Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991. С. 140-147.

[35] Лунд М.И. или Вебер И. Подлинное известие о русском и московском путешествии герцога Иогансена, младшего из королевского датского рода // Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991. С. 148-158.

[36] Буссов К. Московская хроника 1584-1613 гг. М.-Л., 1961. С. 256-293.

[37] Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. М., 1937.

[38] Маржерет Жак. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета/ Сост. Ю.А. Лимонов. Отв. ред. В.И. Буганов. Пер. Т.И. Шаскольская, Н.В. Ревунов. М., 1982.

Вторую группу свидетельств иностранцев составляют сочинения и прочие документы, содержащие описание России в царствования различных правителей из дома Романовых в XVII веке. Это большая группа источников. Важнейшими для нашего исследования являлись записки иностранцев, посетивших Россию в середине — второй половине XVII века: донесения посланников республики соединённых провинций Нидерландов к царю Михаилу Романову, побывавших в Москве в 1630 и 1631 гг. Альберта Бурха и Иогана ванн Фелдтриля[39]; знаменитая и равная по востребованности труду Герберштейна о России у образованных западноевропейских читателей XVII в. книга «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» немецкого учёного и голштинского дипломата Адама Олеария, трижды в 1634, 1635 и 1643 гг. посетившего Россию[40]; «Известие о поездке в Россию Вальдемара, герцога Шлезвиг-Голшинского, сына датского короля Християна IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича Ириною[41]; «Дневник» прослужившего в России с 1661 по 1699 г. шотландского офицера, с 1687 г. генерала, Патрика Гордона[42]; «Любопытное и новое известие о Московии» француза на польской дипломатической службе Фуа де ла Невилля[43], напечатанное впервые в Париже в 1698 г.; сведения австрийского дипломата Иоганна Георга

[39] Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. СПб., 1902.

[40] Олиарий А. Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

[41] Гильденлеве В. Х. Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Гольштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича, Ириною // ЧОИДР. Т. IV. М., 1867.

[42] Гордон П. Дневник за 1684-1689 гг. М., 2009.

[43] Невилль Ф. Записки о Московии / Отв. ред. В. Д. Назаров, Ю. П. Малинин. Долгопрудный, М., 1996.

Кордта[44] и многие другие. К примеру, определённую значимость для нашей работы имели исторические экскурсы в XVI-XVII века русской истории Иоганна-Готгильда Фоккеродта, труд которого в основном был посвящён описанию России первой четверти XVIII в. Сочинение Фоккерода[45] писалось по приказу наследника прусского престола (будущего короля Фридриха II) и предназначалось для Вольтера, которого российская императрица Екатерина II просила написать историю Петра Великого. Фоккерод использовал ряд книг о России, а главное свои личные изыскания и впечатления, приобретённые в русских пределах.

Значительной частью использованных в работе источников стали личные письма западных иностранцев, состоявших в то время на русской службе, а также западноевропейских купцов, часто и подолгу бывавших в России. Среди таковых можно вспомнить купца и заводчика железоделательных мануфактур в России Петера Марселиса и его сына Леонарда Марселиса, которые будучи купцами и предпринимателями в России, на протяжении нескольких десятилетий играли роль резидентов российского правительства и тайных посланцев по особым поручениям. Личная переписка таковых иностранцев представляет большую ценность для данного исследования. Но, как и в отношении к опубликованным мемуарам, дневникам и запискам о России, так и при анализе личной переписки непосредственных участников внешнеполитических акций XVII в., автора данной работы интересует, прежде всего, вопрос о соотношении культурно-религиозного аспекта внешней политики России изучаемого периода и прочих факторов формирования внешнеполитического курса.

---

[44] Кордт И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. 6-7 окт. 1698. Киев, 1902.

[45] Фоккерод И.Г. Россия при Петре Великом / Пер. с нем. А.Н. Шемякина // ЧОИДР. Кн. 2. М., 1874.

Ценность всех западноевропейских сочинений, писем и прочих свидетельств «немцев» XVII века о России для изучения воздействия религиозно-культурного аспекта на международные сношения России с различными странами Западной Европы состоит в том, что историк может реконструировать не только ментальные отличия русской и западноевропейской сторон, особенности восприятия западноевропейцами, людьми уже Нового времени, средневековой церковной организации и традиционной религиозно-духовной жизни русского общества XVII в., но и воссоздать характерные черты русского православия переходного XVII века, а также влияние православного фактора на внешнеполитические решения верховной власти, её позиции в Европейском мире. Последнее прослеживается особенно хорошо ввиду того, что многие из перечисленных западноевропейских авторов являлись дипломатами, которые вели с московским правительством переговоры по конкретным внешнеполитическим вопросам. Все западные иностранцы по прибытию в Россию ощущали отношение к ним как инославным, чужеродным для русского общества. Однако содержание подобного отношения менялось во времени — от резкого неприятия конца Смуты до более терпимого и скорее толерантного (особенно в среде социально-политической элиты) в конце XVII века, что с одной стороны, судя по названным источникам, было следствием укрепления международного статуса России, а с другой объяснялось расширением разнообразных контактов обеих сторон.

Третью группу источников иностранного происхождения составляют свидетельства и труды восточных православных христиан, побывавших в России в ходе посольств иерархов восточных ортодоксальных церквей или с целью получения милостыни. Особое место здесь занимает сочинения архидьякона Павла Алепского. Он побывал в России дважды. Первый раз в 1654-1656 гг., сопровождавшего в Москву своего отца антиохийского патриарха Макария. Второй раз — во второй половине 1660-х. Однако

сохранились записки Павла Алеппского только о его первом путешествии в Россию. Особенностями трудов Павла Алеппского является то, что оригинал их был написан на арабском языке. Изданы труды Алеппского фрагментарно. На русский язык отдельные части сочинений антиохийского архидьякона впервые были переведены в 1896-1900 гг.[46] Это издание переиздавались в 2005 г. Более подробная публикация, снабжённая хорошим научными комментариями, увидела свет в 2012 г. Из 15 книг оригинала, написанного Павлом Алеппским, к истории России и Малороссии имеют отношение 9 (с 4-й по 12-ю). Свидетельства Павла Алепского позволяют выявить степень влияния восточных православных церквей на Россию, включая её внешнеполитический курс, а также дают представление о восприятии восточного православия русским правящими кругами, светскими и церковными.

В целом источники восточно-православного происхождения позволяют выявить роль восточных патриархий в контексте возрастающего в XVII в. западного влияния, идущего как в «прочтении» Речи Посполитой, так и напрямую из стран Западной Европы. Для истории русско-украинских отношений, развития тенденции к объединению Малой и Великой России в середине XVII века очень важны источники, связанные с деятельностью в Малороссии и России патриарха иерусалимского патриарха Паисия. С ролью Паисии связаны многие «религиозные подтексты» процесса сближения запорожского казачества и его старшины с Россией, развития планов вхождения Украины в Русское царство, начала Русско-польской войны за Украину 1654-1667 гг.

---

[46] Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века: описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса; по рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. [в 5 вып.] М., 1896-1900 ; Вып. 1, 1896 - «От Алеппо до земли казаков» ; Вып. 2, 1897 - «От Днестра до Москвы» ; Вып. 3, 1898 - «Москва» ; Вып. 4, 1899 - «Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра» ; Вып. 5, 1900 - «Обратный путь. Молдавия и Валахия».

Анализ всех видов, описанных выше отечественных и иностранных исторических источников позволил выработать концепцию нашей работы и прийти к заключению, что XVII век – это переходный период с точки зрения роли культурно-религиозного аспекта во внешней политике России и позиционирования её в международном пространстве. Невзирая на усилившееся западное влияние на российское общество и государственную власть, а также рост значения прагматичных и рациональных расчётов во многих международных делах церковь и религиозное сознание занимали по-прежнему центральное место в жизни общества и государства в большей части XVII столетия. Однако к концу «бунташного XVII века» явно сформировалась тенденция, направленная на вытеснение или замещение религиозного восприятия внешней политики и дипломатии.

Степень достоверности исследования подтверждается как широким охватом документальной базы и историографии по теме, так и непротиворечивой логикой рассуждений автора, которые развиваются в рамках исследования.

Апробация результатов исследования осуществлена как в ходе научных публикаций, отражающих результаты исследования, так и в ходе реализации образовательных программ на кафедре Всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Также результаты исследования применялись автором в ходе подготовки докладов на научных конференциях, посвященных смежным с исследованием темам.

Так, в ходе ежегодной научной конференции «Шишкинские чтения» 2015 года, посвященной этическим проблемам как предмету исследования в гуманитарных науках, автор исследования представил доклад на тему «Этическая категория "справедливой войны" в истории международных отношений России (на примере Переяславской рады)», в котором нашли свое

отражение материалы, изложенные в пункте 2.1.2 второго параграфа второй главы настоящего исследования.

В 2017 году автор принял участие в работе круглого стола, проводившегося совместно Дипломатической академией и университетом МГИМО МИД России «Диалог религий в современном мире: проблемы и перспективы». В рамках работы круглого стола совместно с А.В. Гребенюком и И.В. Колосовой автором диссертации был представлен доклад «Православная парадигма российской государственности», в котором излагались положения пунктов 2.1.1. – 2.1.5. второго пункта второй главы диссертационного исследования, а также положения параграфа 3.2 и 3.3 третьей главы диссертационного исследования.

Глава 1. Культурно-религиозный аспект международного положения России в первой половине XVII века.

1.1 Основные тенденции и общие характеристики эпохи

XVII век явился одним из наиболее непростых и переломных периодов в истории России. Он по справедливости вошёл в историю Отечества под названием «бунташный». Это время стало периодом перехода от дворцово-вотчинной системы организации государственного управления к централизации власти и укреплению самодержавия. Этот процесс, в конечном итоге увенчавшийся высоким уровнем консолидации народов России под скипетром самодержавной власти, стал ответом на вызовы, беспрецедентные в российской истории.

Главным событием первой трети XVII века в истории России стала Великая Смута. Именно этот системный кризис российской государственности стал одним из центральных во всей истории нашей страны и особенно остро отразился на жизни государства и народа. Однако и после преодоления Смуты XVII столетие не отличалось внутренней стабильностью. По мнению Н.М. Рогожина, «многочисленные народные движения создавали почти постоянную социальную напряжённость. Наивысшей остроты оно достигло в 30-40 гг. XVII века, когда население десятков городов и уездов «отказывало» воеводам и требовало их замены»[47].

Вторая половина XVII века также не принесла долгожданного успокоения и стабилизации во внутренней и внешней политике России: «Попытка решения основных внешнеполитических задач … вызвала расстройство финансов и ухудшение положения крестьянства, что, в свою очередь, привело к «медным бунтам» и крестьянской войне Степана Разина»[48].

---

[47] Рогожин Н.М. Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 7.

[48] Рогожин Н.М. Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 7.

В то же время, было бы неверно предполагать, что XVII столетие явилось временем смут и сменой эпох только в истории России. Этот период стал не менее определяющим для истории всего европейского континента, на всём протяжении которого в это время наблюдался схожий процесс институционализации власти, централизации управления и развития самобытных форм государственного устройства европейских народов, укрепления монархий.

Россия явилась государством, изначально вписанным в контекст общего развития европейского континента: «Политические проблемы, стоявшие перед Россией, связывали её со всей международной ситуацией и определяли самостоятельное место в жизни континента»[49].

Автор данной работы не ставит перед собой невыполнимой задачи отобразить всё многообразие международных отношений России с остальными странами Европы и мира в исследуемый период времени. Также не стоит перед нами цель создания панорамы того, каково было положение России в мир-политическом пространстве эпохи. Наша задача - исследовать культурно-религиозный аспект международного положения России века. Культурно-религиозный аспект понимается здесь как фактор, оказывавший как эксплицитное, так и имплицитное влияние на российскую дипломатию и на международное положение России в целом. Прежде всего, культурно-религиозный аспект выражался в идентичности русского народа, его социальной психологии и общественном мнении, основой которого было религиозное сознание людей XVII века. Для религиозного сознания людей данной эпохи были характерны следующие черты, являющиеся определяющими для понимания их картины мира: консерватизм мышления, провиденциализм, мессианское самосознание в рамках утверждения о том, что Москва является Третьим Римом и центром православного мира.

[49] Там же. М., 2003. С. 8.

Мы склонны предполагать, что культурно-религиозная идентичность, самосознание народа, включая его социальную элиту и руководящих государственных лиц, оказывала значительное, если не определяющее, влияние на принятие политических решений и таким образом задавала тон развитию внешней политики и дипломатических контактов нашей страны как со своими соседями, так и со странами, находившимися на значительном отдалении от неё. В такие дальние страны как Персия и Китай были делегированы полномочные представители российского государства, заключавшие с местными властями договоры о взаимной торговле и межгосударственных отношении. В такие государства, как Османская империя, Священная Римская империя германской нации, Швеция, Англия, Дания, Нидерланды и проч. направлялись российских резиденты, которые достаточно долгое время находились при дворе иностранных государств в качестве послов.

В XVII столетии значительно изменяется международное положение России. Страна переходит к налаживанию регулярных дипломатических контактов как с теми государствами, отношения с которыми были неотъемлемой частью жизни российского государства ещё с XV-XVI вв., так и с дальними странами, отношения с которыми в прежнее время были скорее эпизодическими или вообще отсутствовали. К началу XVII века у России были установлены постоянные дипломатические отношения с крупнейшими государствами Европы и Ближнего Востока[50], а к середине столетие число государств, с которыми имели место постоянные внешнеполитические связи, доходило до шестнадцати[51].

Значительное ускорение в развитии дипломатических отношений России со странами Европы и прочего мира наблюдается после преодоления

[50] Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007. С. 97-101.

[51] Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 7-8.

Смутного времени, когда стала очевидной неустойчивость любого государственного образования, не вписанного в систему постоянных международных связей. Необходимость созидания новой государственной системы делало Россию тесно связанной со странами Запада: «Смутная эпоха, когда нашим предкам впервые так близко пришлось встретиться с иноверным Западом, сильно дала почувствовать передовым из них культурное превосходство над собою иноземцев и всю невозможность обойтись без них в военном, торгово-промышленном и прочих делах»[52].

Потребность в расширении и упрочении дипломатических контактов с Западом обусловила достаточно быструю институционализацию российской внешней политики. Центральным проводником отечественной дипломатии являлся Посольский приказ. Формально к началу XVII века история Посольского приказа насчитывала уже более 50 лет, однако в период правления первых Романовых его функции главного внешнеполитического ведомства страны и дипломатического органа власти стали чётко очерчиваться.

«Посольский, Разрядный и Поместный приказы являлись основным стержнем системы государственного управления России на протяжении более 200 лет ... Через приказы государство осуществляло … управление социальными группами, которые формировались и существовали в виде специфических общественно-служилых категорий – чинов. Таким образом, приказы являлись не только административными, но и судебными органами»[53].

Создание такого внешнеполитического ведомства и оформление его в качестве дипломатического органа власти, систематизация его работы,

---

[52] Голубцов А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 29.

[53] Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 9–11.

выход на новый уровень самоорганизации и вхождение в систему международных отношений Европы стали результатом преобразований прежних форм государственности и их наполнения новым содержанием, в котором отразился переход от дворцово-вотчинного управление русским государством к централизованному правлению самодержавной Россией.

Великокняжеское управление перестраивалось в государственную систему, что «происходило посредством придания органам дворцово-вотчинного типа ряда важных общегосударственных функций»[54].

А.К. Леонтьев пишет по этому поводу: «Новые органы управления утверждались в результате продолжительной проверки практики … в ходе продолжительной по времени проверки жизнеспособности тех или иных изменений в государственной системе в соответствии с новыми задачами, вставшими перед ней»[55].

Этот процесс – процесс институционализации государственной власти в России в целом и систематизации её внешнеполитических контактов в частности стал магистральным в истории внешней политики и дипломатии России XVII века. Культурно-религиозный аспект оказывал на него значительное влияние, характерное для его значения в целом в общественно-политической жизни страны тех лет. Мы предполагаем целесообразным сконцентрировать своё внимание на наиболее ярких моментах внешнеполитической деятельности российского государства, в которых с наибольшей остротой проявилось характерное для всей дипломатии влияние культурно-религиозного аспекта.

---

[54] Там же. С. 8.

[55] Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV начале XVI веков. М., 1961. С. 9.

1.2 Роль культурно-религиозного фактора в матримониальной политике русских князей и царствующего дома в IX-XVII вв.

Одним из самых характерных примеров внешнеполитической деятельности российского государства в изучаемую нами эпоху являются попытки установления матримониальных союзов российских царей и великих князей. Это тот пример, на котором проявился самым рельефным образом переходный этап в развитии российской внешней политики и государственности в целом. На примере браков, заключаемых российским царствующим домом, и внешнеполитическом аспекте подготовки этих браков, можно как ни на каком другом примере очертить общую траекторию развития российской дипломатии в исследуемый нами период. Но что самое главное, с точки зрения целей и задач текущего исследования, именно в матримониальной политике московских государей культурно-религиозный аспект их внешнеполитической деятельности отразился наиболее полно, хорошо и во всей своей остроте.

Попытки установления династических связей в XVII-XVIII веках были не новшеством эпохи, а возвращением к прежней традиции, которая существовала в домонгольский период русской истории, для которой они были нормой.

1.2.1 Династические связи князей Древней Руси

Первым династическим браком на Руси стала легендарная женитьба князя Рюрика на королеве Урманской Енвиге, которая датируется IX веком. Этот первый династический брак положил начало целой череде замужеств и женитьб князей Рюриковичей на представителях правящих династий европейских государств.

Ярослав Мудрый (1019-1054) был зятем первого шведского короля – христианина Олафа Шётконунга, король Норвегии Гарольд Смелый приходился ему зятем, а король Франции Филипп I и король Венгрии Белла I

были его внуками. Сестра Ярослава Мудрого Доброгнева являлась женой польского короля Казимира.

Сын князя Ярослава Мудрого Всеволод был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха. Их сыном являлся князь Владимир Мономах. Его императорское происхождение по материнской линии послужило основанием для множества сюжетов о давних династических связях Рюриковичей с Ромейским императором Константином Мономахом. Тёткой Владимира Мономаха являлась знаменитая Анна Ярославовна, королева Франции, регентствовавшая в годы малолетства её сына Филиппа I. Организаторы первого крестового похода Филипп I и его младший брат герцог Гуго приходились Владимиру Мономаху двоюродными братьями.

А.П. Голубцов пишет, что в домонгольский период российской истории русские удельные князья были весьма терпимы и толерантны к представителям Запада как к потенциальным союзникам и кандидатам в мужья и жёны для своих дочерей и сыновей[56]. Произошедшая в 1054 году Великая схизма ещё не успела достаточно оформиться в экклезиологическом и догматическом отношениях, а культурно-историческое родство славян и германцев, проживавших на Западе, покрывало появившиеся религиозные противоречия. Это позволяло князьям домонгольской Руси зачастую проводить свою внешнюю политику в опоре на союзническую поддержку католических монархов.

В монгольский период русской истории контакты с представителями Запада резко сократились. Православный Восток по геополитическим причинам стал ещё дальше от католического Запада. И именно в это время на Северо-Востоке Руси были заложены культурно-религиозные основы самобытной государственности и самосознания народа, связанные с так

[56] Голубцов А.П. Указ. соч. С. 2.

называемым «Палеологовским Возрождением» Византийской империи. Культурное наследие и религиозная мысль этого периода русской истории легла в основу государственной системы единого Московского государства XV-XVI вв.

В области матримониальных связей господствовали союзы между различными ветвями Рюриковичей, литовских Гедиминовичей и браки с родственницами ордынских ханов. Второй женой великого литовского князя Ольгерда Гедиминовича была великая княжна Тверская Иулиания Александровна, дочь великого князя Тверского и Владимирского Александра Михайловича. Симеон Гордый, великий князь Московский и Владимирский, был женат на дочери основателя династии литовского князя Гедимина Августе, в крещении Анастасии, а сын и наследник Дмитрия Донского Василий I был женат на Софии, дочери литовского князя Витовта. Князь смоленский Федор Ростиславич Чёрный женился на дочери хана Тулабуга, от которого получил «в приданое» право на правление "36 градами". В 1318 году московский князь Юрий Даниилович вступил в брак с родственницей (возможно сестрой) хана Узбека Кончакой, в крещении Агафьей, после чего получил ярлык на великое княжение Владимирское. Этот брак поднял авторитет московской династии в Сарае, что впоследствии способствовало превращению Москвы в главный центр объединения северо-восточных русских земель.

1.2.2 Матримониальная политика великих князей московских в период начала объединения русских земель вокруг Москвы и брачные союзы первых русских царей

В XV-XVI вв. контакты объединяющегося вокруг Москвы русского государства с представителями западных государств резко учащаются. Это затронуло и вопрос матримониальной политики, так как выбор женихов и невест из среды бывших удельных князей, ныне подчинившихся власти

великого князя московского, стал не желателен по соображениям внутриполитическим.

«Все стремления великих князей были направлены к тому, чтобы выделиться из князей и бояр и привести их всех в свою волю. Между тем, вступая в брак с дочерью какого-либо из них, они заведомо унижали бы своё царственное достоинство. Великие князья московские, проникнутые идеей самодержавия, усердно стараются найти себе и своим сыновьям невест «в иных государствах у короля или Царя которого»[57].

О той же тенденции, но обусловленной принципиально другой мотивацией, говорит современник событий, служитель Посольского приказа, перешедший на службу шведского короля и создавший по заказу последнего обширное сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича», Григорий Карпович Котошихин. Согласно его утверждениям, изложенным в сочинении, вошедшем в историю под названием «О России в царствование Алексея Михайловича», говориттся, что цари – современники его пребывания при дворе – были вынуждены искать себе жен за границей, среди равных себе по иерархии аристократического мира, поскольку выбор невесты «из своих» часто приводил к трагическим последствиям: «Искони в Российской земле лукавый дьявол всеял плевелы свои: аще человек, хотя мало, приидет в славу и честь и в богатство, не возненавидети не могут»[58]. То есть избранную из своих подданных невесту могли просто отравить или интригами сжить со свету, что в истории XVII века действительно бывало.

Несмотря на различие мотиваций в отдельных случаях, желание найти супружниц для русских великих князей из числа представителей царственных домов Европы стал одним из первых признаков того нового статуса российской государственности, который приобрела Россия благодаря своему внутриполитическому единству, повлекшему изменения в осознании

[57] Голубцов А.П. Указ. соч. С. 3.

[58] Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 26.

государя и его окружения положения и роли России в европейском пространстве при сохранении ее культурно-религиозной самобытности, которая делала её единственным православным государством Европы, сохранившим свой суверенитет.

Иван III, овдовев в 1467 году, стал первым правителем единого русского государства, развивавшегося в сторону централизации, и первым, кто взял себе в жёны в 1472 г. представительницу не русской, литовской или ордынской знати, а племянницу последнего византийского императора Константина XI Софью Палеолог. Свою дочь Елену он выдал замуж за Гедиминовича - Великого князя Литовского Александра Ягеллончика. В личной переписке с ней он спрашивал о том, нет ли среди известных ей «государей греческого закону или римского закону» дочерей, достойных для брака с его сыновьями Василием и Юрием.

Великий князь, с 1547 г. – царь – Иоанн IV также имел намерение жениться на представительнице царственного дома одного из европейских государств. Для этого он предпринимал неоднократные попытки свататься к представительницам разных дворов Европы. Так, М.Я. Геллер пишет: «Необходимость становилась добродетелью. Ещё в 1543 году из Москвы было направлено посольство в Польшу с заданием поискать невесту московскому государю. Делались и другие попытки»[59]. И хотя в конечном счёте государев выбор в большинстве случаев останавливался на невестах, русских по происхождению (за исключением второй жены царя кабардинской княжны Марии Темрюковны), что трактовалось его подданными ввиду особенностей их менталитета, включая острую неприязнь к западным инославным, с точки зрения соображений патриотизма, матримониальные планы самого царя оставались ориентированными на Европу. В последнем десятилетии своего долгого правления Иоанн Грозный,

[59] Геллер М.Я. История Российской империи. В 3-х томах. Т 1. М., 1997. С. 194.

сватался к английской королеве Елизавете, а получив отказ в 1573 году, сватался к её племяннице Анне Гастингс. В 70-х гг. XVI века царь выдал свою племянницу Марию, дочь удельного князя Владимира Старицкого, за датского принца Магнуса, союзника России в Ливонской войне, объявленного Москвой Ливонским королем. (По другим сведениям, после смерти Марии, случившийся вскоре после свадьбы с Магнусом, последний женился на другой дочери Старицкого, также носившая имя Мария.)

Царь Борис Годунов, будучи представителем новой династии на российском престоле и правителем, чья власть оставалась крайне не устойчивой ввиду стойкого неприятия со стороны русской фамильной аристократии, не мог не попытаться прибегнуть к такому средству, как организация династических браков своих детей с отпрысками зарубежных правящих династий для укрепления легитимности своей династии.

Борис Годунов, предполагая, что его «худородная» династия после его смерти может не иметь продолжения из-за сильной боярской оппозиции, рассчитывал препятствовать такой перспективе, породнившись с далекими «родичами» первых Рюриковичей, не гнушаясь отпрысками душевнобольных и свергнутых королей. С этой целью он попытался выдать замуж свою дочь Ксению за принца-изгнанника Густава – сына короля Эрика XIV из рода Ваза, низложенного братом отчасти и по причине своего явного душевного нездоровья и пожизненно заточенного в крепости Упсала. Иоанн Грозный счёл бы такой брак недостойным для своей фамилии, потому что шведские короли не могли в его представлении сравниться с русскими государями по древности рода. Это стало бы резким препятствием для бракосочетания во времена, предшествовавшие временам Бориса Годунова. Иоанн Грозный в свое время написал о Густаве Ваза, деде принца-

изгнанника, что тот стал первым королем в своем роде, а «дотоле не бывал никто! Потому ваш род мужичий, и все ваше государство не знатное»[60].

Впрочем, стоит заметить, что выбор герцога Густава в качестве жениха обуславливался и другим обстоятельством. Он давал законный повод к войне со Швецией формально за восстановление прав принца на престол, а на деле за возвращение России потерянных в пользу Швеции русских территорий по итогам Ливонской войны. Однако обе причины планирования брака царской дочери не могли перевесить негативное восприятие значительной частью русской элиты, а также православного духовенства и народа планов выдачи замуж православной царевны за инославного западного иностранца.

Автор «Московских хроник» Смутного времени и очевидец событий тех лет немец Конрад Буссов пишет: «В этом (1599 – Авт.) году царь Борис Федорович получил сведения о шведском герцоге Густаве, который в юности был отправлен матерью из Швеции в Германию. Она [Карина Мщнсдоттер] опасалась, чтобы шведы [из аристократов] не преследовали и не убили его, поскольку она была простолюдинкой. Он много ездил по свету, а сейчас пребывал в Риге, в Лифляндии, с очень небольшим числом слуг. Царь [Борис] через тайных послов пригласил его в свою страну, приказал с пышностью встретить его на границе, почтить многими подарками и подношениями. Он хотел дать ему в жены свою единственную дочь. Он показал ему и предоставил в его распоряжение все свои военные силы, чтобы при помощи их он напал на своих неверных шведов, отомстил им за свое горе и постарался вернуть себе отцовский наследственный трон. Но герцог Густав на это не согласился и ответил, что он предпочтет скорее погибнуть сам, чем подвергнуть свою родину опустошению и лишить жизни тысячи людей. Он вел и другие неуместные речи, из чего можно заключить,

[60] Послания Ивана Грозного. РГАДА, ф. 96 (сношения со Швецией), Свейских посольств кн. № 3 (1572—1577), лл. 2—6 об. и 7 об.—91 об.

что добрый господин либо переучился, - поскольку он был ученым мужем, - либо слишком много перестрадал. В конце концов, поскольку не было высказано желания воевать со шведским государством, царь изменил своё к нему благоволение и расположение, не только не пожелал отдать за него свою дочь, но даже проявил к нему такую немилость, что отправил его навсегда из Москвы в Углич. Там его содержали по-княжески до самой его смерти, случившейся при третьем после того царе, Василии Шуйском»[61].

После неудачной попытки выдать Ксению Годунову замуж за шведского принца Борис Годунов стремился заключить династический брак своей дочери с Домом Габсбургов – одной из самых влиятельных династий тогдашней Европы. В 1599 году в Священную Римскую империю было направлено тайное посольство во главе с дьяком А. Васильевым. Переговоры носили конфиденциальный характер, так как в ходе них обсуждался вопрос последующего раздела Речи Посполитой между Россией и Священной Римской империей и передача Тверского княжества во владение мужу Ксении Годуновой, на руку которой претендовали брат императора Рудольфа II Максимилиан, сам император Рудольф II и эрцгерцог Максимилиан Эрнст Австрийский. Однако брачному проекту не было суждено осуществиться. Препятствием к нему стал именно культурно-религиозный фактор. Непременным условием Бориса Годунова был переход жениха в православие и его переезд в Москву. Представители дома Габсбургов – оплота католического мира – не были готовы к переходу в православие, равно как в Москве не мыслился брак православной царевны с не православным королевичем. Наметилась тенденция, в рамках которой вопросы веры оказывали существенное влияние на реализацию внешнеполитического курса, тогда как политические потребности

[61] Буссов К. Московская хроника 1584-1613 гг. Пер. с немецкого. М., 1961. С. 84-85.

государства начинали выходить за пределы норм и правил, предписанных церковным каноном.

Тем не менее, Борис Годунов не оставил попыток породниться с представительными династиями Европы. В августе 1602 года в Москву прибыл новый претендент на руку царевны Ксении герцог Шлезвиг-Голштинский Иоанн (Ганс), брат датского короля Христиана IV. Как полагает часть историков, он был готов принять православие и стать русским князем. С другой стороны, в современной историографии существует точка зрения, что Борис Годунов был готов допустить факт бракосочетания протестанта Иоанна с православной царевной Ксенией.

При дворе его чрезвычайно полюбили, а в предсвадебных церемониях участвовала вся Москва, хотя часть придворных, включая дядю царя Бориса,, высказывала явное неудовольствие этим. Однако неожиданно для всех «королевич Иоанн» заболел и умер. В его честь и память была устроена пышная погребальная церемония. Борис Годунов, отличавшийся веротерпимостью и стремившийся, вероятно, к большей толерантности в России, пользуясь случаем погребения принца Иоанна, который не успел перейти в православие, пожаловал в дар протестантской кирхе колокола с дозволением звонить по праздникам и воскресным дням.

Не найдя удачи в заключении брачного союза с представителями европейских монархий, Борис Годунов стремился выдать свою дочь замуж за грузинского царевича Хозроя. Однако Хозрою выехать в Москву помешали смуты, начавшиеся на Северном Кавказе в 1604 году.

Не сумев выдать дочь замуж за принца западных государств, царь Борис Годунов стремился, насколько мы можем предположить, воспользоваться любым предлогом к воспитанию в русских людях большей толерантности по отношению к западным странам и конфессиям. Он отличался большой терпимостью по отношению к иностранным представителям западных конфессий. По воспоминаниям Конрада Буссова,

который сам был женат на дочери протестантского пастора из Немецкой слободы, при царе Борисе было впервые в истории России дозволено приехать в Россию священникам западных деноминаций и совершать богослужения католического и лютеранского обряда в домах, в Немецкой слободе, а в 1600 году там даже построили первую в России протестантскую кирху[62].

Также известно, что царь Борис стремился выписать специалистов из Англии, Италии, Германии, Швеции, Испании для того, чтобы те устроили в России школы западного образца и стали преподавать русским детям иностранные языки. Однако эта инициатива встретила столь мощное противодействие со стороны духовенства, что царю пришлось отказаться от данного проекта. Духовенство полагало, что в стране возникнут распри и раздоры, и внутренний мир не будет соблюдаться в ней, так как сейчас. В итоге Борис Годунов стал первым русским царём, который послал российских юношей получать образование за границу.

Дьяк Посольского приказа В.Я. Щелкалов пишет по этому поводу: «Государево милосердие ко всяким людей и к иноземцам, что царское величество по своему царскому милосердому обычаю жалует всех людей и всяких иноземцев, все ныне люди во благоденственном житье живут и Богу хвалу воздают, что Бог дал такова великого государя царя храброго и милостивого и праведного всему народу крестьянскому, да и чужеземцев всяких царское величество жалует»[63].

---

[62] Буссов К. Московская хроника 1584-1613 гг. Пер. с немецкого. М., 1961. С. 85-86.

[63] РГАДА.Ф. 64.Д. 16. Л.15.

1.2.3 Культурно-религиозный аспект как фактор внешней политики России в отношении к иностранцам, находившимся на русской службе, и возможности матримониальных союзов с иноверцами

Надо отметить тот факт, что русское общество с середины XV в. не воспротивилось самому по себе приезду различных служилых «фрязей» и «немцев», а также «польских ксендзов», легатов-иезуитов при посольствах Речи Посполитой и Святого Престола, протестантских пастырей, поскольку их деятельность не должна была коснуться русского общества, а лишь ограничивалась кругом западных дипломатов или жителей Немецкой слободы.

В то же время, когда речь заходила о вопросах, имевших принципиальную значимость не только в рамках отношений внутри Немецкой слободы, но и за её пределами, в вопросах, связанных с жизнью всего русского общества, духовенство и великий князь проявляли чрезвычайную строгость. Так, когда к Москве приближалось свадебное посольство Софьи Палеолог, невесты Ивана III, которая ехала в сопровождении папского легата, митрополит Филипп потребовал отнять у последнего католический крест и не позволять чужеземцу въезжать в город с официальной демонстрацией символики Римского Папы. Софью Палеолог, о которой папа Павел II писал, как о верной дочери Церкви «греческого закона», принимали в православие перекрещиванием, тогда как вопрос о признании или не признании католического крещения являлся дискуссионным. Повторное крещение, согласно церковным канонам, строго запрещено, и принятие в православие через перекрещивание допустимо только в отношении наиболее опасных еретиков[64].

[64] Черникова Т.В. Процесс европеизации в России во второй половине XV-XVII вв. : автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02 : М., 2014. Т. 1. С. 179-180, 197-199.

Духовенство, не отреагировавшее сколь либо заметно, если судить по имеющимся у нас источникам, на появление протестантских пастырей в России и строительство кирхи, отреагировало очень остро на идею преподавания иностранных языков выходцами из Западной Европы. Отчасти это было обусловлено нераздельностью образования светского и духовного в те времена, при котором изучение иностранных языков, особенно латинского, стало бы одновременно воспитанием русских детей в основах западного вероучения и мировоззрения.

В целом, иностранцы, находившиеся на русской службе в XVII веке, к примеру, уже цитированный нами лютеранин, прибывший из Ливонии на русскую службу немец Конрад Буссов, а также его коллега по русской службе телохранитель Бориса Годунова гугенот француз Жак Маржерет (он же один из трёх руководителей иностранной охраны Лжедмитрия I), свидетельствуют о весьма высокой степени консервативности русского общества тех лет, одним из проявлений которых стало ожесточённое неприятие иностранцев и их веры. В конце XVI – начале XVII века лишь немногие государственные деятели московского царства, в числе которых был царь Борис Годунов, видели потребность в налаживании постоянного технического и торгового обмена с представителями Запада. «Немцы», под именем которых подразумевались все западноевропейцы кроме итальянцев – «фрязей» – все, кто «не-мы», или «немы», то есть чья речь не понятна и как бы отсутствует в культурном пространстве – жили в отдельной сегрегации, вошедшей в историю под названием Немецкая слобода. В то же время, у нас нет прямых свидетельств того, что именно религиозная принадлежность к католицизму или протестантизму являлась причиной неприятия иностранцев в русском обществе. Скорее, это было связано с их этнической принадлежностью и культурными отличиями от русского народа, а также непосредственным опытом соприкосновения в истории. Так, Конрад Буссов, часто пристрастный в своих негативных оценках русских, справедливо

отмечает, что русские крайне не любили шведов за то, что «много разорений претерпели от них в недавних войнах», хотя, при этом, называли их «неверными шведами», то есть апеллируя именно к вопросу веры.

Несмотря на то, что инициатором брака между Иоанном III и византийской царевной Софией Палеолог выступил Папа Римский Павел II, обосновывая это не иначе как по соображениям религиозной принадлежности Софии и её нежелания выходить замуж за не православного принца или королевича, Иоанн III не пустил папских легатов в Москву, так как получил извещение от митрополита Филиппа I (на кафедре 1464-1473), что тот «выйдет восточными вратами из города тогда же, когда западными войдут папёжники». Иоанн III выдал замуж свою дочь Елену за Великого князя Литовского Александра Казимировича Ягеллончика с условием, что ей будет беспрепятственно предоставлена возможность сохранять свою принадлежность к православной вере. Это был редкий для тех лет случай смешанного брака. В переписке с дочерью Великий князь Иоанн III настоятельно рекомендует дочери не заходить в католические костёлы, разве что «любопытства ради один раз». Смешанным был и брак Марии Старицкой и Магнуса. При этом Иоанн IV, выдавая свою племянницу Марию Владимировну замуж за датского принца и ливонского короля Магнуса, не пустил последнего в православный храм. Пока царевну Марию Владимировну, одну, венчал в храме православный священнослужитель, лютеранский пастор совершал аналогичное в протестантизме чинопоследование над Магнусом, стоявшим на церковной паперти.

Борис Годунов, не имея авторитета «природного царя», засылая сватов к представителям королевских дворов Европы, в качестве непременного условия бракосочетания ставил переход потенциального мужа своей дочери в православную веру. Но в Западное Европе религиозная идентичность ценилась не в меньшей степени. А.П. Голубцов полагает, что именно по этой причине брачные посольства Бориса Годунова растягивались

на столь продолжительный срок и так и не привели к успеху: «Принцу Густаву Борис предложил руку Ксении с условием, если он примет православие; вызвавши потом из Дании Иоганна, он не спешил с браком в предположении, что жених надумает переменить веру»[65].

1.2.4 Матримониальные планы Лжедмитрия I

Одним из центральных и наиболее драматичных событий Смутного времени стало убийство Лжедмитрия I в результате заговора во главе с Василием Шуйским, представителем рода Рюриковичей, потомком удельных суздальских князей. Характерно, что произошло это непосредственно вскорости после брака царя-самозванца с «полячкой»[66] и католичкой Мариной Мнишек. Последняя незадолго до этого эпатировала московских верующих своим вольным отношением к обрядам православной Церкви. Лжедмитрий I вообще ощущал потребность в подкреплении своего авторитета в глазах местного общества и правящих элит, и, по мысли ряда современников, удерживал при своём дворе Ксению Годунову, чтобы при случае объявить её – православную христианку – своей невестой. Эту точку зрения разделяет, в частности, М.М. Шведова[67]. Однако московское боярство быстро встало в тайную оппозицию Лжедмитрию I и начавшееся противостояние за власть в России заставило самозванца обратиться за помощью к своим сторонникам в Речи Посполитой, среди которых было семейство Мнишеков и сам король Сигизмунд III. Однако они были готовы предоставить военный контингент только при условии брака Лжедмитрия I и Марины Мнишек. Военно-политическое вмешательство польско-литовского

---

[65] Голубцов А.П. Указ. соч. С. 13-14.

[66] Дворянский род Мнишек происходил из чешских земель, перейдя в подданство королям Речи Посполитой руководствуясь преимущественно соображениями карьерного роста и финансового благополучия своего рода.

[67] Шведова М.М. Персональное и историческое в русской иконе XVI - XVII веков // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. М., 2004.

контингента в качестве третьей силы во внутреннюю политику только усугубило и без того шаткое положение Лжедмитрия I.

Основным фактором недовольства местной знати и москвичей являлась именно Марина Мнишек и ее сопровождение, иностранцы, представители римскоо-католического вероисповедания. Накануне свадьбы с Лжедмитрием I и не имевшего в прошлом аналога венчания царской супруги на царство Патриарх Игнатий – грек по происхождению – присоединил Марину к православию. Это было осуществлено через миропомазание. Церковная практика дозволяла в некоторых случаях присоединять католиков к православию через миропомазание, тогда как в иных случаях – на усмотрение епископа или священника – совершалось повторное крещение. Присоединение Марины Мнишек к православию через миропомазание только, без повторного крещения, было воспринято в Москве как святотатство. Также как святотатство и непочтение к обычаям старины были восприняты и многие другие действия Лжедмитрия и приехавших на его свадьбу польско-литовских гостей. Так, если Борис Годунов дозволял лютеранским пасторам приезжать в Россию, но ограничивать свою пасторскую деятельность границами Немецкой слободы, при Лжедмитрии I впервые проповедь лютеранского священника была прочитана во всеуслышание в стенах Московского Кремля.

1.2.5 Обострение религиозных противоречий после преодоления Смутного времени.

Преодоление Смутного времени ознаменовалось избранием на царский престол Михаила Фёдоровича Романова. Во многом его воцарение стало результатом консолидации русского общества вокруг фигуры его отца – Фёдора Никитича Романова – который к тому времени уже был давно пострижен в монашество с именем Филарет, стал при Лжедмитрии I Ростовским митрополитом, а при Лжедмитрии II в Тушинском лагере был

возведён на патриарший престол. После отхода от «Тушинского вора» Филарет был среди тех, кто пытался найти выход из Смуты через прекращение русско-польской войны путем приглашения на московский трон королевича Владислава Сигизмундовича. Однако требование великих послов Филарета и кн. В.В. Голицына к королю Сигизмунду III о переходе Владислава в православие, как и требование снятия осады со Смоленска, привело Филарета в польское заточение, где он и пребывал с 1613 по 1619 гг.

Патриарх Филарет был одной из самых ярких личностей своей эпохи. Бывший в годы своей молодости, до монашеского пострига, любимцем иностранных послов и виднейшим деятелем царствования Фёдора Иоанновича, сына Ивана Васильевича Грозного, последнего Царя из династии Московских Рюриковичей, он был более образован и приобщён к наукам, чем Борис Годунов.

Один из виднейших деятелей Речи Посполитой, Лев Сапега, прибегал к помощи польских посланников и прочих резидентов польской короны в Москве для того, чтобы получать сведения о том, какое место при дворе занимал Фёдор Никитич Романов и докладывал о деятельности Фёдора Романова в Боярской Думе великому гетману и князю Литовскому Христофору Радзивиллу. Голландский торговый представитель и посланник в России Исаак Масса, оставивший книгу воспоминаний о российском государстве начала XVII века, давал Фёдору Романову и вообще роду Романовых очень позитивную характеристику: «Борис стал искать случая устранить их, полагая, что тогда все будет по его желанию, но он не мог осуществить этого, ибо опасался придворных, дворянства и царя, любившего своих дядей Романовых; притом они не совершали ничего дурного, жили всегда очень скромно и были всеми любимы, и каждый из них держал себя, как царь. Старшим из братьев был Фёдор Никитич, красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве

вошло в пословицу у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: «второй Фёдор Никитич»[68].

Согласно свидетельству современников, после возвращения Филарета из плена и избрания его на патриарший престол, на протяжении всего времени своего соправительства с сыном царем Михаилом – с 1619 по 1633 гг. - именно патриарх Филарет осуществлял основные функции, возложенные на самодержца, главной из которых была консолидация общества и власти. Причем идеологической и нравственной основой этого процесса стал упор именно на православную идентичность русских людей и противопоставление из инославному Западу, что вызывало весьма раздраженный отклик у иностранцев, писавших в то время о России: «как только отец его Филарет вернулся из Польского плена и возведен был в звание патриарха, то он вскоре сумел так мастерски обратить в свою пользу значение, придаваемое ему его званием в глазах суеверного народа, а равно и неудовольствие мелкого дворянства против властолюбивых бояр, зависть и несогласия сих последних между собою, что он один завладел опекою над своим сыном сохранил ее до самой своей смерти и, пользуясь этим положением, управлял всеми делами безгранично, отстраняя под всеми возможными предлогами всех свободномыслящих лиц и предоставив Собору лишь высокую честь одобрять все его предприятия и распоряжения»[69].

Будучи талантливым государственным деятелем и человеком разносторонних взглядов и способностей, патриарх Филарет являлся консервативным первосвятителем, что не мешало ему воспринимать Россию и Европу как две неотделимые друг от друга части света.

---

[68] Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С 43.

[69] Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна-Готгильда Фоккеродта. М., 2000. С. 17.

Патриарх Филарет активно занимался укреплением международных связей России, в первую очередь с Нидерландами, что было бы невероятным при патриархах, его предшественниках - Иове и Гермогене, порицавших инославный Запад как мир религиозных отступников. Голландским посланникам А. Бурху и И. Фелдтрилю предписывалось по прибытии в Москву «просить о разрешении представиться патриарху, чтобы вручить его святейшеству верительные грамоты, чтобы засвидетельствовать ему должное почтение, преподнести назначенные для него подарки»[70]. 24 декабря 1630 года они были приняты в Кремле, где присутствовал патриарх Филарет. Голландцы пожелали ему «всякого счастья и долголетнего здравия» и просили его, «чтобы нидерландский народ и наши купцы, здесь проживающие, все более и более пользовались покровительством и обороной Вашего Святейшества». Протестантское по вероисповеданию правительство Нидерландских штатов имело возможность по торговым каналам лично обращаться к православному патриарху Филарету и его преемникам, а через них – и непосредственно к царю. Так было заложено основание долгому союзу России и Голландии, которым в будущем воспользовался правнук Филарета Петр I в ходе Великого посольства[71].

Однако за годы Смутного времени иностранное вмешательство во внутренние дела России как со стороны поляков, так и со стороны их врагов шведов принесло России разорение и потерю Смоленщины и Северщины в пользу Речи Посполитой и выхода в Балтийское море в пользу Швеции. Не удивительно, что личная неприязнь жителей России ко всему чужому резко возросла и приобрела форму религиозной нетерпимости. Это выражалось

---

[70] Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630—1631 гг. // Сборник императорского Русского Исторического Общества. Т. 116. СПб., 1902. С. **7.**

[71] Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630–1631 гг. // Сборник императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1902. Т. 116. С. 7, 35, 57–64.

как в откровенном бытовом презрении простого люда к представителям европейских государств – известен случай, когда московские купцы отказывались принимать даже монеты с изображениями западноевропейских монархов, оплевывая их и втаптывая в грязь[72]- так и в конкретных церковных постановлениях. В 1620 году разгорелся скандал: два священнослужителя из Казани сочли возможным прибегнуть к одной из двух прежних практик: переводить католиков в православие через миропомазание, а не через повторное крещение. Практика, допускавшаяся в предшествующие времена наравне с практикой повторного крещения, после Смуты и прецедента с таким же переводом в православие Марины Мнишек вызвала крайнее ожесточение духовенства и народа, увидевшего в этом предательство веры. Сам патриарх Филарет, к которому поступило обращение казанского духовенства по этому поводу, напомнил священникам, что точно также во времена Лжедмитрия I Патриарх Игнатий, «этот новый Иуда», так же присоединял к православию Марину Мнишек. В том же году в Москве состоялся церковный собор, постановлениями которого латиняне и протестанты всех деноминаций были приравнены к наиболее опасным еретикам, таким как ариане, несториане и прочие еретики первых веков христианства. В постановлениях было указано, что «латиняне и лютеране» от каждой из наиболее опасных ересей взяли что-то и тем самым являются еретиками не менее если не более, чем еретики первых веков[73]. Единственно возможным способом перехода в православную веру для католиков и лютеран устанавливалось повторное крещение. Вопрос о какой-либо вероятности брака между православным и не православным не

[72] Черникова Т.В., Европеизация России во второй половине XV-XVII веках. М.: МГИМО – Университет, 2012.

[73] Соборное изложение при мирских потребностях, 1639 год, л. 429, Цитата по: Голубцов А.П., Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 23-24.

выносился на повестку дня заседаний собора, но отнюдь не по той причине, что этот вопрос был не актуален или каким-то образом уже решён. Прежде всего, вопрос о смешанных браках не ставился на соборе потому, что возможность таких браков даже не рассматривалась духовенством и священноначалием. Постановление собора 1620 года будут оставаться руководством к действию для духовенства и епископата вплоть до новых формулировок этих истин на Московском соборе 1666-1667 годов, в котором будут принимать участие также представители других четырёх восточных поместных автокефальных Православных Церквей.

В то же время, занимая достаточно жёсткую и непримиримую позицию в отношении к иноверцам и еретикам, патриарх Филарет стремился преодолеть тенденцию к самоизоляции русского народа в сфере общественно-политической, так как видел в лице ряда государств и народов Европы возможных союзников в военно-политической сфере.

Патриарх Филарет первым создал в столице два полка «иноземного строя». Первым подразделением стал рейтарский конный полк Гендрика ван Дама, набранный в основном из голландских протестантов. Вторым был пехотный полк Карла Эберса, в составе которых преобладали выходцы из западной Швейцарии, Чехии, Бранденбурга, Саксонии и восточной Трансильвании, которых на родине преследовали за приверженность к протестантизму. Он доброжелательно принял в Кремле 14 английских аристократов во главе с герцогом Эктоном с семьями, многочисленными родственниками и слугами, и 11 английских дворян. Среди них был полковник Александер Лесли. Даже поляки-католики, зарекомендовавшие себя самым неблагоприятным образом в Смуту и часто воспринимавшиеся простым людом после Смуты как исчадие ада, и те принимались на службу: «самые ненавистные для тогдашних русских католики-поляки … являлись на

русскую службу как ни в чём не бывало… Поляков принимали на службу только больших людей. Но сам государь нарушал это ограничение»[74].

В начале XVII столетия в русской армии насчитывалось 2 500 западных иноземцев. В течение 1631-1632 годов из западноевропейцев было сформировано несколько пехотных полков, один рейтарский и отдельная кавалерийская рота. Ими командовали полковники Лесли, ван Дам, Росформ, Унзен, Краферт, Кинемонт, Гордон и капитан Фарбес.

К тому времени правители Нидерландов и Дании всё чаще демонстрировали свою лояльность к пытавшейся восстановить свои силы России. Решения Земского Собора и власть монарха Михаила Фёдоровича были признаны многими европейскими царствующими домами, что выразилось в заключении договоров Россией с Речью Посполитой (Поляновский договор 1634 года о перемирии) и со Швецией (Столбовский «вечный мир» 1617 года) и установлением регулярных дипломатических контактов с целым рядом государств Европы и Ближнего Востока. Даже те европейские государства, которые в то время не могли дать России существенной поддержки в решении её главных стратегических задач: разгрома крымского ханства, присоединения южных черноземных территорий Кубани и Северного степного Причерноморья, выход к морю и военно-техническая модернизация, всё равно являлись важными акторами внешнеполитической активности России, по мнению патриарха Филарета. Ведь во взаимодействии с европейскими монархиями и в ходе освоения разнообразного военно-технического опыта Россия получала возможность достичь намеченных целей, если не в кратко- и среднесрочной, то по крайней мере в долгосрочной перспективе. Решающее значение для этого имело преодоление всеобщего неприятия иностранцев в русском обществе. В этих условиях, несмотря на внутреннее противодействие, патриарх

[74] Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство в XV-XVII веках. // Из истории русского права. СПб., 1909. С. 139.

Филарет и царь Михаил сочли возможным предпринять зондирования возможностей заключения династического брака царя Михаила с представительницами европейских правящих домов.

Однако крайне негативное отношение широких слоёв населения к иноземцам на русской службе становилось значительным препятствием к тому, чтобы реализовать все внешнеполитические замыслы патриарха Филарета и его молодого сына царя Михаила Фёдоровича. Для того, чтобы обеспечить взаимодействие со странами Северной Европы в нужной для военно-технической модернизации России мере требовалось изменение отношения населения к иностранцам. В ответе на вопрос, каким образом стремился этого достичь патриарх Филарет, как нам кажется, и кроется ответ на вопрос, чем именно были для него несостоявшиеся проекты матримониальных союзов с представителями северных стран протестантской Европы.

1.2.6 Поиск невесты для царя Михаила Фёдоровича среди представительниц западноевропейских королевских династий.

Известные нам источники и историческая литература содержат немало сведений о том, каков был характер двух последних в XVII веке попыток заключить матримониальные союзы России с европейскими монархиями: попытки династического брака царя Михаила Фёдоровича и царевны Ирины Михайловны. В общем и целом, их характер широко известен. В то же время, желая исследовать культурно-религиозный аспект этих внешнеполитических предприятий, мы считаем существенным поставить вопрос о том, каков был культурно-исторический и нравственно-религиозный контекст данных событий. Из описания, приведённого выше, становится понятно, насколько было накалено после Смуты общественное мнение в том и без того неспокойном веке в отношении к иностранцам. Однако их появление в России, равно как и нахождение самой России внутри

европейских процессов, было неизбежным. В этой связи, нам представляется допустимым сделать предположение о том, что именно свадебные торжества монарших особ, совмещённые с геополитическими соглашениями между их странами, могли стать мощным импульсом к переосмыслению роли иностранцев в русской истории. Возможно, расчёт на это был одной из мотивировок со стороны патриарха Филарета и царя Михаила Фёдоровича в стремлении к заключению матримониальных союзов преимущественно с протестантскими странами Европы. Внешнеполитические расчеты, как и соображения становления в России монаршей династии Романовых, однако, не мешали патриарху Филарету и всем его преемникам, включая Никона, видеть в протестантизме ещё большую «ересь», нежели католицизм. Последнее вкупе со спецификой внешнеполитических противоречий не дало в конечном итоге возможности реализовать династические проекты.

В 1621 году в Данию выехало посольство князя А.М. Львова, который должен был предложить датскому королю Христиану брак царя Михаила Фёдоровича с принцессой Доротеей Августой. Однако в Копенгагене русское посольство ждал вежливый отказ. Русский посланец в Париже, Юрий Родионов, также имел указание разведать, нет ли среди дочерей французского королевского дома Бурбонов достойных кандидатур для брака с русским царём. Тогда же были осуществлены попытки поиска невест для Михаила Фёдоровича при шведском дворе: невестой царя Михаила могла стать сестра бранденбургского курфюрста Екатерина. Однако, когда между русскими посланцами и представителями шведской короны зашла речь о свадьбе, вопрос различной религиозной принадлежности оказался решающим. В Стокгольме рассматривали перспективу смешанного брака между лютеранкой Екатериной и православным царём Михаилом. В России такой союз был невозможен, Екатерина должна была перейти в православие и быть повторно крещённой. От этого шведская сторона тоже предпочла отказаться. Тем не менее, это не

помешало России и Швеции вступить в военную коалицию для того, чтобы выступить против соединённых сил Речи Посполитой – самого главного врага России – и Австрии – её союзника. В 1631 году военно-политическая коалиция России и Швеции была оформлена, Швеция ввязалась в войну против Австрии, Россия в 1632 году напала на Речь Посполитую – тогдашнего австрийского союзника – стремясь отвоевать Смоленск, вновь оказавшийся в составе Речи Посполитой по условиям Деулинского перемирия 1618 года.

Эти союзнические действия православной России и лютеранской Швеции, как и успешное развитие торговых связей России и Нидерландов на фоне неудавшихся попыток найти царю Михаилу невесту в Европе свидетельствуют, что династические браки, сохранявшие присущие им свойства уходящей средневековой эпохи, переставали играть определяющее значение в отношениях между государствами. На смену вотчинной и феодальной психологии в решении внешнеполитических проблем приходили отношения нового типа – отношения институционализировавшихся государств централизованного бюрократического управления. На смену прежним формам матримониальных отношений между представителями вотчинной власти на Руси и феодальных правителей Европы приходила система дипломатических межгосударственных отношений, требовавшая соответствующего уровня развития государственных структур и бюрократических институтов внутри стран.

Стремление патриарха Филарета и царя Михаила Фёдоровича найти союзников России в Тридцатилетней войне при помощи матримониальных браков является частным случаем общего вектора развития российской дипломатии – возвращению к традиционному курсу развития российской государственности XV-XVI вв.[75].

[75] Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 38.

В то же время нельзя не обратить внимание на то, что в одном отношении во внешней политике России и сопредельных стран произошли достаточно существенные перемены, напрямую связанные с ролью культурно-религиозного аспекта в международном положении и внешней политике России. В условиях институализации российской дипломатии и постепенной смены боярско-вотчинной системы правления страной на административно-бюрократическую впервые культурная принадлежность и религиозная идентичность отдельных представителей правящих элит в российском государстве стала служить средством решения насущных задач, а не их целью.

Это касалось прежде всего нарождающегося типа бюрократов, которые представляли собой образец зачинавшегося нового класса российских управленцев, происхождение коих было напрямую обусловлено разложением удельно-вотчинной системы управления страной и образованием административно-бюрократической системы управления. Тот факт, что посреди этого процесса, начавшегося ещё в XVI веке и прерванного периодом Великой Смуты, пришлось время величайшего разорения России и фактического захвата в 1610-1612 гг. столицы иностранцами, изгнанными из Москвы при помощи Второго народного ополчения Минина и Пожарского, и освободительной борьбы, обусловил дуализм в системе управления Россией. Приверженный западным образцам как исконным примерам для подражания в вопросах бюрократии ещё со времён Смуты, русский приказной человек также испытывал всегдашнее презрение и решительное отторжение ко всему иностранному как к захватническому, иноверному, вражескому, изгнанному силой оружия с родной земли. Находясь в колебаниях между двумя этими полюсами и выводя на первое место то приверженцев одного полюса, то сторонников другого, российская государственная система управления совершала свой путь развития и усложнения в течение всего XVII века.

В отношении к вопросу о брачной политике царствующего дома и о выборе невесты для царя Михаила Фёдоровича, царь и его ближайшее окружение неожиданно встретили небольшую и, конечно, негласную оппозицию в среде новой, поднимавшей свою голову бюрократической элите нового образца. В выше упомянутом исследовании А.П. Голубцова читаем: «Никто из них, сколько нам известно, не осмеливался прямо высказать самодержавному царю своих недовольств и опасений, но многие из лиц, причастных делу, сознательно или ненамеренно, тормозили его успешный исход»[76].

Россия чем дальше, тем больше приобретала черты централизованного государства с чётко структурированной системой бюрократического управления, а самодержавная власть должна была пройти путём формирования новых общественно-политических атрибутов своей власти, преобразовав в самой себе принципы и устои вотчинного правления, превратив их в новые традиции самодержавного – абсолютистского – государственного устройства.

Внешнеполитические отношения и формировавшаяся дипломатия были лишь частью целого в этом процессе, но в силу специфики своего развития и одной из ведущих ролей в политической жизни государства, они оказывались в числе первых систем государственной жизни, которые претерпевали соответствующие изменения.

Культурно-религиозный аспект не являлся единственным, но оставался одним из ключевых в плане определения меры возможного и допустимого в отношении управления государственной системой, претерпевавшей столь масштабные перемены.

---

[76] Голубцов А.П. Указ. соч. С. 32.

1.2.7 Попытка династического брака царевны Ирины Михайловны и датского королевича Вальдемара.

Последней в XVII веке попыткой найти выгодную партию из числа представителей европейских правящих домов со стороны царя Михаила Фёдоровича и русского правительства, было широко известное дело королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. Королевич Вальдемар был сыном датского короля Христиана IV от морганатического брака с К. Мунк и носил титул графа Шлезвиг-Голштинского. В течение долгого времени он вёл борьбу со Швецией за датское доминирование на Балтике. Прав на датский престол у него не было, а собственные владения были столь крохотны, что сам по себе союз царевны Ирины Михайловны с Вальдемаром не принёс бы России решительного изменения во внешнеполитическом положении на международной арене. С точки зрения мотивов и интересов, у королевича Вольдемара было больше оснований желать брака с царевной Ириной Михайловной. Их брак мог принести ему поддержку в борьбе против шведов, с которыми у России был давний конфликт за часть русской территории, захваченной в годы Смутного времени, вместе с утратой которой Россия утратила и выход к Балтийскому морю.

Однако царь Михаил Фёдорович никак не стремился использовать возможное супружество царевны Ирины Михайловны с королевичем Вальдемаром в качестве предлога для формирования военно-политического союза с Данией. В ответ на все попытки королевича Вальдемара,после его прибытия в Москву спровоцировать царя на конфликт со шведским королевством и поддержку Дании в войне он получил твёрдый отказ царя: «Что шведы люди пакостные и им нельзя верить ни в одном деле, это точно. Но они мне особого задору не чинят, и у меня со шведским королём вечный мир», - таков был ответ Михаила Фёдоровича предполагаемому зятю.

Выступление России на стороне Дании против Швеции было бы совершенно не возможным в той непростой обстановке, которая сложилась к тому времени на континенте. В Европе завершалась Тридцатилетняя война, явившаяся мощным фактором разложения прежней системы доминирования династии Габсбургов в политической сфере на континенте и установления новой системы международных отношений европейских государств, основанных уже не на религиозной идентичности и имперской парадигме, а на внедрении понятий политической нации и национального суверенитета независимых государств. Эта новая система, установленная после подписания Вестфальского мира в 1648 году, обусловила начало процесса снижения роли культурно-религиозного фактора в международных отношениях в целом. Однако до тех пор, пока военно-политическое противостояние в Европе не было исчерпано, действующими лицами европейской политики оставались люди глубоких религиозных убеждений и ориентиров, не готовые отступать от них ни при каких обстоятельствах[77].

Характерным представителем данного типа людей и был королевич Вальдемар: опытный дипломат, искусный воин, человек устойчивых убеждений, не готовый идти на компромисс в вопросах принципиальной для него важности. Стремиться заключить брак царевны Ирины Михайловны с ним на условиях перехода королевича Вальдемара в православии было делом очень сложным и рискованным. Тем более, что противодействие самой попытке такого брачного союза в Москве было колоссальным. Решение о приглашении Вальдемара в Россию и его сватовстве к царевне Ирине Михайловне принималось в режиме строжайшей секретности, в том числе без ведома патриарха Иосифа, пришедшего на смену скончавшемуся патриарху Филарету. Проводниками реализации плана были выше упомянутые бояре Шереметев, Лихачёв и Львов и датский агент Пётр

[77] Впоследствии такие люди также были, есть и будут, но их роль в осуществлении политических процессов будет становиться с каждым разом всё меньше и меньше.

Марселис, которого русская сторона привлекала порой к роли русского посла в Данию.

Патриарх Иосиф, чьё предстоятельство в Русской Православной Церкви было отмечено значительным развитием церковного образования, обширным книгопечатанием и продолжением церковно-богослужебных реформ, тем не менее, был сторонником консервативной позиции в отношении положения иностранцев в России и вопросов соприкосновения русских православных людей с иноверцами из западной Европы. Открывая Ртищевское училище в Москве и приглашая учёных киевлян для преподавания «Краткого Катехизиса» Петра Могилы и «Грамматики» Милетия Смотрицкого, патриарх Иосиф отличался крайней нетерпимостью к римско-католическому и протестантскому Западу как к главной угрозе православной вере. Данное неприятие иностранцев укреплялось и в более широких слоях населения вместе с усилением церковной проповеди, которая в годы патриарха Иосифа и в последующие годы патриарха Никона значительно расширялась, выходя на новый, ранее не мыслимый уровень. В Москву со всех уголков православной Руси, а затем и со всего православного Востока, начали стекаться великие святыни: мощи первых московских святителей и благоверных князей, святыни Иерусалима, Святой Земли и Афона, множественные грамоты и послания Восточных Патриархов. Данные факты свидетельствовали о чрезвычайном усилении проповеди церкви, о укреплении её влияния на народ. И вместе с этим возрастающим влиянием возрастала и решимость тех бояр, которые вставали в глухую оппозицию решениям царя относительно заключения брачного союза с датской короной.

Особняком в числе оппозиционных сил по отношению к королевичу Вальдемару и матримониальному союзу с датчанами стоял боярин Борис Иванович Морозов, который был воспитателем – «дядькой» - сына царя Михаила Фёдоровича Алексея Михайловича. Будучи к тому времени одним из наиболее влиятельных чиновников, возглавлявших несколько важнейших

приказов и отвечавших за поступление денег в царскую казну, Борис Иванович, наиболее близкий боярин к сыну царя Алексею, опасался, что королевич Вальдемар, женившись на Ирине Михайловне и перейдя в православие, сможет претендовать на российский престол. Ещё слишком силен был в памяти боярства опыт Смутного времени, когда представители боярского правительства, после низложения царя Василия Шуйского, были вынуждены, по крайней необходимости, сами просить взойти на царский престол в Москве польского королевича Владислава.

Наследие Смутного времени сыграло значительную роль в вопросе, связанном с попыткой устроить династический брак между королевичем Вольдемаром и царевной Ириной Михайловной. Те государевы люди, представители мелкого дворянства и приказного звена второго эшелона власти, возвышение которых произошло на переломном этапе российской истории начала XVII века, составляли собой основу в формировании тех придворных партий, которые в будущем будут выступать за решительное сближение с европейскими монархами, расширение контактов с иностранцами и их государствами. Такие управленцы как Иван Грамотин, выбившийся во власть во время правления Лжедмитрия I и остававшийся долгое время главой Посольского, а некоторое время и Поместного приказов, иностранец на русской службе Пётр Марселис, ряд иных представителей зарождавшейся в России бюрократии. Управленцы этого типа уже смотрели на вопросы культурно-религиозной принадлежности с принципиально иных позиций.

Отдельно необходимо сказать и о ещё одной «партии» русских бояр, наиболее ярким представителем которой был глава правительства и крупнейший боярин эпохи Фёдор Иванович Шереметев. Представители наиболее знатных боярских домов России, лично пережившие события Великой смуты и принимавшие самое непосредственное участие в событиях, её ознаменовавших, эти люди отличались глубокой преданностью царю и

стремлением к удовлетворению практически любых его желаний и стремлений. Фёдор Иванович Шереметев, бывший в числе семи думных бояр, оказавшихся во главе разорённого государство и искавших помощи у Речи Посполитой, бывший свидетелем гибели или плена множества своих собратьев, был ревностным сторонником царя Михаила Фёдоровича. Он стремился сделать всё возможное для укрепления его власти, становления династии Романовых, избежания любых рисков повторения Смуты. Фёдор Иванович Шереметев принимал активное участие в подготовке и реализации решения о приглашении королевича Вальдемара в Россию и его сватовстве к царевне Ирине Михайловне. Однако его позицию можно понять скорее через призму глубокой преданности царю, чем через призму особой позиции по вопросам русско-датских отношений или в целом отношений России со странами Европы.

Задача по привлечению королевича Вальдемара в Москву была возложена на датского резидента при русском дворе Петра Марселиса. Пётр Марселис, приехав в Копенгаген, сумел убедить датский двор в том, что королевичу Вальдемару в Москве будет оказана подобающая честь и полная свобода во всём, в том числе и в вопросе вероисповедания. Именно вопрос религиозной принадлежности стал краеугольным камнем в этом деле. Изначально в Москве потребовали от кандидата в женихи царевны Ирины Михайловны перейти в православие через повторное крещение. Тогда датский король Христиан IV назвал таковое желание «страховитым, нетерпливым и жестоким» и заклял Вальдемара отеческим проклятием на тот случай, если он сейчас или когда-либо ещё отступиться от лютеранской веры и перейдёт в православие.

Возможность заключить брак с иноверным в России тогда не рассматривалась. Уговорить королевича Вальдемара, находившегося под клятвой родного отца, также не должно было представляться делом лёгким, а тем более сообразным целям предприятия. Однако в поисках решения тех

проблем, которые возникли перед лицом молодой российской дипломатией нового времени, было необходимо искать средства к решению новых задач, опираясь на опыт прежних поколений дипломатов и политиков. Поэтому вопросы военно-политического союза, который был нужен Дании, и укрепления позиций власти внутри страны через признание в мире, к чему стремилась Россия, пытались решить прежним способом – династическим браком. И несмотря на то, что прежний метод решения внешнеполитических (для Дании) и внутриполитических (для России) задач уже не отвечал новым потребностям исторического момента, данная интрига стала ценным опытом в истории отечественной дипломатии. Она послужила признаком не окончательной сформированности молодой русской бюрократии, отразила новые реалии международного положения России, выявила тот факт, что ни Россия, ни страны Европы более не могут пользоваться методами прежней дипломатии в решении новых задач. Также данная неудачная попытка матримониального союза между русской и датской короной ещё один раз продемонстрировала существенные расхождения между Россией и странами римско-католической и протестантской Европы в вопросах веры и культурно-религиозной идентичности. Наконец, данная неудача стала одним из первых проявлений такого нового для России явления, как зарождающаяся тайная дипломатия, функция управления государственной системой, которая осуществляется руководством страны посредством тайных переговоров и интриг, не давая тем самым широкому кругу участников принятия политических решений воспрепятствовать тем или иным действиям правящей элиты.

Затея с вызовом королевича Вальдемара в Москву для последующей женитьбы на царевне Ирине Михайловне была заведомо проигрышна. Королевич Вальдемар зарекомендовал себя к тому времени человеком твёрдых принципов и убеждений. Он ни единожды принимал участие в государственных делах и руководстве страной. Любые посягательства на

свою религиозную принадлежность он твёрдо пресекал. Однако Фёдор Иванович Шереметев, отправляя посольство Петра Марселиса из Москвы в Копенгаген, сослался на послание Апостола Павла, в котором говорится о том, что «неверный муж спасается верной женой»[78]. А Марселиус вспомнил о Евангельских словах Господа, что к истинной вере приходит только тот, кого приведёт Отец Небесный, а пути Господни неисповедимы, так что не нам-де и думать о том, кто в какой вере останется и какую исповедовать будет. Надо сказать, что и датский король Христиан IV не проявил большой осторожности в этом вопросе, услышал более чем не однозначный ответ на вопрос о религиозной принадлежности в будущем своего сына. Однако именно он настоял на браке Вальдемара с царевной Ириной Михайловной, видимо, ожидая первой возможности согласиться на это предложение и прилагая большие усилия к тому, чтобы понудить своего сына ехать в Москву, куда последний поехал только по настоянию отца. Очевидно, что король Христиан IV имел очень веские основания предпочесть именно Москву Чешскому королевству, которое не могло бы даже теоретически предложить ему союзническую помощь в борьбе со шведами. Тем не менее, и он отправлял королевича Вальдемара свататься за царевну Ирину Михайловну только под письменные и устные гарантии о том, что «в вере не будет его сыну и служилым людям никакого притеснения»[79].

Однако эти самые «притеснения» начались сразу же по прибытии Вальдемара в Москву. Уже в первые дни пребывания королевича Вальдемара в Москве начались попытки убедить его перейти в православие,

---

[78] РГАДА. Ф. 153. Д. 15 Л. 2.

[79] Берх В.Н. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832 ; Цветаев Д.В. Из истории брачных дел в царской семье // Русский вестник, 1884. № 7-8 ; Голубцов А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891 ; Соловьев В.С. Жених царевны. М., 1903 ; Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913 ; Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории, 1992.

при чём попытки, столь же изощрённые в отношении к употреблению риторической аргументации, как и те, под предлогом которых Вальдемару была обещана мнимая неприкосновенность религиозной принадлежности. На сей раз московские вельможи и духовные лица указали Вальдемару на тот факт, что в своих документах он называет царя Михаила Фёдоровича своим отцом. А сыну невозможно с отцом держаться разной веры, и тем более сын должен находиться в послушании отцу и с чистой совестью может перейти в православие, исполнив волю отца[80].

Королевич Вальдемар продемонстрировал непреклонность своей позиции и так и не перешёл в православие, несмотря ни на какое давление со стороны всего своего нового окружения. Королевич Вальдемар, в последствии погибший на полях шведско-польской войны, так и не поступился ни на йоту своими убеждениями, приняв открытый моральный, а местами и реальный бой и уехав из России так и не достигнув заявленной цели полтора года спустя.

Дело королевича Вальдемаране не вышло бы за рамки обычных неудач в матримониальной политике. Однако это дело стало широко резонансным по той причине, что на нём как на одном из самых ярких примеров отразились новые тенденции в развитии российской государственности в целом и российской дипломатии в частности.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что к началу XVII века наметилась устойчивая тенденция искать женихов и невест среди европейских царственных домов для отпрысков российского царствующего дома. Возникновение данной тенденции было обусловлено как внутриполитическим положением российской государственности,

[80] Обширный корпус документов, способных пролить свет на фактологию данной внешнеполитической интриги, сконцентрирован в материалах Дела №15 Фонда 153 РГАДА, целиком посвящённого событиям, связанным с пребыванием королевича Вальдемара в Москве и его несостоятельному сватовству на царевне Ирине.

вышедшей за рамки удельно-вотчинного уклада и превратившегося в земскую монархию, так и внешнеполитическими соображениями. Стремлением представителей русских правящих домов войти в число крупнейших царствующих домов Европы, получить международное признание, развеять слухи о возможной не легитимности их власти, обеспечить закрепление России в числе крупнейших европейских монархий. Однако подавляющему большинству этих попыток было не суждено реализоваться именно в силу различной культурно-религиозной принадлежности европейских и русского монархов. Принадлежность к разным вероисповеданиям становилась непреодолимым барьером для более глубокой интеграции русских правящих элит с представителями западной Европы, одним из наиболее ярких проявлений чего и стала матримониальная политика русского правящего дома в XV-XVII веках.

В то же время в России формировался новый класс служилой бюрократии, который постепенно начинал заявлять о своём существовании и осуществлять хоть и несколько робкое вначале, но с каждым разом всё более и более ощутимое влияние на политику государства. Руководитель Посольского приказа Иван Грамотин, сделавший свою карьеру в годы Смуты и воспринявший западный образец делопроизводства, первый боярин и глава Аптекарского приказа Ф.И. Шереметев, царский печатник Ф.Ф. Лихачёв, думный дьяк Григорий Львов. Особняком в этом деле стояли иностранцы на русской службе, не имевшие формально больших должностей, но в силу своего особого статуса и неформального положения пользовавшиеся личным доверием царя в особо важных и щепетильных вопросах. Таковыми были богатый купец Пётр Марселис, датский резидент и голландский протестант по происхождению. Он же был тайным посланником царя Михаила Фёдоровича к датскому королю Христиану IV по делу королевича Вальдемара. Англичанин Джон Мерик, выступавший посредником в русско-шведских переговорах. Голландский купец и агент

влияния Исаак Масса, дипломатическими усилиями которого был обеспечен устойчивый рост товарооборота между Россией и Голландией в первой трети XVII века. Именно эти новые для российской государственности люди являлись проводниками преобразований, в ходе которых трансформировалась культурно-религиозная идентичность русской правящей элиты, не позволявшая проникать в неё никому из числа не православных.

В целом нельзя сказать, что культурно-религиозный аспект находился в центре внимания и деятельного попечения внешней политики России XVII века, являясь центром всех принимаемых внешнеполитических решений. Российское государство к тому времени стремилось решать широкий спектр задач, связанных не только с религиозной жизнью своего народа и народов Европы.

В то же время именно культурно-религиозный аспект оставался фактором русской жизни, социальной психологии и стиля национального мышления, который задавал меру допустимого и возможного при принятии внешнеполитических решений и построении внешнеполитического курса развития страны.

Глава 2. Культурно-религиозный аспект международного положения России в период правления царя Алексея Михайловича.

2.1. Начало правления Алексея Михайловича и культурно-религиозный фактор его первых внешнеполитических решений

Согласно утверждению современных исследователей российской истории, XVII века А.А. Преображенского, Л.Е. Морозовой и Н.Ф. Демидовой, одним из наиболее вовлечённым в процесс переговоров с датским королевичем Вальдемаром представителем российского государства был царевич и наследник престола Алексей Михайлович. Именно он неоднократно принимал королевича в царском дворце, и, по свидетельству многих, установил с ним любезные дружеские отношения[81].

13 июля 1645 года скончался царь Михаил Фёдорович. Восприемником царской власти стал его сын Алексей Михайлович, что окончательно поставило точку в череде кризисных явлений междуцарствия и многократным попыткам оспорить легитимность царской власти, апеллируя к незаконности её происхождения. Земский собор «обрал» на царство Алексея Михайловича, не ограничивая его власть какими-либо условиями, как это было с его отцом Михаилом в 1613 г. Династия Романовых надолго утвердилась на российском троне.

Конец 40-х – начало 50-х годов XVII века были отмечены значительной систематизацией административного правления и жизнедеятельности органов власти всех уровней. Этот процесс был обусловлен как значительным развитием российской государственности, находившейся на стадии активного перехода от земской монархии сословно-представительного типа к централизованному управлению самодержавным государством.

---

[81] Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007. С. 160.

Во внешней политике этот процесс сопровождался ростом активности в работе Посольского приказа, расширением ареала государств, с которыми Россия устанавливала регулярные дипломатические отношения, выработке постоянной идеологически обоснованной позиции государства по основным вопросам внешней политики и международных отношений.

Так, характерный пример конца 1640-х гг. из повседневной деятельности Посольского приказа – это выработка единообразных унифицированных вариантов разъяснений позиции России по вопросу о так и не состоявшемся браке королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. 17 августа 1645 года Вальдемар, отказавшийся переходить в православную веру и долгое время настаивавший на праве уехать домой, наконец получил такую возможность. По воспоминаниям людей из его окружения, которые уже приводились нами выше, новый царь Алексей Михайлович дал королевичу Вальдемару поистине царский приём перед его отъездом и организовал почётные проводы, расставшись с ним как со своим союзником и другом. Этот человеческий поступок и дипломатический ход сильно поспособствовал, по мнению современников, в сглаживании острых углов и противоречий между русским и датским двором и сохранению между двумя монархами доверительных отношений. Всем же посольствам России при всех дворах, включая резидентов в далёкой Персии (Иране), Грузии и Китае, были даны чёткие последовательные инструкции, как именно надо освещать произошедший «конфуз», какие комментарии давать при зарубежном дворе, на какие вопросы как отвечать по этому поводу[82]. Данные инструкции составлялись в Москве, в своеобразном прототипе «центрального аппарата» тогдашнего Посольского приказа, что свидетельствует о постепенном формировании системы иерархической

[82] РГАДА. Ф. 153. Д. 15 Л. 2.

соподчинённости органов власти, их структуризации и формализации работы.

Также в дипломатическом ведомстве тех лет впервые появляется аналог будущей службы стратегического планирования внешнеполитических ведомств и их подразделений. Так, до наших дней дошли документы, свидетельствующие о том, что царю Алексею Михайловичу поступали аналитические записки с предложением об установлении торговых и дипломатических отношений с Индией – страной сказочных богатств и экзотических товаров, долгие годы бывшей пределом стремлений множества европейских торговцев, путешественников и искателей приключений. Документы свидетельствуют, что Алексей Михайлович, к тому времени уже имевший постоянные сношения с Китаем, всерьёз рассматривал возможность проложить путь российским купцам и дипломатам в Индию, однако от реализации этих планов в конце концов отказался.

Главной же чертой нового этапа в развитии российской дипломатии тех лет, который был обусловлен и приходом нового монарха к власти, и объективным ходом развития системы государственного управления страной, стало то, что внешняя политика российского государства приобрела чётко очерченную и постоянную систему идеологических ценностей и приоритетов, на которые она будет опираться в своём внешнеполитическом курсе в течение многих десятков лет.

Стержнем идеологии внешней политики России была и осталась культурно-религиозная идентичность русского народа как носителя православной веры, хранителя церковного начала в истории и защитника интересов православных христиан по всему миру.

Так, царь Алексей Михайлович в конце 40-х годов XVII века отправляет во все европейские и ближневосточные страны посольства с недвусмысленным предписанием требовать от всех монархов Европы и Азии

отпустить из плена и рабства в их странах тех невольников, которые имеют русское происхождение или принадлежат к православному вероисповеданию. Это требование российского монарха официально мотивировалось тем, что защищать интересы и права православных христиан по всему миру – это его прямая обязанность как православного царя перед Богом.

Также специфическим направлением внешней политики России тех лет, в котором было велико значение культурно-религиозного фактора, было стремление России вернуть под свой контроль все земли Древнерусского государства, находившиеся в то время под контролем Речи Посполитой. В основу этих целеполаганий практически всегда ложились религиозные или культурно-исторические мотивы: необходимость защиты интересов православных христиан Малороссии, Белоруссии и прочих регионов Западной Руси, от притеснений со стороны римо-католиков, униатов и иудеев. А также поиск утраченного единства некогда общего пространства Древней Руси, внутренняя идентичность которого обусловливалась исключительно культурной и религиозной идентичностью населения этой земли.

Ещё одной характерной чертой идеологии внешней политики России середины XVII века была защита самодержавной власти – монархии – как таковой, вне зависимости от конфессиональной принадлежности монарха. Так, 1 июня 1649 года Алексей Михайлович принял решение выдворить из России всех английских купцов и прочих подданных Британии. Решение было обусловлено революцией в Англии и казнью короля Карла: «Вы всею землею вашею учинили большое злое дело, Государя своего Карлуса короля убили до смерти»[83]. Данный поступок был также обусловлен преимущественно культурно-религиозным фактором развития внешней

[83] Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007. С. 176.

политики России. Российское самодержавие не имело серьёзных оснований опасаться экспорта революционных настроений с британских островов на российскую почву, так как социально-политическая и сословно-представительная структура русского и английского общества были различны и не могли быть напрямую сопоставлены друг с другом. Волнения в России, которые имели место в конце 1640-х – начале 1650-х гг. носили совершенно иной, нежели в английском обществе, характер, и были направлены не против самодержавия, а против внутрисословной несправедливости, как в случае с соляным бунтом 1648 года, спровоцированным введением крупного налога на соль[84].

Также нельзя не заметить, что временный разрыв торговых и иных отношений с Англией причинял определённый финансовый и технический ущерб России как стране, для которой Англия в течение полувека была традиционным торговым партнёром.

Однако данные издержки оказались приемлемыми для российского государства, которое было готово настаивать на своей позиции по основным международным проблемам, во многом обусловленной культурно-религиозным фактором развития внешней политики России.

Защита самодержавной власти – монархии – вне зависимости от конфессиональной принадлежности монарха, сословного и экономического уклада жизни в его стране, имела очень глубокую культурно-религиозную

[84] Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. М., 2009. 168 с. ; Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г. // Научные труды. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV-XVII вв.. М., 1954. 380 с. Т. 2 ; Ляпин Д. А. Народные волнения в России в 1648-1650 гг.: Актуальные вопросы исследования // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 3. С. 54-58 ; Ляпин Д. А. Московское восстание и политический кризис лета 1648 г. // Вестник ВЭГУ. — 2015. — № 1(75) ; Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. М., 2017. 640 с. ; Тихомиров М. Н. Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. // Классовая борьба в России XVII в.. М., 1969. 448 с.

мотивацию, которая уходила корнями в основу православного учения о благодатности царской власти как таковой и необходимости поддерживать её даже тогда, когда монарх – царь, король или император – не принадлежит к православию и не является членом Церкви. Православие исходит из того, что монархическая власть является духовно-нравственной ценностью сама по себе, которая обладает самодовлеющим авторитетом и играет позитивную роль в гармонизации общественных отношений по факту своего существования.

Здесь мы видим сохранение той же тенденции, что была характерна для предыдущего правления: культурно-религиозный аспект международных отношений сохраняется в качестве одного из центральных по степени своего влияния на внешнюю политику России и является определяющим при формировании меры возможного и допустимого при построении внешнеполитического курса страны. Новым же явлением во внешней политике является то, что культурно-религиозный аспект международных отношений более не обуславливает принятие тех или иных политических решений на уровне личного выбора отдельных политических деятелей или элит. Культурно-религиозный аспект стал самостоятельно действующей силой при формировании внешнеполитической повестки дня, способной не только ограждать политическое руководство страны от принятия решений, идущих вразрез с религиозными догматами или традициями, но и формировать внешнеполитический курс страны, как это произошло в русско-английских отношениях конца 40-х – начал 50-х годов XVII века. Также культурно-религиозный аспект начал выходить из поля личных интерпретаций отдельных представителей российской правящей элиты и стал оформляться в виде конкретной внешнеполитической идеологии, напоминающей основы будущей внешнеполитической доктрины. Будучи одним из базовых компонентов формирования внешнеполитической

стратегии России, он послужил основой чётко понимаемой и всеми единообразно интерпретируемой идеологии.

Особенно это стало явным в 50-е – 60-е годы XVII века, когда Россия начала вести борьбу с Речью Посполитой за присоединение малороссийских земель, исторически принадлежавших общему пространству Древнерусского государства, народ которого являлся православным и русским (восточно-славянским) по своей культурно-религиозной принадлежности.

2.1.1 Культурно-религиозный аспект в деятельности малороссийского гетмана Петра Сагайдачного и его роль в международном положении России

Первая половина XVII века стала одним из переломных этапов в истории Отечества в отношении к культурно-религиозному аспекту внешней политики и международного положения страны. Этот период можно считать переходным с точки зрения истории внешней политики во всей Европе, так как на место феодальной политике региональных контактов выстраивается многоуровневая система международных отношений нового типа, в которой главным субъектом становится народ, организованный в единую общность, и отождествляющее себя с ним национальное государство абсолютистского типа. Переходным данный период был и в российской истории. Как и в случае с подавляющим большинством европейских государств, изменяется сама суть международного положения России. Россия перестаёт быть государством, замкнутым в системе региональных связей с пограничными государствами (прежде всего – Речью Посполитой, Швецией, чуть меньше – Крымским ханством), а становится державой, включённой в систему дипломатических отношений и стратегического позиционирования себя на мировой арене. В случае с Россией происходит это на фоне колоссального подъёма общерусской идентичности, вызванного бурным всплеском освободительного народного движения в годы Великой Смуты и последующим укреплением центростремительных тенденций внутри

русского суперэтноса под непосредственным влиянием православной церкви и народной ментальности, которую мы именуем культурной идентичностью русского народа и народов России. С наибольшей пестротой проявилась эта тенденция на крайнем рубеже соприкосновения зоны расселения русского народа с сопредельными народами на западных границах, то есть на Украине.

К середине XVII столетия Запорожская Сечь, представлявшая собой беспрецедентный в истории православных народов «рыцарский орден» православных христиан, и гетманская Украина, населённая казаками и прочими сословиями, входила в состав Речи Посполитой, стремясь расширить автономию запорожского воинства, претендовавшего на роль самостоятельной единицы в международных отношений в своём регионе, особенно, когда речь шла о лавировании запорожцев между Речью Посполитой и Россией.

Первыми предвестниками последующих событий, приведших Малороссию к вхождению в состав русского царства, была деятельность на посту кошевого атамана реестровых казаков Петра Кононовича (Конашевича) Сагайдачного. Именно этот выходец из мелкого православного шляхетского рода из города Самбора первым принял титул гетмана, который позже носили все выборные главы войска запорожского.

История Петра Сагайдачного прекрасно иллюстрирует насколько фактор конфессиональной идентичности был важен как для простых людей, так и для персон, наделённых военной и политической властью, как их религиозные чувства в конечном итоге в значительной мере влияли на международные отношения. Пётр Сагайдачный отличался незаурядным характером, чрезвычайной даже для тех мест и времени силой воли и отвагой, а также тонким политическим чутьём. Он умел ладить с панами, первым из гетманов Украины пришёл к идеи превращения реестрового

казачества в национальную украинскую элиту. Мог воевать за московские интересы и против Москвы. Достаточно вспомнить его поход вместе с королевичем Владиславом в Россию в 1618 г., когда черкасы Сагойдачного разорили дотла Ливны, Елец, Лебедянь, Данков, захватили Путивль, Рыльск, Курск и ряд других городов, приняли участие в штурме укреплений русской столицы, а сам гетман у Троице-Сергиева монастыря, куда отошли от Москвы запорожские и польско-литовские силы осенью 1618 г., до последнего пытался убедить королевича не заключать Деулинское перемирие и продолжить войну с московитами). Но и для Речи Посполитой Сагайдачный, как истинный вождь запорожского казачества, был мало надёжный союзник. Потеряв гетманскую булаву в декабре 1619 г., Сагайдачный направил посольство к царю Михаилу Фёдоровичу, желая «послужить» Москве в борьбе с Крымом, получить за это жалование, а заодно и вернуть с московской помощью свою монополию на гетманство на Украине.

Единственная область, где Сагайдачный не признавал компромиссов, была его православная вера. Все договоры с властями Речи Посполитой, которые гетман заключал от имени запорожского казачества, включали пункт защиты православия. Так, перед походом королевича Владислава на Москву в 1618 г. Сагайдачный обусловил участие запорожцев в этом предприятии рядом условий. На первом месте значилось снятие всяких ограничений на православное вероисповедание в Малороссии, восстановление там православной церковной иерархии. Остальные требования касались увеличение числа реестровых казаков, расширение территории, подвластной гетману и признания полной судебно-административной автономии войска Запорожского.

Королевич, заинтересованный в участи 10 тыс. запорожцев Сагайдачного в Московском походе, согласился, но легко «забыл» договор, когда нужда в запорожцах после Деулинского мира отпала. Польско-

литовские войска фактически оккупировали Нижнее Поднепровья и Пётр Сагайдачный был вынужден пойти на сокращения числа вписанных в реестр казаков, за что взбунтовавшаяся масса недавно показачившихся запорожцев, увлекая за собой казаческую раду, и лишила Сагайдачного гетманства, выбрав гетманом Якова Борадавку. В итоге в Запорожье установилось фактическое двоевластие, т.к. Сагайдачный продолжал считать себя гетманом и это мнение разделяла часть его сторонников, а главное Речь Посполитая.

Вскоре поход гетмана Бородавки на Константинополь и Варну втянул Речь Посполитую в большую войну с Блистательной Портой. Осенью 1620 польско-литовские силы были разбиты и для продолжения войны полякам опять при посредничестве Сагайдачного пришлось искать тактический временный компромисс с запорожцами. И опять Сагайдачный выдвигает требования свободы православного вероисповедания, признания восстановленной уже к тому времени без согласия короны церковной малороссийской иерархии, а также фактической автономии Войска Запорожского в рамках Речи Посполитой.

Король Сигизмунд III условно соглашается. Казацкая рада в июне 1621 г. возвращает гетманскую булаву Сагайдачному (Яков Бородавка вскоре был казнён), и 40 тыс. казаков отправляются в Хотинский поход на помощь коронным войскам. Турки были остановлены. Султан вынужден был заключить мир выгодный Речи Посполитой, но в его условия польская сторона легко согласилась внести статьи, обязывающие её обуздывать военную активность запорожцев. Естественно, это вызвало негодование казаков, которое всё более концентрировалось в единственной приемлемой и понятной средневековому менталитеты форме – религиозной православной оппозиции, а не получившая равных прав с католической шляхтой православная малороссийско-запорожская элита всё более готова была сыграть роль вождя народа в этой религиозной борьбе.

Упорное стремление польско-литовской стороны не расширять привилегии православного малороссийского шляхетства и запорожской старшины, как показали дальнейшие события середины XVII в., были губительны для целостности Речи Посполитой и её перспектив оставаться сильной восточноевропейской державой. Причиной такой недальновидности и негибкости королевской власти и польско-литовского шляхетства также явился религиозный фактор, заставлявший здешних католиков всеми доступными средствами пытаться искоренить православие, заменив его униатством. Католическая контрреформация в пределах Польши и Литвы в конце XVI- середине XVII в. являлась таким же центром сосредоточения духовных сил адептов латинской веры, как и защита православной веры для украинского и белорусского населения. Последнее к тому же полагало себя «народом русским», таковым его считали и в Кракове, и в Москве, причём этническая составляющая здесь совершенно тонула в чувстве религиозного братства православных.

Неудачный опыт Сагайдачного путём договоров с короной убрать притеснения православных, а ткже их церкви в Малороссии и превратить православное шляхетство и старшину в часть привилегированной социальной элиты Речи Посполитой заставляли запорожцев устремлять свои взгляды на единоверную им Москву. Возможно, что уже к 1620 г. Пётр Сагайдачный понял невозможность социального компромисса между католической и православной элитами Речи Посполитой, за чем последовало и осознание, что польско-литовское католическое олигархическое государство будет не в состоянии отвечать нуждам и потребностям православного народа Украины ни в каком отношении – особенно в культурно-религиозном. Кстати, стихийное понимание этого шло и снизу. К примеру, после Деулинского перемирия, часть казачьих отрядов, столь рьяно послуживших королевичу Владислава в его московском походе, решили перейти на русскую службу.

В существующей на сегодняшний день исследовательской и научно-популярной литературе атаману Петру Сагайдачному отводится второстепенная позиция человека, который лишь в некоторой степени предвосхищал своими действиями решительные и эпохальные для Украины и России события восстания Богдана Хмельницкого. В то же время, нам это представляется не слишком справедливым. Большая часть работ, посвящённых Петру Сагайдачному, игнорируют роль культурно-религиозного аспекта в его деятельности, а большая часть работ, посвящённых истории Церкви или культуры России игнорируют или недостаточно освещают роль Петра Сагайдачного[85].

На наш взгляд гетман Пётр Сагайдачный стал человеком, проложившим дорогу деятельности Богдана Хмельницкого. Без исторического опыта Сагайдачного и его решений которого освободительная война Хмельницого и Переяславская Рада были бы просто невозможны.

В контексте нашего исследования деятельность Петра Сагайдачного представляется интересной тем, что московская дипломатия в 1618-1620-х гг. лишённая надежды решить военным путём свои противоречия с Речью Посполитой, направила свои усилия на максимальное использование фактора единства православных христиан в отношениях с запорожскими казаками и в малороссийском вопросе в целом.

В 1620 году Пётр Сагайдачный предпринял необычный дипломатический и политический ход. Он как простой православный мирянин вступил в состав Киевского Богоявленского братства! Вслед за атаманом в братство вступили все казаки Запорожской Сечи!

В феврале того же 1620 г. в Москву от Петра Сагайдачного было послано посольство во главе с атаманом Петром Одинцом, которое предлагало царю Михаилу Фёдоровичу принять Сагайдачного и его

[85] Работы Ю. Феодоровского, Д. Яворницкого, Г.В. Вернадского.

сторонников на русскую службу за определённую плату и помощь в отнятии гетманской булавы у Якова Бородавки. Русская сторона не склонна была вмешиваться во внутренние распри обоих гетманов, как, видимо, и не сочла перспективной для себя вариант службы запорожцев против Крыма. Не склонны в Москве были и выделять ресурсы на финансовые нужды «партии» Сагайдачного (посольство получило сравнительно небольшую для гетманского статуса сумму денег в 300 рублей).

Впрочем, согласно имеющимся у нас документам, запорожское посольство было принято с большим радушием.

«[Лета 7128-го] февраля в 26 день в суботу на масляной [неде]ле по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу были в посольской полате у дьяков у думново у Ивана Грамотина да у Савы Раманчюкова запорожские черкасы Петр Одинец с товарыщи.

А посылай по них на подворье пристав их сотник Яков Бесков. А черкасы шли в город пеши. [А] как черкасы были у дьяков, и в то время стояли в городе стрельцы в чистом платье бес пищалей.

И как черкасы вошли в посольскую полату, и посольской думной дьяк Иван Грамотин спрашивал черкас: здорово ли дорогою ехали и нет ли какие нужи в кормех? И черкасы били челом на государеве жалованье, на корму и говорили, что им нужи нет никоторые.

И дьяки говорили черкасом: писали к царскому величеству ис Путивля воеводы, князь Иван Борятинской да Микита Оладьин, что вы приехали [к] государю ото всего Запорожского Войска с крымскими языки. И путивльские воеводы вас отпустили с языки к царскому величеству. И они б ныне объявили: о чем Войско Запорожское прислали их к царскому величеству бити челом, и где у них с крымскими людьми был бой, и сколь давно, и сколько оне поймали языков.

И черкасы, Петр Одинец, говорили: прислали их все Запорожское Войско, гетман Саадачной с товарыщи, бити челом государю, объявляя свою

службу, что оне все хотят ему, великому государю, служить головами своими попрежнему, как оне служили прежним великим росийским государем, и в их государских повелениях были 1, и на недругов их ходили, и крымские улусы громили, а ныне они потому ж служат великому государю. Ходили из Запорог на крымские улусы, а было их с 5 000 человек. И было им с крымскими людьми, дело по сю сторону Перекопи, под самою стеною. А было татар у Перекопи с 7 000 человек, а на заставе было их с 1 000 человек. И божиею де милостию и государевым счастьем татар они многих побили, и народ хрестьянской многой из рук татарских высвободили, и с тою службою и с языки присланы оне к государю. И в том волен бог да царское величество, как их пожалует. А татар они отдали преж того. А они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его царские милости к себе ныне и вперед искать хотят. И думной дияк Иван Грамотин говорил черкасом: то они делают добро, что они царские милости к себе ищут и служить ему, государю, хотят. И до царского величества бояр те их речи, что у них слышит, донесет. А об них царского величества бояре и до царского величества донесут, и что на то будет царского величества повеленье, и им ответ на то будет. Думной же дияк Иван Грамотин говорил черкасом, что здеся в Росийском государстве слух был понесся, что польской Жигимонт король учинился с турским в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить. И они б про то объявили ныне: как король польской ныне с турским, и с папою, цесарем и на их веру от них какова посяганья нету ль?

И черкасы говорили: посяганья на них от польского короля никоторово не бывало 2, а с турским в миру, и на море им на турского людей ходить заступлено из Запорог, а не с малых речек, с речек им, опричь Запорог, ходить не замирено 3. А про цесаря им и про папу ничего неведомо, и от них тот край отдалел. А на Крым им ходить не заказано. А на весну все

они идут певне в Запороги. А царскому величеству о том они все бьют челом, чтоб их государь пожаловал, як своих холопей.

А, говоря, дияки с черкасы, и сказав им государево жалованье, в стола место корм, отпустили их на подворье»[86].

В защите российских интересов московская дипломатия действовала очень эффективно и перспективно. В Москве Петру Одинцу устроили встречу с иерусалимским патриархом Феофаном III, прибывшим в Россию ещё в 1619 г. за традиционной милостыней (финансовой помощью Российского государства, которую регулярно давали фактически всем восточным православным патриархатам). В Москве Феофан III способствовал началу «книжной справы»[87]. Возможное посещение иерусалимским патриархом Украины было не только в интересах Петра Сагайдачного, о чём просило его посольство, но не менее в этом вояже была заинтересована и русская сторона.

Через несколько недель мы уже видим иерусалимского патриарха на Украине.

После Брестской унии 1596 года Православная Церковь на Украине и в Белоруссии потеряла свою каноническую иерархию. Практически все иерархи Церкви стали униатами. Апостольское преемство Церкви на этой территории пресеклось. Хотя оставалось немало священников, монахов и мирян, которые отказались переходить в унию. Поэтому богослужения не прекращались, прекратились только рукоположения нового духовенства, которые может совершать только архиерей. Наиболее активная часть священников, монахов и мирян объединялась в так называемые братства, которые представляли из себя небольшие группы людей, осуществлявших издательскую, богословскую и образовательную деятельность среди своей паствы. Братства как правило были немногочисленны и не обладали каким-

[86] РГАДА, ф. Посольский приказ, Малороссийские дела, 1620, без номера, лл. 1—5.

[87] Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. М., 2008., С. 325.

либо значимым ресурсом для осуществления масштабной деятельности, но они были очень хорошо организованы, занимались печатанием и распространением книг и брошюр о православной вере, переводами книг Священного Писания и предания Отцов Церкви, развивали систему самообразования, противопоставляя его официально существующим учреждениям, подчинявшимся унии или Ватикану. И вот в такое братство в 1620 году вступило всё многотысячное, высоко организованное и одно из самых боеспособных войско в Европе во главе с гетманом Петром Сагайдачным. Формально к тому не было препятствий – все казаки в Запорожской Сечи были православными христианами. Киевское Богоявленское братство даже не стало согласовывать свою деятельность с представителями официальной власти – в Варшаве не стали противодействовать деятельности «братства». Опыта разоружения Запорожской Сечи у польской короны не было. А поскольку православная иерархия в Киеве до унии канонически подчинялась Константинопольскому Патриархату, то с церковно-канонической точки зрения *Запорожская Сечь в лице всех своих отдельно взятых представителей вошла под юрисдикцию Константинопольского Патриарха* в качестве организованной структуры – «Киевского Богоявленского братства» - фактически сформировав восточный аналог рыцарского ордена или, если говорить в принятой в православии терминологии – народного ополчения. Не случайно историк Церкви Н.Ф. Карташёв писал по этому поводу: «Отдав неизбежную дань силой введённой унии, русское православие в Польше на его исконных землях – Галицкой, Холмской, Волынской и Киево-Переяславской – устояло, перестроилось и утвердилось»[88]. Он выделял две основные силы, которые помогли этому: 1) создание русской богословской школы со своей оригинальной богословской

[88] Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992. С. 291-292.

литературой и 2) сосредоточение самоутверждающей свою русскость народной силы в вольнолюбивом казачестве[89].

В то время юрисдикция Константинопольского, Иерусалимского и прочих ближневосточных Патриархов была разграничена не столь чётко, как в наши дни. После Ферраро-Флорентийской унии, когда Константинопольский Патриарх перестал быть православным, и вместе с османским нашествием и завоеванием всей Малой Азии в церковной иерархии и канонической жизни Церкви произошла некоторая дезорганизация, которая заставляла Иерусалимских Патриархов, опираясь на авторитет местной константинопольской иерархии, окормлять те территории, которые в церковном отношении принадлежали Константинополю. Да и сама кафедра Иерусалимских Патриархов по причине арабских и абиссинских нашествий долгое время находилась в Стамбуле. Лишённые покровительства погибшей окончательно в 1453 г. Ромейской империи, ближневосточные Патриархи в то время занимали более пророссийскую и промосковскую позицию, чем порой сами предстоятели Русской Православной церкви.

Известно, что в 20-е гг. XVII века Константинопольский Патриарх Кирилл сделал всё возможное для того, чтобы его собрат и соправитель царя Михаила Фёдоровича Патриарх Филарет получил возможность соединиться с силами Османского султана и крымских татар и совместными усилиями напасть на Речь Посполитую и вернуть утраченные в результате Деулинского соглашения русские земли. От этого предложения отказалась сама Москва, посчитав свои силы не достаточными для противостояния с Речью Посполитой.

Также восточные Патриархи стремились сделать всё, чтобы укрепить позиции Русской Церкви внутри страны и за её пределами.

---

[89] Там же. С. 292.

На границе его встречали представители «Киевского Богоявленского братства» при полном вооружении – Пётр Сагайдачный со товарищи. Согласно свидетельству Густынской летописи, они «обточиша его стражбою, яки пчелы матицу свою»[90]. Под защитой казаков Петра Сагайдачного и при участии последнего в Киеве Патриархом Феофаном была восстановлена православная иерархия – митрополитом стал известный защитник веры и благочестия Иов Борецкий.

В итоге при посредничестве иерусалимской православной церкви те задачи, которые ставили перед собой в религиозно-церковной области и Москва, и гетман Пётр Сагайдачный были полностью решены. Киевская православная митрополия была восстановлена. Это отвечало религиозным запросам и укреплению социокультурной идентичности малороссийского населения, а российской внешней политике давало надёжных канал влияния на внутренние дела Речи Посполитой в отношении её православного населения.

Российское государство столкнулось с необходимостью искать баланс в своей внешней политике. Претендуя на роль одного из наиболее влиятельных государств на востоке европейского континента, Россия ставила на первое место в числе своих стратегических приоритетов возвращение исторических русских земель и объединение под своим организующим началом православных народов, прежде всего – русского народа. Однако имея эту цель в качестве одной из стратегически приоритетных, российская дипломатия в течение долгих лет была вынуждена решать множество тактических задач. Среди которых весь XVII век стояли поддержание мирных отношений и стремление к нивелированию невыгодных условий мирных договоров первой трети XVII века с Речью

[90] Густынская летопись, 172. По изданию: Анхимюк, Ю.В. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией, Т. 40. М., 2003. С. 289.

Посполитой и Швецией. А также защита от набегов крымских татар, преодоление крымско-татарского и османского доминирования на всём пространстве южных рубежей России, присоединение южных донских и кубанских земель с их чернозёмом к России, выход к морю. Стремясь решить эти задачи, российской дипломатии часто приходилось откладывать на неопределённый срок всегда мировоззренчески приоритетную цель вселенского покровительства над православными народами.

Однако сами православные народы, предстоятели Церквей этих народов и их аристократия, неуклонно «напоминали» российскому руководству о себе и своих интересах, защищать которые Россия была призвана согласно собственному позиционированию в мире.

Таковы были и постоянные визиты ближневосточных Патриархов «за милостыней» в Москву, и неоднократные обращения грузинских царей к русскому царю с просьбами о покровительстве и помощи, и обращения малороссийских гетманов, и посольства Киевских митрополитов в столицу Русского царства.

Общерусский подъём, связанный с усилением освободительной борьбы казачества и православного населения Речи Посполитой, послужил началом для преобразования того стратегического позиционирования, которым обладала Россия как в собственных глазах, так и на международной арене. Общенародное движение, вышедшее из-под контроля государственной власти на рубеже XVI-XVII вв. и оформившееся впоследствии в целенаправленную борьбу за национальную идентичность в ходе двух народных ополчений времён преодоления Смуты и борьбы русского народа Речи Посполитой за освобождение от власти Польши и Литвы стали основанием для формирования новой государственной идентичности России и роста роли веры и национального самосознания в международной жизни страны.

2.1.2 Культурно-религиозный аспект освободительной войны Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады

После смерти гетмана Петра Сагайдачного (1622) в период до 1648 года на территории Малороссии казаками было организовано по меньшей мере пять восстаний. Так, в 1625 года вспыхнуло восстание Жмайло, закончившееся поражением казаков и невыгодным Куруковским мирным договором того же года. В 1630 году состоялось восстание Федоровича, в 1635 – Сулимы. Ещё два восстания произошли подряд в 1637 и 1638 годах. Все они были обусловлены комплексом проблем, с которыми казаческое сословие сталкивалось в процессе своего пребывания в составе Речи Посполитой в качестве особого реестрового войска и преданных ему территорий Малороссии и Запорожья. Нельзя сказать, что все они были обусловлены культурно-религиозным фактором.

Наоборот, после смерти гетмана Петра Сагайдачного на первое место в числе требований восстававших запорожских казаков как правило выходили требования социально-экономического, внутриполитического, правового порядка. В то же время нельзя не отметить, что именно культурно-религиозный фактор определял границы распространения восстаний и был главным при определении идентичности казацкого населения. Проблемы социально-экономического порядка касались большинства населения Речи Посполитой. Однако только казаки и те части населения, которые проживали на сопредельной с ними территории, принадлежали к одному и тому же субэтносу – казачеству – и исповедовали одну и ту же веру – православие, не принявшее Брестскую унию 1596 года, оказывались достаточно мобильны, компактны и внутренне едины для того, чтобы подняться на организованное восстание. Таким образом, культурно-религиозный аспект был имплицитно главенствующим при подготовке и проведению восстаний казачества в Речи Посполитой. Не будучи единственным и явно доминирующим, он был, тем не менее, одним из

важнейших в требованиях казаков, а также именно он формировал ту общность казачества, в границах которой и происходили восстания.

Восстание 1648 года, которое возглавил избранный тогда же гетманом малороссийский шляхтич и бывший войсковой писарь Войска Запорожского Богдан Хмельницкий, быстро охватило широкие слои православного населения Малороссии и Запорожья. Несколькими годами позже, обращаясь в грамотах с просьбой о поддержки к царю Алексею Михайловичу и к патриарху Никону, Богдан Хмельницкий так формулировал мотив, побудивший казаков к восстанию: «Вина, побудившая Козаков востати бранию на Ляхов есть сия: не яко, понеже Ляхи селения их и домы себе неправедне восприимаху, ни понеже от земного отчества болезненне их лишаху, ни зане, яко работою подобне немилостивому Фараону тех оскорбляху (удобне бо Козацкий род терпети сих неотвергл бы ся); но понеже мысленная тех селения и домы нетленных их душ, Ляхи принуждающе оставити благочестивые веры догмат, и приступити к заблуждению, злым усердством раззоряху. Козаки же, имуще божественное рвение и теплоту православные веры, возлюбиша лучше благочестивую смерть, нежели нечестивую веру»[91].

Религиозный дух, которым проникнуты слова малороссийского гетмана, не вызывает удивления: православное вероисповедание было чуть ли не единственным критерием принадлежности местного населения к казачеству – в случае крещения в казаки могли принять человека любого происхождения. И тем не менее, нельзя не отметить, что текст, адресованный к патриарху Никону, был составлен в том числе под влиянием обстоятельств: нуждавшийся в поддержке Богдан Хмельницкий искал союза там, где мог его получить.

---

91 Грамоты к патриарху Никону от Богдана Хмельницкого и проч. // Вестник Европы, Часть 155. № 13. 1827. С. 30-31.

Несколькими годами ранее, в начале восстания, гетман проводил куда более самостоятельную политику. Первые дипломатические контакты восставшей Гетманщины были отнюдь не с православной Россией, а с Крымским ханством, с которым Богдана Хмельницкого объединял общий тактический интерес в войне против Речи Посполитой, а также давнишняя история отношений, обусловленная частыми совместными походами казаков и крымских татар. Однако такой союз был не более чем тактическим ходом Богдана Хмельницкого, который обратился к крымскому хану Исмаилу III Гирею как к наиболее последовательному противнику Речи Посполитой. В планы казацкого гетмана отнюдь не входило противопоставлять себя польскому королю Яну Казимиру, с которым он был лично в прекрасных отношениях. Вообще, восстание вначале замышлялось Богданом Хмельницким как часть сложного внутриполитического противостояния группировок элиты Речи Посполитой, обострившегося в период проведения сейма в 1647-1648 годах.

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные и факты указывают на то, что Богдан Хмельницкий не думал противопоставлять себя Речи Посполитой. Его восстание начиналось не ради изменения геополитической обстановки в Восточной Европе, а ради достижения конкретных целей и задач прежде всего запорожцев и их старшины в рамках существовавших отношений внутри польско-литовского государства. Об этом свидетельствуют воспоминания польских шляхтичей, которые были ответственными делегатами польского короля на переговорах с взбунтовавшейся казацкой старшиной.

Также на это указывают слова самого Богдана Хмельницкого, дошедшие до нас в оригинале: «Желаю, чтобы сообразно воле и приказанию его королевского величества (здесь и далее речь идёт о короле Речи Посполитой Яне Казимире – авт.), вы не замышляли ничего дурного против нашей греческой религии и против ваших подданных, но жили с ними в

мире и содержали их в своей милости. А если, сохрани Боже, кто-нибудь, упрямый и злой, задумает проливать христианскую кровь и мучить убогих людей, то виноватый нарушитель мира и спокойствия, установленного его королевским величеством, доведёт Речь Посполитую до гибели»[92].

Богдан Хмельницкий успел выступить и в качестве действующего лица на международной арене и вступить в дипломатические отношения с лидеров английской революции Оливером Кромвелем, находившимся в то время на пути к захвату власти в революционной Англии[93].

Однако, вышеперечисленные факты касались преимущественно политических замыслов самого Богдана Хмельницкого и отчасти его старшины. Большинство рядовых казаков как гетманщины, так и Сечи, имели совершенно отличное от Хмельницкого суждение относительно характера происходящих событий, что подтверждается словами самого гетмана: «король приходит на нас со всею силою Лядцкою, веру православную, церкви Божия и народ православно—христианский от земли потребити хотяй. Мы же служити неверному Царю не хощем»[94].

В начале 1649 года, Богдан Хмельницкий, под предводительством обширного войска, состоявшего не только из казаков, но и из народного ополчения, в которое входили все желающие местные жители Малороссии, торжественно въехал Золотыми Воротами в Киев. Здесь его, по весьма важному совпадению, приветствовал не только Киевский митрополит Сильвестр, который поддерживал сохранение польской юрисдикции над Малороссией и Запорожской Сечью, но и Иерусалимский патриарх Паисий,

---

[92] Яковенко В.И. Богдан Хмельницкий, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894. С. 63.

[93] Яковенко В.И. Указ. соч. С. 64.

94 Грамоты к патриарху Никону от Богдана Хмельницкого и проч. // Вестник Европы, Часть 155. № 13. 1827. С. 23.

вошедший в историю православного мира как один из выдающихся православных иерархов Востока раннего Нового времени.

В научной литературе, посвященной истории церковно-государственных отношений в России и на территориях Малой и Белой Руси в XVII веке наблюдается общая для всех историков тенденция: рассматривать деятельность Иерусалимского патриарха Паисия и перерастание восстания Богдана Хмельницкого в освободительную борьбу украинского народа за освобождение из-под польского гнёта и обретение национальной самоидентичности внутри Русского царства по отдельности. При этом абсолютно все исследователи знают, отмечают и описывают то, как Иерусалимский патриарх Паисий благосклонно принял и поддержал Богдана Хмельницкого. В любом исследовании по истории Переяславской Рады или истории России мы найдём свидетельство, что хронологически в то же время, что и встреча Богдана Хмельницкого с Иерусалимским патриархом произошла смена векторов восстания Богдана Хмельницкого. Также в любом исследовании, посвящённом патриарху Паисию, находим свидетельство того, что Святейший Патриарх уделил много своего внимания Богдану Хмельницкому, который тогда же объявил себя не просто восставшим казаком, а защитником православия. И, странное дело, ни у одного из исследователей мы не встречаем предположения о прямой причинно-следственной связи между решительным благословением и внушением патриарха Паисия защищать православие и пребывать в послушании православному самодержцу, который единственный – русский царь во всей Вселенной, и решением Богдана Хмельницкого просить царя Алексея Михайловича принять Малороссию под свою руку.

Мы предполагаем, что отказ Богдана Хмельницкого от участия в полуолигархическом, полустихийном народном восстании и превращение оного во всенародную освободительную войну, сплотившую вокруг идеи защиты православной веры практически всё население Запорожья,

Малороссии, Белоруссии и прочих древнерусских земель, связан именно с решительной позицией, личной харизмой и публичными призывами к воссоединению с Россией Иерусалимского патриарха Паисия.

Иерусалимский патриарх Паисий был греком по происхождению. Он был избран на иерусалимскую кафедру при деятельном участии местного монашества и церковного клира. Стремление церковников Палестины избрать во что бы то ни стало именно такого человека как Паисий, который являлся самостоятельным церковным деятелем, была обусловлена тем, что в условиях османского владычества константинопольская патриархия, во многом дискредитировавшая себя ещё во времена Ферраро-Флорентийской унии и предшествовавшими ей поколениями иерархов-филокатоликов, так и тем, что была восстановлена султаном-завоевателем и вписана в социально-государственную систему Османской империи, потеряв прежнее влияние на православных Ближнего Востока.

В те времена по всему христианскому Востоку, охваченному османским и арабским завоеваниями, активно укреплялись консервативные тенденции внешних церковных отношений и возрождалась строгость средневековой богословской традиции, отмеченной жёсткой и непримиримой позицией в отношении к вопросам унии и римско-католического влияния. Данная позиция отмечена ещё и тем, что патриархи-ревнители, каким по нашей гипотезе был Иерусалимский патриарх Паисий, стремились распространить своё духовное, просветительское и идеологическое влияние на православные народы, оставшиеся неподконтрольными османскому владычеству или униатскому доминированию. Таковыми были прежде всего русский народ и народы России. Патриарх Паисий устремил свои взоры на Москву, стремясь воплотить неосуществимый в условиях Османской империи идеал симфонии церковной и царской власти на территории единственного независимого православного государства – Русского царства.

Путь патриарха Паисия в Москву лежал через Киев, который являлся канонически территорией константинопольского патриархата. Именно во время пребывания проездом из Иерусалима в Москву в Киеве патриарха Паисия произошли события восстания Богдана Хмельницкого с его торжественным въездом в Киев.

Богословы Киевской академии устроили Богдану Хмельницкому торжественный приём, сравнив его с самим Моисеем, который был вновь *Богом-дан*, чем обыгрывали его имя, этимологически имеющее таковое происхождение. По всем церквям был объявлен праздничный звон. Аналогия Богдана Хмельницкого, организовавшего достаточно спонтанное, ординарное для тех лет и не претендовавшее на кардинальные политические перемены восстание, с образом Моисея, выводящего свой народ из египетского рабства, придало всему делу специфическую историософскую и идеологическую окраску. Учитывая, что киевский митрополит Сильвестр был противником пророссийского восстания и попыток опровергнуть юрисдикцию Речи Посполитой над территориями, охваченными восставшими, сомнению, становится очевидным, что данный приём Богдана Хмельницкого в Киеве был организован по инициативе патриарха Паисия.

Также очевидно, что он не был спонтанным и хаотичным: подобные мероприятия нуждаются в подготовке на высоком уровне и за очень редкими исключениями не могут проходить без благословения священноначалия. Митрополит Сильвестр, при всём неодобрительном отношении к Москве, не мог сопротивляться ни общенародному подъёму, который, по словам очевидца событий Павла Тетери был таков, что «вся Украина решила умереть за имя царя Московского»[95], ни благословению Иерусалимского патриарха Паисия. Иерусалимский патриарх лично встретил Богдана Хмельницкого в Софийском соборе Киева и благословил его на

[95] Письмо атамана Павла Тетери королю Речи Посполитой Яну Казимиру. Приводится по изданию: Павлищев Н.И. Польская анархия при Яне Казимире. Ч.2. СПб., 1878. С. 313.

освободительную войну с поляками – католиками и униатами - за чистоту православной веры.

Также патриарх Паисий убедил Богдана Хмельницкого отказаться от желания вести переговоры с королём Яном Казимиром о предоставлении казакам бóльшей автономии в составе Речи Посполитой и расширении их прав и свобод, а напрямую обратиться с письмом к царю Алексею Михайловичу и предложить ему взять Малороссию «под свою высокую руку».

Адам Кисель, возглавлявший польскую делегацию на переговорах с восставшими казаками, признавался в своём дневнике, что осенью 1648 года, во время переговоров с казаками в Замосцье, Богдан Хмельницкий был готов первоначально пойти на компромисс и заключить договор с вступившим в 1648 г. на польский трон новым королём Яном II Казимиром, единокровным братом умершего короля Владислава IV. Причём главным требованием гетмана были вопросы не упразднения унии с римо-католиками, а предоставление более широкой административной автономии казакам в составе Речи Посполитой. Но когда в начале 1649 года польская делегация прибыла в Киев для продолжения переговоров с Богданом Хмельницким, он уже позиционировал себя как защитника православной веры на всей территории Украины, когда-либо входившей в состав Древнерусского государства, вплоть до Галиции и Волыни.

Отбывший в это же время из Киева в Москву Иерусалимский патриарх Паисий передал Алексею Михайловичу обращение с просьбой Богдана Хмельницкого принять православные земли Малороссии, территории Древнерусского государства, пострадавшего от католической экспансии и распространения унии, в состав Русского царства.

Алексей Михайлович воспринял просьбу гетмана Украины о принятии его «под высокую государеву руку» неоднозначно. Россия к тому времени уже занимала позицию крупной европейской монархии, земская

монархия времён Михаила Романова трансформировалась в самодержавие и в её внешнеполитической идеологии зрело убеждение, что необходимо отказывать в поддержке каким-либо повстанцам, выступившим против законных европейских монархов. Исследователь А.А. Преображенский пишет: «В Москве не решались принять «под высокую государеву руку» восставшую против Речи Посполитой Украину. Ведь восстали против короля! Обращения гетмана Богдана Хмельницкого хоть и принимались с пониманием, но не получали официальной поддержки»[96].

В это время в России ещё в бóльшей степени, чем прежде, окрепла та часть управленческого аппарата, который был ориентирован во многом на тактические и очень важные с точки зрения внешней и внутренней политики государства задачи. Как и в прежние десятилетия, для этих людей культурно-религиозный аспект во внешней политике оставался главным имплицитным фундаментом определения меры возможного и допустимого – однако целеполагание их исходило уже не только из потребностей защиты веры или культурной идентичности, но и из соображений практической значимости для развития страны.

Одной из ключевых задач внешней политики России в XVII веке было приобретение южных древнерусских земель Дона и Кубани, защита от набегов крымских татар, выход к морю, омывавшему территорию европейского континента. Данные задачи были обусловлены вопросами социально-экономического и технического развития российской экономики и социально-политической жизни страны. Выход к морю был важен с точки зрения геополитического и военно-стратегического позиционирования России на европейском континенте и во всём мире. При чём приоритетную значимость для России в XVII веке имел выход именно к Балтийскому морю, а не к Чёрному, закрепление на котором было невозможно без покорения

[96] Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007. С. 178.

Крыма – неосуществимой в XVII веке задачи. А без контроля над Крымским ханством выход к Чёрному морю мало, что практически давал. К тому же Россия не обладала флотом, способным к морскому плаванию. Все торговые операции России с европейским континентом велись через Белое море и перенос их на Балтику казался более возможным, не говоря о военно-политических резонах и планах возвращения захваченного в Смутное время шведами старинного русского выхода через Неву к Финскому заливу.

Единственным допустимым вариантом обеспечения национальных интересов России и решения насущных задач российской дипломатии на тот момент был поиск выхода к морскому побережью на Балтике, что делало неизбежным военный конфликт со Швецией. А это означало, что Речь Посполитая становилась тактическим союзником Москвы в борьбе со шведами, так как Речь Посполитая и Швеция были извечными противниками.

Таким образом, конфронтация с польским сеймом и королём была не в интересах Москвы с точки зрения тактических задач российской дипломатии и внешней политики в целом. Обращения Богдана Хмельницкого могли бы долго оставаться без ответа. Однако в дело вмешался именно культурно-религиозный фактор.

В 1649 году в Москве «в походе за царской милостью»[97] находился вышеупомянутый патриарх Иерусалимский Паисий. Влияние этого ближневосточного иерарха на внешнеполитический курс российского государства долгое время оставалось не в полной мере изучено. В этом параграфе мы постараемся дать характеристику его роли в присоединении Малороссии к Российскому государству.

---

97 Греческие дела 7157 г. №№ 6, 7, 8, 22, 27; 7158 г. № 1. 7159 г. № 11. 7161 г. № 5. Реестр греческим грамотам, № 137, 8 окт. 1656 года (в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел). Рукописный сборник Москов. румянцевской публичной библиотеки № 712.

Патриарху Паисию, как любому консерватору, занявшему патриарший престол в непростых условиях, было чрезвычайно важно добиться усиления консервативных тенденций в правлении Русским царством и Русской Православной Церковью. Выше приводились факты, свидетельствующие о том, что во многом именно патриарх Паисий определил возникновение в стане Богдана Хмельницкого идеи о том, что восстание против польской короны должно носить характер освободительной борьбы православных христиан против католиков, униатов и иудеев за чистоту православной веры. Позиция митрополита Киевского Сильвестра также не смогла смягчить этого влияния иерусалимского патриарха. Однако повлиять на Богдана Хмельницкого и митрополита Сильвестра патриарху Паисию было значительно проще, чем оказать сколь либо существенное влияние на внешнеполитический курс царя Алексея Михайловича. Богдан Хмельницкий намного больше нуждался в легитимации своих действий и получении дополнительной поддержки со стороны как низовых слоёв населения Украины, как и поддержки среди политических элит за пределами украинских земель, прежде всего – в Москве. В то время законный русский царь Алексей Михайлович сам оказывал поддержку множеству православных монархов и церковных иерархов, возглавлял уже окрепшее государство, ставшее на путь своего устойчивого развития и нарастающего влияния на европейском континенте.

В то же время патриарх Паисий не мог не заметить, что церковная жизнь оказывала определяющее влияние на весь состав жизни русского общества XVII века. И сам царь, и вся его семья, и в целом окружение царя – политическая элита, и всё русское общество на всех его уровнях дорожили своей церковностью как ничем другим. Хотя часть политической элиты, как было сказано выше, стало руководствоваться не только церковными, но и гражданскими целями в достижении тактических успехов в тех или иных сферах государственной жизни, но появление и укрепление во власти такого

подхода не говорило о снижении уровня религиозности в народе и в обществе. Церковность русского общества по-прежнему оставалась доминантой жизни на всех её уровнях. Когда речь заходила о клерикальном или не клерикальном целеполагании во внешней политике, речь шла не об отказе одних государственных деятелей от церковности как доминанте жизни, а о предпочтении другого метода, при помощи которого предлагалось укреплять позиции государства, и, в конечном счёте, веры.

Патриарх Паисий видел особое благочестие русского народа – воспоминания людей, сопровождавших его в эту и иные поездки, изобилуют описанием того, как русский народ проявлял необыкновенное религиозное рвение повсеместно.

Одним из проявлений высокой заинтересованности русского народа в судьбе Церкви было то, что к тому времени уже свыше тридцати лет в стране шла постепенная церковная реформа – сличение богослужебных книг и священных текстов с их исходными оригиналами, данными на греческом языке. Начало этой «книжной справы», всю ответственность за которую часто возлагают на патриарха Никона, было дано ещё Иерусалимским патриархом Феофаном III, который приехал в Москву ещё в 1618 году в то время, когда патриаршая кафедра в Москве пустовала, роль местоблюстителя патрианшего престола выполнял митрополит Иона, а главный кандидат в московские патриархи отец царя Михаила ростовский митрополита (и бывший тушинский патриарх) Филарет находился в польском плену.

Тогда патриарх Феофан III объявил московскому духовенству о том, что их богослужебные тексты, а также варианты трактовок Священного Писания, содержат множество неточностей, имеющих принципиальный характер, и повелел обязательно начать «книжную справу» - сверять тексты церковно-славянского языка с древнегреческими текстами.

Эта работа не прекращалась во всё время патриаршества Филарета, и продолжилась при патриархе Иосифе, который благословил в конце 40-х годов XVII века создание кружка ревнителей древнего благочестия, который возглавлял духовник царя Стефан Вонифатьев и в который входил один из ближайших к царю бояр Фёдор Ртищев, будущий патриарх, а тогда – архимандрит Ново-Спасского монастыря Никон, а также будущие предводители Раскола протопоп Аввакум и протопоп Иван Неронов.

Все эти люди отличались искренним религиозным рвением. Кружок ревнителей древнего благочестия ставил задачу очищения нравов россиян в духе истинно православных старомосковских традиций, а также занимался продолжением начатой при Патриархе Филарете «книжной справы» и иными действиями, направленными на решение проблем в церковной и общественной жизни тогдашней России. Большое внимание работе этого кружка уделял и лично царь Алексей Михайлович, который, по сути, руководил его работой через своего близкого человека боярина Фёдора Ртищева.

Патриарх Паисий был осведомлён о деятельности кружка ревнителей, и успел за время своего пребывания в Москве познакомиться с архимандритом Никоном, который произвёл на него наиболее сильное впечатление цельностью своей натуры, силой характера и решимостью пойти до конца по избранному пути. Как пишет С.А. Зеньковский, «Патриарх Никон был далёк от взглядов Филарета и большинства боголюбцев, которые интересовались судьбами только Московской Руси… Взгляды Никона были гораздо ближе к убеждениям Годунова, который ещё будучи регентом, указывал на вселенскую роль Москвы в деле охранения всего православного мира»[98].

[98] Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. М., 1995. С. 162.

Тогда же в Москве состоялся знаменитый Московский собор 1649 года, на котором по настоянию царя было утверждено единогласие, чему резко воспротивился Патриарх Иосиф, обозвал единогласие «новой ересью» и был готов бороться за право служить многогласно, по-старому[99]. Разочарованный нестроениями в иерархической жизни Церкви, царь искал себе опору внутри церковной ограды. В этот момент Патриарх Паисий и предложил ему кандидатуру архимандрита Ново-Спасского Никона. В письме к царю Патриарх Паисий признаётся: «В прошлые дни беседовал с архимандритом Никоном и полюбились мне беседы его»[100], и просит царя предоставить возможность ему «постоянно переписывать с Никоном». Однако под словами о постоянной переписке следует понимать предложение царю возвысить Никона до уровня самого Паисия, так как церемониал церковного протокола, особенно строгий в те времена, предполагал переписку равных с равными, по крайней мере, когда речь шла об официальной переписке.

Уже в 1650 году, отбыв на Родину, Патриарх Паисий стал активным проводником идеи возрождения Ромейской имперской парадигмы на территории России. На Балканах Патриарх Паисий вёл широкую пропаганду среди православного населения, готовя его к восстанию против Османской империи во главе с Россией, а в свите Патриарха открыто заговорили: «Царьградом будет владеть русский Царь»[101].

А архимандрит Никон был тогда же назначен на митрополичью кафедру в Великий Новгород. В Новгороде у нового митрополита было ответственное поручение: «наблюдать за всем управлением и освобождать

---

[99] Зеньковский С. А., Указ. соч. С. 113-116.

[100] Николаевский П.Ф. Из истории сношения России с Востоком в половине XVII ст. СПб., 1882. С. 163.

[101] Суханов А. Статейный список // ЧОИДР, 1894. Т. II. С. 45

по своему усмотрению из темниц узников»[102]. Новый иерарх Церкви быстро приобрёл доверие царя Алексея Михайловича и после смерти Патриарха Иосифа, по личному желанию Государя, был избран Патриархом Московским и всея Руси.

В том же 1649 году, настаивая на необходимости ускорить «книжную справу» и вывести её на принципиально иной уровень – придать системный характер проведённой работе – Патриарх Паисий порекомендовал царю Алексею Михайловичу вызвать учёных православных монахов из Киевской духовной академии – Патриарх Паисий мог на личном опыте засвидетельствовать их высокий уровень знания как святоотеческого предания, так и философов античности, а также их глубокие познания в сфере древних языков.

Так, уже в том же 1649 году в Москву из Киева по личному приглашению царя Алексея Михайловича прибыл инок Киево-Печерского монастыря и учёный монах Епифаний Славиницкий, чья роль в переводе Священного Писания и прочих священных и не только текстов будет очень высокой.

Вместе с Епифанием Славиницким в Москве из Киева потянулась целая плеяда учёных монахов. Стало понятно, что потеря Киева как культурного и духовного центра русского православия, будет иметь катастрофические последствия для Русской Православной Церкви и России. Восточные Патриархи, начиная с Иерусалимского Патриарха Феофана, сильно запугали русскую общественно-политическую элиту тем, что прощают русским их ошибки в священных текстах только с учётом неумышленности этих ошибок и искреннего незнания их сути. Однако Патриарх Паисий пригрозил, что если русские злонамеренно оставят переводы без правки и не доведут начатую «справу» до конца, то их тексты

[102] Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. М., 2008. С. 338.

могут быть признаны не правомочными в православном мире. Это было бы катастрофично для всего русского общества и государства, уже привыкшего к тому времени отыгрывать роль нового центра православного мира и светоча истинной веры как единственного не занятого иноверцами православного государства. Дело церковной реформы превращалось в дело государственной важности. А с подачи Иерусалимского Патриарха Паисия стал очевидным тот факт, что без участия киевских учёных монахов, получивших высококачественное образование в условиях борьбы православной иерархии с униатским и католическим влиянием, осуществить «книжную справу» в полной мере не представится возможным. Роль Малороссии и Киева в государственной политике России резко возросла.

В декабре 1650 года Сейм Речи Посполитой принял решение не вступать в переговоры со взбунтовавшимся казацким населением, а предпринять решительные действия по подавлению восстания силой. Войска Богдана Хмельницкого потерпели поражение 18 июня 1651 года и были вынуждены заключить очередное перемирие на невыгодных для себя условиях. Боевые действия продолжались в 1652 и 1653 годах.

Тем временем, в 1652 году в Москве умер Патриарх Иосиф. На его место по желанию царя был предложен и избран поместным Собором Новгородский митрополит Никон. Став Патриархом, Никон стал ещё более активно внушать царю Алексею Михайловичу широко распространённую в то время мысль о том, что он – православный царь – является покровителем всего православного мира. В своих проповедях и публичных высказываниях Патриарх Никон начал активно развивать мысль о том, что Алексей Михайлович должен быть царем «от моря и до моря», - то есть объединить под своим началом всех православных христиан, проживавших на

территории древнерусского государства, распростиравшегося от Балтики до Чёрного моря[103].

Такие слова и сами по себе могли оказывать определённое воздействие на принятие политических решений царём Алексеем Михайловичем. А тем более в условиях, когда украинские земли приобретали ключевое значение в деле окончания начатой ещё при Патриархе Филарете «книжной справы», они звучали ещё более актуально и злободневно.

В апреле 1653 года к Патриарху Никону в Москву прибыли посланцы с жалованными грамотами к нему – Патриарху Всероссийскому – с просьбой ходатайствовать царю о принятии Украины в состав России. По свидетельству многих участников событий, именно Патриарху Никону принадлежала решающая роль в том, чтобы убедить царя Алексея Михайловича принять Малороссию «под свою государскую высокую руку для православной христианской веры и святых Божиих церквей»[104].

1 октября 1653 года в Москве по этому поводу прошёл последний в истории России Земский Собор полного созыва. Его постановление заключалось словами: «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять под высокую царскую руку для православной веры и святых божиих церквей»[105].

Интересно, что в разные европейские страны были отправлены посольства для разъяснения принятия такого решения. Указывалось на притеснение православных в Речи Посполитой, хотя такого не должно было быть, т.к. в тексте присяги короля Яна III Казимира перед сеймом

---

[103] Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011. 302 с.

[104] Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. М., 2008. С. 341.

105 Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1985. С. 454.

присутствовали слова о том, что ни один подданный Речи Посполитой и её короля не должен быть ущемлён в своей вере, а каждый иметь возможность исповедовать веру и осуществлять её религиозные практики. А коль скоро это положение королевской присяги не было исполнено королём на деле, то и его подданные остаются свободными от каких-либо обязательств по отношению к нему[106].

Официальной мотивацией такого решения, которое поддержали все без исключения европейские монархи, кроме императора Священной Римской империи, ответившего на русское посольство молчанием. Последнее не удивительно, т.к. мать Яна II Казамира Констанция, вторая жена Сигизмунда III, происходила из дома Габсбургов, являясь дочерью австрийского эрцгерцога Карла II. Кстати, и первая жена Сигизмунда III, мать польского короля Владислава IV, при котором началось восстание Богдана Хмельницкого, была дочерью эрцгерцога Карла II.

Тщательное обоснование принятия решения о принятии Малороссии в состав России лишний раз подчёркивает, сколь внимательно и ответственно подходило русское государство к вопросам легитимности самодержавной власти, в какой бы форме или в каком бы государстве оно не существовало.

Характерно, что, передавая Богдану Хмельницкому булаву, посланную от Алексея Михайловича в знак благословения на казацкое самоуправление Малороссии в составе Российского царства, Василий Васильевич Бутурлин апеллировал в речи к преемственности власти как самого Алексея Михайловича, так и Богдана Хмельницкого и казацкой старшины от "благоверного Царя Владимира", подразумевая Владимира Святого, крестившего Русь в 988 году[107]. Очевидно, что никакой иной связи

106 Там же. С. 455.

107 Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским, и изданные О. Бодянским : Ч. 1-2. - Москва : Унив. тип., 1858-1859. Ч. 1. С. 48.

между равноапостольным князем Владимиром, Богданом Хмельницким и Алексеем Михайловичем, кроме единства культурно-религиозной идентичности и православного русского самосознания быть не могло. Таким образом, культурно-религиозный аспект выступал в роли формы, определяющей и направляющей содержание внешнеполитического курса российского государства в отношении Малороссии в XVII веке.

Можно сделать вывод, что вообще весь пласт внешнеполитической активности России в XVII веке, направленной на те или иные формы взаимодействия с бывшими территориями Древнерусского государства, значительная часть которых находилась в составе Речи Посполитой, была оформлена благодаря апелляции к культурно-религиозной идентичности русского народа.

В 1654 году Россия вступила в войну с Речью Посполитой за территорию Малороссии, Киева и прочей территории нынешней Украины. Тем самым перспективы организованной борьбы со шведской короной за выход к берегам Балтийского моря откладывались на неопределённый срок.

Решение о начале военной компании было принято сравнительно легко – несмотря на то, что после Ливонской и Смоленской войны российское государство с большой неохотой и осторожностью рассматривало возможность вступления в крупные войны на территории сопредельных государств. Так, ещё в 1641-1642 годах царь Михаил Фёдорович отказался принять в российское подданство уже захваченный казаками Азов. А когда при посредничестве Константинопольский патриарх Кирилла I Лукарис выступил посредником в предложении русско-турецкого союза против Речи Посполитой патриарху Филарету и его венценосному сыну Михаилу Фёдоровичу, то не получил ничего, кроме ссылок на вечный мир с королём Сигизмундом III. Этот же аргумент ждал и датского королевича Вальдемара, предложившего царю Михаилу Фёдоровичу военно-

политический союз Дании с Россией против Швеции, о чём подробно писалось выше.

Влияние Иерусалимского патриарха Паисия и Всероссийского патриарха Никона, пожалуй, оказало решающее воздействие при принятии царём Алексеем Михайловичем решения о целесообразности и оправданности данных боевых действий. Как уже было отмечено выше, по мнению многих исследователей российской внешней политики XVII века, на протяжении всего столетия воссоединение с утраченными в ходе русско-польско-литовских и русско-шведских конфликтов землями было одной из ключевых задач внешней политики России. Так, такие военные историки как Мышлаевский и Чернов отмечают, что первоначально формирование так называемых полков нового строя было мотивировано именно необходимость отвоевать у Речи Посполитой захваченный ею в результате ряда неудачных для России войн XVI-XVII вв. Смоленск[108]. Также Россия стремилась вернуть себе и северные земли, отошедшие к Швеции по Столбовскому мирному договору 1617 года.

Однако имеет смысл предположить, что эта мотивация была не единственной среди тех, которые понудили русское государство вступить в кровопролитную и затяжную войну, неудача в которой, подобно неудаче в Ливонской войне, могла бы стоить России очень больших геополитических и стратегических потерь.

Данная война представляется нам одним из первых существенных шагов российской власти, направленных на утверждение нового статуса России как главного полюса силы в Восточной Европе.

Соображения геополитической целесообразности, продиктованные развитием освободительного движения среди православного населения Речи

[108] Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899. 52 с. ; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954. 224 с.

Посполитой совпали с наиболее бурным периодом в формировании иерархической структуры российского государства, которое воссоздавалось по новым лекалам, синтезируя предыдущий опыт государственного строительства, после преодоления Великой Смуты. Преодоление Смуты было непосредственным актом вмешательства русского общества как самостоятельной силы в политическую жизнь страны перед лицом угрозы полного исчезновения суверенной государственности. Последующие за Смутой события внутриполитической и внешнеполитической жизни русского общества – это процесс нахождения новых форм и смыслов существования русской государственности в новых реалиях общеевропейской политики. Становление государственной системы управления и централизация власти, осуществлявшаяся царём и Боярской думой при непосредственным участии церкви (в лице патриарха Филарета) и общества (в лице Земского собора). Это отражало собой ту же тенденцию в активизации народной жизни, которая реализовывалась и на Украине в форме религиозно-освободительной борьбы с правительством Речи Посполитой.

Два этих родственных по сути и совершенно разных по внешнему виду процесса сошлись в общей точке: становлении объединённого православной верой и государственным единством российского народа, где господствовала тенденция к пониманию исторического и этнического единства великороссийского и малороссийского населения во времени и пространстве мировой истории. Культурно-религиозная идентичность играла в этом процессе объединяющую и генерализирующую роль, задавая тон и насыщая смыслом процесс превращения народа в имперский суперэтнос, а средневекового Московского царства в Российскую империю Нового времени.

Исторический контекст этого процесса был обусловлен непосредственным участием предстоятелей православных поместных

церквей в процессе самоопределения культурно-религиозной и национальной идентичности российских народов. Причастность русской национальной идеи к мировому православию стало одной из главных основ всей последующей идеологической системы российского геополитического мировоззрения. Большую роль в этом процессе сыграл тот факт, что ближневосточные патриархи значительно поспособствовали усилению позиций самодержавия в России, росту авторитета царской власти не только внутри страны, но и во всём православном мире, а также послужили причиной переоценки места самодержавия в мировом историческом процессе в восприятии самих российских самодержцев и их ближайшего окружения.

Однако, опираясь на помощь восточных православных патриархов, прислушиваясь к их мнению Российское государство и Российская церковь позиционировали себя в отношение православного Востока не учениками, а лидирующей силой в православном мире, что, собственно, было сформулировано ещё в конце XV-XVI веков в ходе становления и осмысления доктрины «Москва – Третий Рим». Учёт советов восточных православных иерархов не означал идеализации их личностей и деятельности, Российское государство и Церковь оставляли право окончательного решения исключительно за собой.

Именно в таком ключе вели себя русские духовные лица, исполнявшие внешнеполитические поручения царя и патриарха на православном Востоке. Ярчайший пример тому деятельность во внешнеполитической сфере Арсения Суханова, который вместе с другим русским духовным лицом Ионой Маленьким сопровождал Иерусалимского патриарха Паисия в 1649 г. в его поездке через Малороссию в Валахию, а потом в Святую землю и в столицу Османской империи Константинополь.

Происходил Арсений из семьи обедневшего тульского дворянина, рано принял постриг и сумел получить хорошее духовное образование,

возможно, в том числе, в одной из школ западнорусских православных братств. Знал греческий, латинский и польский языки, в уже в молодости имел репутацию книжника, что способствовало приближению молодого архидиакона к патриарху Филарету, личным секретарём которого Арсений являлся. Позже был распорядителем Московского Богоявленского монастыря, а с 16… келарем Троице-Сергиевой обители. В царствование Михаила и Алексея Михайловича Арсения не раз выполнял поручения Посольского приказа. В 1637 г. он входил в состав русского посольства Ф.Ф. Волконского, которое было направлено к кахетинскому царю Таймуразу 1 (1606-1663). В обязанности Суханова входил сбор информации не только о состоянии православной веры в пределах этого Восточно-Грузинского царства, но и описание его территории, населения, отношений с соседями, степени внутренних разладов.

Неоднократные указания восточных иерархов на расхождения текстов и части обрядов греческой и русской церквей, побудили царя Алексея и церковное руководство отправить своих книжников - Иону и Арсения - на Восток с целью изучения данного вопроса. Оба пребывали в этом путешествиях несколько лет и составили сочинения, что безусловно способствовало расширению информации, которую использовали не только русские паломники, но и Посольский приказ.

Арсений в 1649 году возвратился в Москву из Валахии, в 1650 посетил Афон и снова вернулся в Москву. Итогом этих его миссий стало направление в Посольский приказ его сочинения «Прения с греками о вере», отражавшего его острые споры с патриархом Паисием и чётко позиционирующем главенство Русского царства во вселенском православном мире. Источником истинного благочестия в современном ему мире Арсений считал только Россию. Воспроизводя свои споры с Паисием и другими греками, Арсений писал: «…в Царьграде был царь благочестивый един под солнцем … а ныне вместо того царя — на Москве государь царь

благочестивый …Ни папа…ни вы, греки, источник всем верным; а если вы и были источником, только он ныне пересох и вы сами страдаете жаждою»[109].

В 1651-1653 гг. Арсений вновь был послан на Восток. Кроме продолжения сбора информации чисто религиозным вопросам, он выполнял ряд других заданий царя и Посольского приказа. Он вёз письмо Алексея Михайловича к Константинопольскому патриарху Парфению, с которым враждовал Иерусалимский патриарх Паисий и православные государи Дунайских княжеств. Очевидно, Суханов должен был сам разобраться и сообщить в Москву суть разногласий всех перечисленных лиц. Должен был он посетить и Александрийского патриарха Иоанникия. Русская дипломатия лавировала между различными светскими и духовными деятелями Православного Востока, не желая идти на поводу какой-либо одной стороны. Арсений отлично справился со всеми заданиями. Пересёк Малороссию, побывал в низовьях Дуная у турецкой крепости Измаил, посетил греческие острова, несколько месяцев находился в Египте, потом в Палестине и прибыл в Константинополь. Единственное – там не сумел передать царское послание патриарху Парфению. К моменту прибытия русского посланца в османскую столицу Парфений был ослеплён и убит янычарами. Арсению удалось выведать, что к этому каким-то образом был причастен Иерусалимский патриарх и дунайские воеводы. В Россию Арсений вернулся через малоазийскую территорию Турции и Закавказье, где разведал ситуацию с грузинскими царствами. Царю Алексею он представил отчёт («Проскинитарием»), где подробно изложил детали своей миссии, составил описание Иерусалима и приложил своё видение на тему: «Како греки церковный чин и пение содержат».

В 1654 г. Арсений Суханов опять ездил на Православный Восток. Прибывшие в Москву киевские учёные монахи посоветовали новому

[109] Белокуров С.А. Арсений Суханов // Богословский вестник. Т. 1. Март, 1892. С. 519-531.

московскому патриарху Никону обзавестись «для справы» церковных книг греческими богослужебными текстами. По поручению Никона Арсений должен был их приобрести на царскую субсидию («милостыню») в 50 тыс. рублей. Итогом этого путешествия стал привоз в Россию 676 древних греческих книг и 29 книг на старославянском языке. Большинство книг (505) было получено «за царскую милостыню» на Афоне.

Сочинений о прениях с греками о вере Суханов во второй половине 1650-х уже не писал. Он счёл нужным подчиниться мнению патриарха Никона. Арсений был в это время келарем Троице-Сергиева монастыря и руководителем Печатного московского двора, который издавал исправленные богослужебные книги. Уже после ссоры и разрыва патриарха Никона с царём в 1665 г. из своей последней поездки на Восток Арсений, выполняя приказ патриарха, привёз копию храма Гроба Господня в Палестине.

Как и всем русским дипломатам Арсению пришлось в его поездках терпеть многие опасности. Чтобы преодолевать их, порой следовало проявлять гибкость и хитрость. К примеру, для сохранения царской казны да и собственной жизни, Арсений в момент плавания по Дунаю при встречи с османскими таможенниками выдал себя за богатого купца мусульманского паломника, соответственным образом нарядившись.

Хорошее знание ситуации на Православном Востоке требовалось Посольскому приказу и Московскому патриархату, чтобы решить задачу переподчинения Малороссийской церкви от Константинопольского патриархата к Русской православной церкви. Это было очень значимо для закрепления Украины в составе России, учитывая определяющее влияние культурно-религиозного фактора во внешнеполитическом положении России на малороссийском направлении.

При этом религиозный аспект как таковой оставался скорее фоном внешнеполитической активности российского государства, чем её

содержанием. Так, в документах, опубликованных Московской университетской типографией в 1858-1859 гг., культурно-религиозным аспектам и церковному вопросу посвящено в лучшем случае от пяти до десяти процентов текстов. Подавляющее большинство документов рассказывают нам о специфике хозяйственного и административного управления новоприсоединенной территории. Хотя необходимо отметить, что в наиболее важные моменты истории Малороссии в составе России культурно-религиозный аспект вставал в полный рост.

Так, после смерти Богдана Хмельницкого в 1659 году Ржищевская Рада провозгласила гетманом его сына Юрия и новоизбранный гетман отправил статьи царскому воеводе князю Трубецкому, в которых по требованию Рады просил расширения казацких вольностей и самоуправления. В этих статьях культурно-религиозный аспект стал одним из неизменных компонентов борьбы казаков за расширения своего самоуправления: им посвящено три из 14 статей, при том заключительные. В 12 статье говорилось о неизменности подчинения Киевского митрополита патриарху Константинопольскому, которое именуется традиционным. 13 статья требовала, чтобы назначение митрополита согласовывал с Константинопольским патриархом не царь или патриарх Московский, а только казацкая старшина. В 14 статье закреплялось право содержать в Малороссии школы не только русские православные, но и «всякого языка»[110]. Известно, что данные статьи не были приняты российской властью, однако их появление осталось примечательным моментом истории.

110 Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским, и изданные О. Бодянским : Ч. 1-2. - Москва : Унив. тип., 1858-1859. Ч. 1. С. 103.

2.1.4 Влияние восточных патриархов на внешнеполитическую идентичность России в XVII веке

Изменения в характере и структуре международных отношений в Европе и перемены в положении России на международной арене привели к качественному переосмыслению всех двусторонних и многосторонних связей страны с сопредельными государствами и прочими акторами мировой политики. О том, что политика XVII века приобрела характер мировой, свидетельствует тот факт, что в одно и то же время на европейском континенте появляется сразу несколько держав, претендующих на роль преемников и продолжателей имперской парадигмы Рима, то есть на роль таких государств, которые претендовали на то, чтобы в одно и то же время оставаться суверенными государствами и быть универсальными парадигмами развития для всех стран и народов мира сообразно их вере и уровню социального развития.

В России это проявилось не только в идеологической концепции «Москва – Третий Рим», широко описанной в научной литературе, но и в восприятии ближневосточных патриархов, поддержживающих соответствующую идею самодержавным русским царям. Вот что пишет по этому поводу очевидец событий середины XVII века Павел Алеппский:

«Архимандриты, поцеловав руку царя, вынули грамоты от своих монастырей или удостоверение от одного из патриархов на имя царя, если таковое имелось, в том, что они достойные люди. Визирь принял их письма и отдал переводчику перевести их на русский язык, для прочтения царю. При нашем учителе были письма от патриарха иерусалимского и его соименника, кир Паисия Константинопольского, как рекомендация и правдивое о нем свидетельство. Он передал их царю, который, вставши, принял их правою рукой и поцеловал. При этом царь сказал ему: "О, батюшка! т. е. о, отец мой! ради тебя я прибыл, чтобы свидеться с тобой и получить твое благословение, ибо давно уже слышал о твоем приезде ко мне и сильно желал лицезреть

тебя. Я знаю твою святость и прошу тебя всегда взывать к Богу и молиться за меня". Наш учитель отвечал: "Я человек грешный, но Бог да даст тебе по сердцу твоему и по вере твоей и да исполнит все твои надежды! Да дарует тебе победу, как даровал ее великому Константину, и да сделает имя твое, вместо автократор, монократор, как именуется он! Да наделит тебя наследством его престола во век!" Услышав эти слова от него, царь был чрезвычайно радостен и, поклонившись ему, поцеловал его десницу вторично»[111].

Схожие процессы в самопозиционировании государств происходили одновременно и Малой Азии. ВXVI веке Османская империя стремилась расположить к себе духовенство православной церкви и даже создала отдельный милет – категорию населения империи, пользующуюся защитой и покровительством падишаха –для православных христиан, которые таким образом почти одинаково со всеми подданными империи могли претендовать наличные и общественные права.

Статус православных христиан в Османской империи являлся официальным, несмотря на крушение византийской государственности. После захвата Константинополя султан Мехмед II Фетих (Завоеватель) принял титул падишаха, что являлось прямой ссылкой на авторитет Ромейских императоров Византии и делало его формальным правопреемником их вселенской власти: «Падишах Мехмед Фетих стремился объединить в своём лице мусульманскую, тюркскую и римскую

[111] Архидиакон Павел Алеппский «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века», СПб ; П. П. Сойкин. 1898. Русский текст — проф. Георгий Абрамович Муркос. М. : П. П. Сойкин., 1898. С 130.

традиции «вселенского» суверенитета и сохранить Константинополь в качестве центра новой мощной империи»[112].

Это и позволило Иерусалимским патриархам за XVI-XVII века по сути консолидировать всех консервативно настроенных архиереев, священнослужителей и мирян православной церкви вокруг понимания, что главным покровителем восточных православных является русский государь. С конца XVI века поток просителей царской милости с православных земель Ближнего Востока и Закавказья не ослабевал практически никогда, кроме тяжелейших для России лет Великой Смуты. Во второй половине XVII века вместе со становлением российского самодержавия и ростом внутреннего потенциала России, надежды Иерусалимских патриархов на превращение России в страну, аналогично с прежней Ромейской империей защищавшую каноническую непогрешимость и иерархическую целостность православной церкви и сохранявшей порядок самодержавного правления по всей земле, стали близки к частичному или полному воплощению.

Описанная выше жёсткая реакция царя Алексея Михайловича на буржуазную революцию в Англии, которая будет ещё жёстче у его преемников в XVIII и XIX вв., во многом отвечала идее самодержавной власти как самодовлеющей ценности, вне зависимости от конфессиональной принадлежности короля. В таком же точно ключе можно говорить и о ранее упомянутом примере того, как Константинопольский патриарх Кирилл стремился привести к единомыслию Московского патриарха Филарета, тогда фактически правившего страной, с Османским султаном с тем, чтобы они совместно выступили против Речи Посполитой, распространявшей идеи католицизма и олигархического типа правления, не отвечавшего имперскому началу православного самодержавия.

---

[112] Якушев М.И. Христианские субъекты Османской империи. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи 1830-е – начало XX века. М., 2013. С. 48.

В 1650 году, отбыв на Родину, патриарх Паисий стал активным проводником идеи возрождения Ромейской имперской парадигмы на территории России: «вернувшись на Балканы, Патриарх Паисий начал широкую пропаганду среди православного населения, готовя его к восстанию против Оттоманской империи и союзу с Россией»[113]. В свите Патриарха открыто заговорили: «Царьградом будет владеть русский Царь»[114]. Очевидно, что такие призывы не могли быть восприняты буквально в то время, когда Россия и не помышляла о полноценной борьбе с Османской империей за владения последней в Европе. Однако данные высказывания в то же время не являлись и случайными оговорками. Оставляемые как бы вскользь, они обозначали идеологический вектор восточных патриархов, который они были готовы отстаивать через своих представителей как на территории Балкан и Малой Азии, так и в самой России.

На сегодняшний день приходится констатировать тот факт, что в существующей исторической литературе, описывающей историю российско-османских отношений, уделяется не слишком много внимания той роли, которую играли в ней восточные патриархи. Однако именно они служили своеобразным передаточным звеном в отношениях между народами, населявшими Россию, и османским государством.

Православное духовенство и иерархи церкви, проживавшие на территории Османской империи, оказывались одновременно «скоропослушниками» русского царя как их главного «ктитора» - жертвователя и покровителя – и подданными османского султана как главы государства, в котором они проживали.

---

[95] Якушев М.И. Христианские субъекты Османской Империи - Антиохийский и Иерусалимские патриархаты - в политике Российской Империи: 30-е гг. XIX - начало XX в. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. С. 48.

[114] Суханов, А., Статейный список // ЧОИДР. 1882. Т. 2. С 45.

В такой ситуации роль православного духовенства не могла не быть существенным фактором сближения двух государств как подспудно – через межцерковное общение – так и через участие иерархов церкви в дипломатических контактах и принятии политических решений руководителями обоих государств.

Выше описанный исторический эпизод с присоединением украинских земель к России даёт нам основание сделать смелый и непривычный для стороннего наблюдателя вывод: *в середине XVII века влияние восточных патриархов на внешнеполитический курс России при благоприятной конъюнктуре становилось определяющим*. Так, мы полагаем и старались обосновать эту в выше изложенном тексте, что на самом деле изначально инициатива присоединения Малороссии к России принадлежала восточным патриархам. Данная инициатива была не самоцелью, а первым, но решительным шагом к развороту российской внешней политики с ориентации на возвращение территорий древнерусского государства к политике, ориентированной на интеграцию всех православных территорий в Европе и на Ближнем Востоке в состав новой православной империи, которой должна была стать Россия.

Подтверждением тому, что истинными инициаторами усиления ближневосточного направления внешней политики России были восточные патриархи, служит также и то, что после церковного суда над Московским патриархом Никоном и устранением его от патриаршества вектор развития отношений между Москвой и ближневосточными патриархиями не изменился. Как остался неизменным и интерес Московских патриархов к судьбе православных Востока, и ближневосточное направление внешнеполитической активности России вновь оказалось в числе приоритетных.

Следует также помнить, что и после возвращения части Малороссии в состав России Киевская митрополия какое-то время оставалась под

властью Константинопольского патриарха. А значит, православное население этой территории оставалось частью, хоть и формальной, православного милета Османской империи! С формальной точки зрения население Малороссии, уже ставшее подданными царя Алексея Михайловича, ещё оставалось в сфере притяжения имперской власти Османских падишахов – по крайней мере с идеологической точки зрения. Таким образом, создавался редкий прецедент двойного подданства населения двух империй – если не фактически, то с идеологической точки зрения.

Тот факт, что Османская империя сохраняла в своём государственном устройстве черты самодержавного правления, многие из которых были либо заимствованы, либо созвучны имперской практике Византии, делал её идеологически близкой российскому государству. А наличие общего противника – Речи Посполитой – тем более сближала их позиции. Культурно-религиозный аспект играл здесь не просто значимую роль на ряду с множеством других факторов, а становился определяющим фактором формирования внешнеполитического курса страны. Благодаря культурно-исторической общности и в силу религиозного единства православных народов, Османская империя и Россия имели, на наш взгляд, возможность найти единое значение в своих подчас несовместимых геополитических интересах. Одним из характерных примеров данного явления, с нашей точки зрения, можно считать расстроившуюся попытку Речи Посполитой заключить первый в истории наступательный союз с Россией и иными странами Европы против Порты.

Подводя итог рассуждениям на тему культурно-религиозного аспекта российской внешней политики в отношениях с Малороссией в середине XVII века и роли ближневосточных иерархов в ней необходимо отметить, что документы и источники по данной теме не дают нам возможности охарактеризовать культурно-религиозный фактор в качестве

доминирующего или, тем более, единственного. Однако из всех текстов, связанных с данной тематикой следует, что культурно-религиозный аспект оставался ничем иным как имплицитным фоном, определявшим фундаментальные основания мировоззрения, идентичности и оправдания любой политической активности тех лет. Следовательно, предложенный нами гипотетический тезис о том, что культурно-религиозная идентичность служила подспудно существующей в сознании мерой определения желательного и допустимого во внешней политике, хотя на практике часто уступала место более прагматическим соображениям, можно считать подтверждаемым фактами и историческим материалом.

Глава 3. Культурно-религиозный аспект международного положения России в последней трети XVII века

3.1 Культурно-религиозный аспект внешней политики России в период правления царя Фёдора Алексеевича

Последняя треть XVII века ознаменовалась существенными переменами в церковно-государственных отношениях, которые можно считать кульминационным этапом в развитии той парадигмы взаимодействия церкви и государства, которая формировалась в России на протяжении нескольких столетий и определяла культурно-религиозный аспект международного положения России на протяжении всего XVIIвека.

Переломный характер данного этапа в развитии церковно-государственного взаимодействия отразился серьёзными изменениями в соотношении сил практически всех участников принятия внешнеполитических решений: от царствующих персон и высшего духовенства, от служилого дворянства до приказного люда.

Одним из основных признаков серьёзных перемен в системе церковно-государственных отношений и влияния культурно-религиозной идентичности на внешнюю политику России стало резкое падение роли церкви в принятии внешнеполитических решений.

Узкая прослойка приказных людей, сформировавшаяся ещё в первой половине столетия и игравшая год от года всё большее значение в выработке внешнеполитического курса, на короткое время стала играть заметно более значимую роль в выработке внешнеполитической повестки дня. Но сама по себе она не была самодостаточна и не могла определять политику в стране иначе, чем опираясь на силу и авторитет самодержавной власти.

Разрозненное российское общество, состоявшее из самых разнообразных групп населения, подчас мало совместимых для жизни в одной стране, нуждалось в мощной консолидирующей силе.

Самодержавие, фактически утвердившееся в середине XVII века в России, стало определяющим феноменом социальной и политической жизни страны и значительно укрепило свои позиции за её пределами.

3.1.1 Личность патриарха Иоакима и попытки усилить влияние Русской Церкви на внешнюю политику России и её идеологическое обоснование.

В период, непосредственно предшествовавший присоединению Малороссии к России, на территории юго-восточных земель Речи Посполитой особенное развитие получила деятельность Киевского Богоявленского братства, роль в международной политике которого подробно описана выше. Действовавшее под непосредственной защитой и покровительством запорожских казаков во главе с гетманом Петром Сагайдачным, Киевское Богоявленское братство вернуло в своё распоряжение практически все храмы и монастыри, до той поры принадлежавшие униатам.

После восстановления Киевской митрополии, при Киево-Печерском монастыре открылась Киево-Могилянская академия, ставшая на долгие годы основным учебным заведением киевской митрополии, дававшем высшее образование, которое можно было сравнить с лучшими университетами Западной Европы.

Однако центральной обителью Запорожской Сечи с середины 1650-х годов стал Межигорский Спасо-Преображенский монастырь, известный среди казаков в то время как обитель Спаса Белого. Монастырь находился в непосредственной близости от Киева и сохранял тесные связи с Киево-Печерским монастырём, киевским храмами и Киево-Могилянской академией. После универсала Богдана Хмельницкого, передавшего монастырю 21 мая 1656 года обширные земельные владения, он стал духовным центром малороссийского казачества. За монастырём был закреплён статус ставропигиального монастыря Константинопольской

патриархии, то есть он подчинялся Константинопольскому патриарху напрямую. На практике это означало его полную автономию от киевских митрополитов и неподчинённость никому, кроме казацких старшин, так как физической возможности управлять обителью на таком расстоянии у Константинопольского патриарха не было.

После присоединения части Малороссии к России положение дел в обители не изменилось: монастырь оставался духовным центром запорожского казачества и формально подчинялся Константинополю.

В 1655 году насельником монастыря стал русский дворянин Иван Петрович Савёлов, постриженный в монашество с именем Иоаким. Через некоторое время именно ему суждено было стать патриархом Московским и всея Руси, в годы правления которого практика церковно-государственных отношений и традиции церкви влиять на внешнюю политику России претерпят существенное изменение. Учитывая, что Иван Савёлов был к тому времени военным, прошедшим многолетнюю воинскую службу на южных границах России и успевшим повоевать с Речью Посполитой за присоединение Малороссии, выбор монастыря для пострижения бывшего русского служилого человека, ещё молодого, представлялся не случайным. Скупые данные исторических источников и свидетельств очевидцев не сообщают нам ничего о начальном этапе его монашеской жизни. Но следует предположить, что в Межигорском Спасо-Преображенском монастыре молодой монах приобщился тому культурно-религиозному началу, которое привнесло в русскую церковную и государственную среду присоединение Украины. Через некоторое время монах Иоаким зарекомендовал себя самоотверженным подвижником, одарённым руководителем и незаурядной церковной фигурой. Он был переведён сначала «строителем» на Валдай, а затем последовательно – келарем в Ново-Спасский и архимандритом в Чудов монастыри Москвы.

Сильный, волевой и решительный нрав Иоакима, в чём-то родственный характеру патриарха Никона, в сочетании с дворянским происхождением, опытом ратного дела, государственным мышлением и дипломатичностью, привлекли к нему внимание церковных иерархов и царя. В 1672 году он был назначен на кафедру митрополитов Новгородских, занимая которую вошёл в историю решительными мерами по защите духовенства от царских чиновников.

В 1674 году митрополит Новгородский Иоаким был избран патриархом Московским и всея Руси.

Будучи воспитанником киевской духовной традиции, патриарх Иоаким должен был хорошо понимать амбивалентный характер того влияния, которое оказывала греческая церковная иерархия, находившаяся под властью Османской империи, на русскую церковь и церковно-государственные отношения. Амбивалентность этого влияния, в том числе, сказалась и на событиях 50-60 гг. XVII века, связанных с расколом русской церкви, низложением патриарха Никона и усилением противостояния в церкви и обществе между представителями различных направлений церковно-общественной мысли. Раскол русской православной церкви в середине XVII века показал, что влияние греческих иерархов на общественное сознание и внешнеполитический курс страны, их роль в укреплении авторитета России среди православных народов на международной арене, не может уберечь русское общество от внутренних потрясений, градус которых достигал своего предела. Также после присоединения Малороссии естественная заинтересованность России и её руководства в поддержке Константинопольского и Иерусалимского патриархатов снизилась, потому что дальнейший ход военных действий и дипломатических контактов с Речью Посполитой и Швецией не оставлял возможности расширять экспансию на православный юг Европы, а переносил акценты внешней политики России на северо-запад континента.

Кроме того, временное, а на деле – реальное – владение Киевом по условиям Андрусовского перемирия 1667 года ставило перед русской церковью и государством задачу перевода Киевской митрополии из-под власти Константинопольского патриарха под власть патриарха Московского. Русская церковь и общество нуждались в идеологическом обособлении от доминирующего влияния Константинопольского и Иерусалимского патриархов и обретения собственной, самодостаточной парадигмы существования и развития русской православной традиции.

О желании перевести Киевскую митрополию под власть Московского патриарха говорит ещё миссия посла русского царя Прокофия Богдановича Возницына в Константинополь. «Усмотря время, когда пристойно говорить Прокофью Константинопольскому патриарху от себя буди мочно, для чего Киевская митрополия колико лет пастыря не имеет, и спрашивать его о том пространными разговоры и доведыватца того всякими меры, как мочно: повелит ли он, патриарх, Киевской митрополии со всеми духовными быть под благословением святейших патриархов Московских и всея Русии? А ты Константинопольскому патриарху предлагаешь для имени христианскаго от себя, чтоб благочестивая христианская вера распространялась и церкви Божий умножались, и всячески о том проведывать тайно: поступит ли он в то дело крепко – о том разведать, а чтоб патриарх о том не дознался и в малой бы России о том не сведали нихто и кроме б тебя нихто того не ведал, – говорить о том с великим остереганьем»[115].

В классической традиции русского церковно-исторического сознания, как сейчас, так и во времена патриарха Иоакима, датой появления христианства на Руси принято считать год крещения князя Владимира и учреждения в Киеве первой архиерейской кафедры, то есть 988 год. Эта дата была и остаётся неоспоримой датой начала крещения Руси потому, что

[115] Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад. 1914.

именно тогда на Руси возникли первые епархии и начало своё отсчёт иерархически стройное каноническое преемство русской церкви. Однако среди киевских христианских общин, которые наряду с новгородскими общинами были наиболее древними, сохранилось церковное предание, согласно которому русская христианская традиция как таковая уходит своими корнями ещё во времена апостольской проповеди первого века. Первым просветителем Руси, согласно преданию церкви и сообщениям «Повести временных лет», был апостол Андрей Первозванный, который проповедовал в греческом Херсонесе, и подымался на север от Херсонеса по Днепру. Согласно преданию, на том месте, где впоследствии возникнет Киев, апостол предрёк его появление и назвал этот город одним из славных центров христианства. Затем апостол дошёл да самого Белого моря и будущих велико-новгородских пределов, где основал первую христианскую общину.

В годы гонений и притеснений православной церкви Малороссии со стороны униатов и католиков Речи Посполитой, а также при потере связи с митрополией в Москве и наличии канонических споров о церковной юрисдикции над Киевом между Москвой, Константинополем и Литвой, данное предание ожило в сознании киевского духовенства и православных братств. Ведь несмотря на то, что каноническое преемство русской церкви от Константинопольских епископов является неоспоримым историческим фактом, наличие непосредственной культурной и духовной связи русского православия с его источником – апостольской проповедью – являлось аргументом в формировании идеологической доктрины православных братств и общин Украины, нацеленной на укрепление их позиций в униатском и католическом окружении.

Воспитанный в киевской монашеской среде, патриарх Иоаким не мог не знать об этом предании, широко распространённом среди православных Малороссии, и имел психологические основания чувствовать себя носителем

религиозной традиции не менее, если не более древней, чем традиции самого Константинополя. В годы его патриаршества это предание стало опорой в формировании самостоятельной идеологической доктрины русского государства и церкви на международной арене среди остальных православных народов.

3.1.2 Усиление влияния патриарха Иоакима на внешнеполитическую идентичность русского государства во второй половине XVII века

Вместе с формулировкой идеи об апостольском преемстве русского православия и его изначальной причастности вселенской православной церкви, исключавшей идею константинопольского посредничества, патриарх Иоаким повторно озвучивал мысль, высказанную ещё патриархом Никоном, о возвышении Русского царства до уровня подлинно вселенской всехристианской империи. Только если патриарх Никон стремился оправдать таковые притязания через преемство русской традиции от Византии, патриарх Иоаким стремился ориентироваться исключительно на русскую традицию.

Выводя русскую духовную традицию непосредственно из апостольской проповеди и стремясь тем самым отстоять за Россией право на идеологическое доминирование в православном мире, патриарх Иоаким начал наступление на позиции восточных патриархов среди православного населения Европы.

Для осуществления этих стремлений патриарх Иоаким принимал активное участие в делах управления российским государством. На наш взгляд, именно период правления патриарха Иоакима (1673-1690), а не патриарха Никона (1652-1666), как принято считать, стал временем наибольшего стремления русской православной церкви к усилению своего влияния на внутреннюю и внешнюю политику России.

Стремясь противопоставить собственно русскую автокефалию первенству авторитета константинопольских патриархов, он опирался не только на власть царя Фёдора Алексеевича, на которого имел большое влияние, но и на сложную обстановку в среде казачьего войска Украины.

Разделённая на левобережную и правобережную части, Украина тяготела к внутреннему единству с одной стороны, и никак не могла примириться относительно приоритетов внешнеполитической идентичности с другой. Со времён гетмана Петра Сагайдачного и гетмана Богдана Хмельницкого выступая в качестве самостоятельной и независимой силы во внешнеполитических акциях, она оставалась расколотой относительно приоритетов интеграции с сопредельными государствами: Россией и Речью Посполитой, Османской империей и Крымским ханством. После окончания Великой войны 1654-1667 годов между Россией и Речью Посполитой Андрусовским перемирием (1667), который закрепил факт разделения Украины на Правобережную, находившуюся под властью Речи Посполитой, и Левобережную, находящуюся под властью России, гетман Иван Брюховецкий присягнул на верность Османской империи[116]. Однако оказавшись изменником как для прозападной, так и для пророссийской части казацкой старшины, он был скоро убит, а его восстание быстро подавлено. Противник Ивана Брюховецкого и преемник на посту гетмана левобережных казаков Иван Самойлович также стремился объединить Украину, но уже под властью русского царя Алексея Михайловича, а после 1676 года – его сына царя Фёдора Алексеевича (1676-1682).

В этих условиях большую роль вновь могло бы сыграть участие в украинских делах Московского патриарха Иоакима. Имея тесные связи с казацкой старшиной и стремясь к овладению инициативой в деле объединения православных народов под властью русских самодержцев,

[116] Первым это пытался сделать ещё сын Богдана Хмельницкого - гетман Юрий Хмельницкий.

патриарх Иоаким первым делом начал добиваться присоединения Киевской митрополии к Московскому патриархату.

После присоединения Малороссии в 1654 году церковный вопрос неоднократно поднимался на страницах документов. В статьях, адресованных гетману Богдану Хмельницкому и Переяславской Раде в 1654 году, Алексей Михайлович утверждал церковное самоуправление и принцип невмешательства Московского Патриарха в церковные дела: «... митрополиту Киевскому, также и иным духовным Малой России быть под благословением Святейшего Патриарха Московского, а в права духовные Патриарх вступать не будет»[117]. В последующих грамотах таким гетманам как Юрию Хмельницкому, Брюховецкому, Многогрешному и Самойловичу данная автономия и принцип невмешательства Москвы в церковные дела подтверждается, хотя в некоторых из них расплывчатые формулировки относительно «благословения Святейшего Патриарха Московского» можно отыскать среди достаточно нейтральных утверждений и явного замалчивания темы юрисдикции[118].

Андрусовское перемирие, которое, по мнению пророссийски настроенных казаков, оставшихся территориально разделёнными, носило предательский характер со стороны Москвы в отношении к православным Украины, было подписано в то самое время, когда в Москве проходили заседания Церковного собора 1666-1667 годов с участием Александрийского патриарха Паисия, Антиохийского патриарха Макария III, представителей Константинопольского и Иерусалимского патриархов. Из-за нестроений в церковной жизни и необходимости организовывать церковный суд для низложения патриарха Никона и избрания нового предстоятеля русской православной церкви, ни русские архиереи, ни представители восточных

117 Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским, и изданные О. Бодянским : Ч. 1-2. - Москва : Унив. тип., 1858-1859. Ч. 1 С. 3.

118 См.: Там же. С. 172.

церквей, находившиеся в Москве, не имели возможности повлиять на позицию царя и Боярской думы по этому вопросу, как это было при принятии Переяславской Рады.

С 1673 года, после избрания Московским патриархом Иоакима, роль церкви во внешней и внутренней политике России возрастает. В 1684 году по настоянию Ивана Самойловича в Константинополь было направлено посольство Захария Иванова, просившее Константинопольского патриарха Иакова передать Киевскую митрополию под власть Московского патриархата. Патриарх Иаков тогда отказал в этой просьбе, сославшись на то, что данный вопрос невозможно решить без участи османского великого везира. Однако в Москве не стали дожидаться соответствующего решения Порты.

С сентября 1683 г. патриарх Иоаким советовал гетману Русской части Украины Ивану Самойловичу провести выборы митрополита Киевского.

Кафедра в то время пустовала, хотя формально управлял ею из Галиции Львовский епископ Иосиф Шумлянский, сторонник польского короля Яна III Собеского. Последнее, конечно, было совершенно не в интересах Москвы, тем более, что Киев не был передан Речи Посполитой, как того требовали условия Андрусовского перемирия 1667 г.

Шумлянский старался изгнать из Волыни епископа Луцкого и Острожского Гедеона (в миру князь Григорий Захарович Святополк-Четвертинский из турово-пинских Рюриковичей), с которым находился в конфликте. Дело происходило на территории Польской Украины, где Иосиф Шумлянский пользовался расположением короля Яна III Собеского и его супруги. По версии Гедеона, королевская чета угрожала Гедеону тюрьмой, если он не примет униатство или католичество. В итоге Гедеон бежал в Киев, а 8 октября 1684 г. прибыл в Батурин, ставку гетмана Ивана Самойловича и был принят с распростёртыми объятьями.

Патриарх Иоаким решает собрать в Киеве церковный собор для избрания Гедеона митрополитом Киевским при условии согласия последнего на переход Киевской митрополии в Московский патриархат.

Характерно, что, следуя формально (да и фактически) автономному статусу гетмана Малороссии в вопросах церковной юрисдикции, письмо патриарху Иоакиму с просьбой о передаче Киевской митрополии под юрисдикцию Московского патриархата направил не патриарх Московский, а гетман Самойлович. В письме гетмана речь шла о передаче Киевской митрополии в «послушание Святейшего Патриарха Московского», что органично сочеталось как с вопросами церковной юрисдикции и канонники, так и с аспектом политической принадлежности Малороссии и Киева московскому царству. Факт неразрывности религиозных и политических отношений в данном контексте представляется интуитивно очевидным и следует как из самого текста письма, так и в целом из общей логики российской истории XVII века. Вслед за просьбой передачи Киевской митрополии патриарху Московскому следует еще одна просьба: «А понеже оной Митрополии Киевской обретаются Епископии, Архимандритии, монастыри и ставропигионы, нарицающиеся Братства, и при них многочисленные Грекороссийской Веры народы ... подаждь благословение... дабы преждереченного Киевского митрополита ... за истинного своего имели пастыря ...»[119]. Таким образом, культурно-религиозный аспект превращался в фактор влияния России на внутреннюю политику сопредельного государства - Речи Посполитой – которое было главным контрагентом российской дипломатии в течение всего XVII века.

В Константинополь было отправлено новое посольство от Ивана Самойловича во главе с Андреем Лисицей. На сей раз оно обращалось за поддержкой не только к Константинопольской патриархии, но и к великому

119 Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским, и изданные О. Бодянским : Ч. 1-2. - Москва : Унив. тип., 1858-1859. Ч. 1 С. 288.

везирю Османской империи. После фактического проигрыша Блистательной Портой Русско-турецкой войны 1673-1681 годов и признания османами русских прав на Левобережную Украину и Киев, великий везирь поддержал данное решение и дал своё согласие на переход Киевской митрополии под власть Московских патриархов. После этого соответствующую грамоту выдал и Константинопольский патриарх Дионисий IV.

В 1685 году при активном и решающем участии гетмана Самойловича в Киеве собрался Церковный собор, который и избрал Гедеона митрополитом. А 8 ноября 1685 г. уже в Москве патриарх Иоаким возвёл Гедеона в сан митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси. Митрополит дал присягу русским государям Ивану V и Петру I. Надо сказать свой восходящий к древности титул Гедеон носил не долго. После смещения В.В. Голицыным Ивана Самойловича с гетманства и ссылке его в Сибирь по обвинению в поджоге запорожскими казаками степи в ходе Крымского похода 1687 г. позиции Гедеона ослабли. Ему было велено впредь именоваться митрополитом Киевским, Галицким и Малой России, из юрисдикции Киевской митрополии была изъята Черниговская епархия, а важнейшие украинские и белорусские монастыри – Киево-Печерский, Полоцкий Богоявленский и Межигорский получили ставропигию и перешли под непосредственное руководство Иоакима.

Воодушевлённый таковым успехом, патриарх Иоаким стремился начать процесс объединения под властью Московских патриархов всех православных на юге Европы. В 1686 году в Москву для сбора денег и поддержания угнетенной турками епархии приехал сербский митрополит Савва II (Бранкович). Принятый патриархом Иоакимом, он решительно поддержал идею объединения православных народов вокруг Москвы.

Болгарский князь Ростислав Страшимирович, обласканный патриархом, обещал склонить к церковному соединению не только своих земляков, но и сербов, черногорцев, молдаван и валахов. Патриарх

находился в близких отношениях с Молдавским святителем Досифеем, которого снабжал книгами, типографскими принадлежностями и помогал справиться с другими церковными нуждами.

При этом патриарх Иоаким предполагал действовать не путём военно-политической конфронтации с Османской империей и Крымским ханством, что было бы неизбежно и заведомо проигрышно в существовавших военно-политических условиях и могло привести к потере тех достижений, которые были достигнуты в результате завершения в 1681 году Русско-турецкой войны 1673-1681 годов[120]. Напротив, по мнению патриарха Иоакима, достижению этих целей была призвана послужить идея выстраивания почти союзнических отношений между Москвой и Портой в деле борьбы с католическим Западом, продолжая войну с Речью Посполитой и другими участниками Священной Лиги[121]. Как было видно из примера с передачей Киевской митрополии под власть Московского патриарха, османское государство было готово идти на уступки России в вопросах церковно-иерархических отношений ради сохранения хороших отношений с Москвой на остальных направлениях. Союз Османской империи с Российским государством мог стать серьёзным подспорьем для Порты в условиях борьбы со странами Священной лиги. Патриарх Иоаким также воспринимал Османскую империю в качестве ситуативного союзника в отношении к осуществлению перехода первенства чести от Константинопольского патриархата к Московскому. Речь могла идти прежде всего о культурных, идеологических и прямых религиозных связях внутри церкви, которые обеспечивали бы России полное доминирование в идеологической и

[120] Военные историки не раз указывали, что хронологию Русско-турецкой войны надо вести не с Чигиринского похода 1677, а с 1673 г.

[121] Военной-политический альянс, состоявший из Святого престола, Священной Римской империи, Венецианской республики и Речи Посполитой, и, с 1686 года, Русского царства. Альянс противостоял Оттоманской империи в Великой Турецкой войне и прекратил своё существование после заключения Карловицкого мира в 1699 году.

духовной сферах общественной и политической жизни православных народов Европы, составляя идеологическую основу для распространения российского влияния на эти территории с одной стороны, и давая возможность сохранять мирные отношения с Османской империей и Крымским ханством с другой. Оба факта в глазах патриарха Иоакима были необходимы для того, чтобы продвигать влияние русской церкви на православные народы и церкви с одной стороны, и бороться с западным влиянием внутри России с другой.

Тем временем, в 1686 году патриарх Иоаким, уже после передачи Киевской митрополии под власть Москвы, направил в Константинополь своего племянника, дворянина Дубровского. В столице Османской империи Дубровский должен был начать переговоры о дальнейшем объединении под властью Московского патриарха православных епархий на османских территориях в Европе. Однако к тому времени, как Дубровский приехал в Константинополь, он «едва спасся от разъярённой мусульманской черни, когда в Константинополе получено известие, что в Москве подписан (26 апреля 1686 года) наступательный и оборонительный союз с Речью Посполитой против Крыма и Турции»[122].

Нетрудно заметить, что внешнеполитические планы патриарха в отношении Турции, расходились с той доктриной внешней политики России, которую выстраивал В.В. Голицын, «первый министр» правительства царевны Софьи, выступавшей в то время регентом при её юных братьях-царях. Вечный мир с Речью Посполитой 1686 г. означал присоединение России к Священной Лиги, которая уже несколько лет успешно воевала с Османской империей.

[122] Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. М., 2008. С. 705

3.1.3 Перемена внешнеполитических приоритетов России в конце 60-х – начале 80-х гг. XVII века

На протяжении всего XVII столетия отношения России с Речью Посполитой оставались приоритетом русской дипломатии. Историк Н.М. Рогожин пишет об этом как об очевидном историческом факте, ссылаясь на описи архивов Посольского приказа, которые свидетельствуют: подавляющее большинство документов внешнеполитического ведомства России XVII века посвящены русско-польским отношениям[123]. Даже в годы войны с Речью Посполитой Россия не переставала смотреть на своего соседа как на потенциального союзника в борьбе со шведами и крымцами. Исследователь А.А. Преобрженский отмечает, что, несмотря на решительное начало военной кампании против Речи Посполитой в 1654 году, в планы царя Алексея Михайловича с самого начала не входил полный разгром Речи Посполитой[124]. Как и в конце XVI века, в Москве считали возможным избрание русского царя (в данном случае – царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея Алексеевича) королём Речи Посполитой. Вопрос о спорных южнорусских и западнорусских землях в этом случае разрешался бы путём личной унии России и Речи Посполитой.

Поэтому, вместе с чрезвычайно успешной военной кампанией 1654-1655 годов, в ходе которой русскими войсками были заняты Смоленские и Черниговские земли, а также вся территория современных Белоруссии и Литвы, российское руководство отказалось от идеи дальнейшей войны с Речью Посполитой, на которую в 1655 году напала Швеция, в короткое время захватившая бóльшую часть польской территории. Для Речи Посполитой начался так называемый «шведский потоп», в условиях

---

[123] Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 28

[124] ПреображенскийА.А., МорозоваЛ.Е., ДемидоваН.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007.

которого часть польско-литовской элиты обратила свои взоры на союз с Россией.

Вместе со вступлением русских войск в Вильно в июле 1656 года и подчинением всей территории Белой Руси вслед за землями Украины русскому государству, Алексей Михайлович был в шаге от того, чтобы реализовать многолетнее стремление великих князей и царей московских объединить под своей властью все русские земли. Стремление «территориального собирания Русской земли, отторжение обширной русской области от враждебной Польши к вотчине московских государей»[125] на протяжении двух столетий было одним из приоритетов внешней политики России. Вместе с возвращением в состав общерусского государства всех исторически русских земель и распространением пределов Московии до конца Великой русской равнины, к чему стремился ещё Иоанн Васильевич IV Грозный[126], вместе с присвоением царю титула «князя литовского» на ряду со всеми остальными его титулами, задачи российского правительства на этом участке внешнеполитической активности были выполнены. Такой точки зрения придерживался сам царь, Боярская Дума и Посольский приказ, которые поспешили подписать Виленское перемирие с польским королём Яном II Казимиром и Россия вступила в войну со Швецией.

Однако вскоре король Ян II Казимир был вынужден осуществить побег с территории Речи Посполитой[127], поставив тем самым под вопрос легитимности договорённостей с царём Алексеем Михайловичем и сделав недолговечными условия перемирия с Москвой. В условиях бегства короля с территории страны шляхта Великого княжества литовского, которое в

---

[125] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2004. 831 с. Цитата из текста по ссылке: http://magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec46.htm

[126] Там же.

[127] Нагельский М. Великая Смута и Потоп в контексте поиска Речью Посполитой и Московским государством выхода из кризисных ситуаций. М. : Древлехранилище, 2016. 425 с.

Москве уже были готовы провозгласить «вотчинной московского государя», заключила Кейданскую унию со шведским королём Карлом X Густавом, согласно которой литовская территория переходила под власть шведского короля. Польский историк Томаш Василевский считает основной причиной того, что литовские магнаты во главе с Янушем Радзивиллом отдали предпочтение шведскому королю перед русским царём Алексеем Михайловичем, претендовавшим на власть над Литвой в качестве своей «исконной вотчины», был именно культурно-религиозный аспект[128]. Радзивиллы к тому времени были одним из наиболее могущественных во всей Восточной Европе аристократических домов, первыми в Речи Посполитой удостоившийся княжеского титула Священной Римской империи германской нации, отдельные представители рода Радзивиллов при этом были проводниками идей кальвинизма в Восточной Европе, не могли внутренне не тяготеть к шведской протестантской монархии.

В этих условиях, рискуя потерять завоёванные литовские земли из-за вмешательства Швеции, российское правительство, по всей видимости, стремилось воспользоваться той ситуацией, в которой польское государство было формально обезглавлено, и предложить кандидатуру царя Алексея Михайловича или его старшего сына царевича Алексея Алексеевича на королевский престол Речи Посполитой. При этом в Москве апеллировали к достаточно многочисленной прослойке мелких аристократов и малоземельного дворянства как к своим потенциальным сторонникам во внутриполитическом поле Речи Посполитой. Представители мелкой православной шляхты организовались в Виленскую конфедерацию и ходатайствовали перед лицом российского руководства о вступлении царя Алексея Михайловича на престол Речи Посполитой. С точки зрения мелкого дворянства и малоземельной аристократии власть России над Литвой была

[128] Wasilewski T. Zdrada Janusza Radziwillaw 1655 r. Ijejwyznaniowemotywy// Odrodzenie I Reformaciaw Polce. T. XVII. Warszawa, 1973. C. 125-146.

предпочтительнее утверждения шведского диктата или продолжению диктата крупных аристократических кланов, в число которых входили такие известные династии как Радзивиллы, Сапеги, Потоцкие и проч. Однако военные успехи шведского короля и скорое возвращение Яна II Казимира в Варшаву поставили точку в дискуссии о территориальной принадлежности этих земель и отодвинули проект интронизации царя Алексея Михайловича на польский престол на неопределённое время.

Тем не менее, наладившееся примирение с польско-литовской стороной и переориентация приоритетов русского правительства от борьбы с Речью Посполитой к борьбе со Швецией за выход к Балтийскому морю были очевидны. Не в последнюю очередь таковому развороту содействовало нараставшее влияние приказных людей – представителей зарождавшейся в России бюрократии, служивших в Посольском приказе. На протяжении большей части XVII века они зачастую составляли противовес церковному влиянию на внешнеполитическую идентичность России и её стремление наращивать влияние России на православные народы Европы и Ближнего Востока, перенося центр тяжести российского внешнеполитического курса на западное и северо-западное направление.

В течение XVII века, по словам Д.Л. Безьева, «российское правительство видело окружающий Россию мир глазами служащих Посольского приказа»[129]. Сам же Посольский приказ становится кузницей кадров для чиновников, наиболее приверженных идее западно ориентированной модернизации и вестернизации России. Начиная с личности Ивана Грамотина, удивлявшего своими полонизмами в личной переписке литовского канцлера Льва Сапегу, и оканчивая Артамоном Сергеевичем Матвеевым, стремившимся к установлению тесных связей и мира со Швецией.

[129] Безьев Д.А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М., 2012. С. 172.

Влияние русской православной церкви, стремившейся ограничить распространявшиеся контакты с западноевропейскими государствами и прежде всего с Речью Посполитой, должно было постоянно сохранять свою высокую интенсивность, чтобы не уступать позиций приказным дюдям из Посольского приказа.

3.1.4 Новые тенденции в отношении к иностранцам на русской службе и новый взгляд на Россию в Европе: Юрий Крижанич

В интеллектуальном пространстве России XVII века существовала одна фигура иностранца на русской службе, о котором по необходимости надо говорить особо. Обойти стороной его персону невозможно, потому что с его именем связан не просто частный случай нахождения иностранца на русской службе, но особое явление человека, чей вклад в восприятие России за рубежом был резко отличен от всех прочих. В то же время его персона оказала существенное влияние и на отношение внутри России к иностранцам. Речь идёт о хорвате по происхождению, католику-униату по религиозной принадлежности, и одному из первых авторов идеи панславизма (объединения всех славян, изначально – для борьбы против Османской империи) в русском политикуме: Юрии Крижаниче, проживавшему в России во второй половине XVII века.

Юрий Крижанич был католическим священником и миссионером. Принадлежал к ордену иезуитов. В 1659 году прибыл в Москву, выдавая себя за православного серба. В течение двух лет находился на русской службе в различных приказных учреждениях. В 1661 году скорее всего за проповедь идей униатства был сослан в Тобольск сроком на 16 лет, однако в ссылке получал денежное жалование от русского правительства и пользовался покровительством местной власти. В тобольской ссылке написал свои основные полемические произведения, в которых впервые в русском общественно-политическом дискурсе высказывался за идею

панславизма, политического и культурного единства всех славян и всеславянской церковной унии.

Находясь в России, Крижанич был замечен царём Алексеем Михайловичем, который стремился призывать иностранцев на русскую службу, но был стеснён в действиях на этом направлении, потому что иностранцы часто оказывались иноверцами, а это сильно смущало современников. Крижанич же зарекомендовал себя «своим», позиционируя себя православным, славянином, и при этом – ненавистником «немцев»[130].

Крижанич обвинял «немцев» в том, что они держат в неволе и «культурном рабстве» большинство славянских народов, и стал первым в истории российского общественно политического дискурса, кто начал апеллировать к категории и ценности защиты славян Россией на внешнеполитической арене. В «Разговорах о владетельству», написанных в форме советов царю Алексею Михайловичу по реформированию России, Крижанич требовал изгнать «немцев»-купцов из внутренних областей России, не принимать «немцев» на государственную службу, не давать им гражданства, потому что они, как иронизировал, цитируя Крижанича, С.М. Соловьёв, «могут причинять только одно зло!»[131]

Крижанич подхватил популярную после Смутного времени идею о «виновности немцев» в бедах России и перенёс её на весь славянский мир. «Наш славянский народ, — пишет он, — весь подвержен такому окаянству: везде на плечах у нас сидят немцы, жиды, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают, первая причина есть наше незнание и наше нерадение о науках, а вторая причина есть наше чужебесие, или глупость, вследствие которой иностранцы над нами

[130] Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. М., 1859. 464 с. ; Он же. Собр. соч. Т. 1-3. М., 1891—1892. 449 с.

[131] Соловьев С.М. Чтения и рассказы по русской истории. М., 1989. С. 374.

господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас всё, что хотят, потому и зовут нас варварами»[132].

Таким образом, Крижанич являлся уникальным иностранцем на русской службе, который отличался даже большим шовинизмом по отношению к иностранцам и всему чужеземному, чем многие русские. Однако его высказывания и труды интереснее новым явлением в русской политической мысли, которое удивительно совпало с вектором идеологической мысли как Иерусалимского Патриарха Паисия, так и построениями, лежавшими основе внешнеполитичекой деятельности Патриарха Московского и всея Руси Иоакима. Речь шла об идее объединить славян по этно-культурному признаку и возбудить Россию на борьбу с Османской империей и прочими государствами Европы, разрушавшими политическое единство и национальную независимость славянских народов. При этом характерно, что Патриархи Паисий и Иоаким воспринимали Османскую империю как возможного союзника, и апеллировали к единству славян против католического запад. А Крижанич, сам будучи тайным иезуитом, воспринимал католический запад как возможного союзника против поработителей-османов. Но к этно-культурному единству славян обращались все, что означает, что таковое единство было естественным явлением для этно-культурного положения России и славянского мира.

С русским духовенством Крижанич сошёлся в отрицании протестантизма. Однако его главной целью было склонить русских к унии с Римом[133]. А добиться этого было принципиально невозможно. Тем не менее, долг миссионера конгрегации Пропаганды никогда не покидал его, и его

---

[132] Цитата по: Соловьев С.М. Россия перед эпохой преобразования // Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. С. 154.

[133] Черникова Т.В. Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // Славяне и Россия. Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М. : Институт Славяноведения РАН, 2018. С. 17.

последнее произведение, написанное в России, было проникнуто идеей необходимости унии между Русской православной церковью и Римом.

И в то же время, хоть связь Крижанича с орденом иезуитов нельзя поставить под сомнение, надо отметить, что его понимание унии резко отличалось от общего на Западе. В отличие от одиозных проповедников унии со стороны римо-католичества, которые смотрели на православных как на схизматиков, а унии представляли уступкой и снисхождением к православным, Крижанич считал идею объединения Востока и Запада скорее началом нового церковного сообщества, в которой и православные и католики – изначально равные стороны. В своем произведении «Обличение Соловецкой челобитной» Крижанич пишет: «Я не осуждаю церкви и не отлучаюсь от неё, но пребываю в ней и борюсь за неё: в этом печать моей веры. Хотя я не архиерей, но я думаю и проповедую согласно с архиереями, и в сём деле я, недостойный грешник, работаю для всей церкви, или паче для самого Христа»[134].

В Москве Крижанич не мог рассчитывать на поддержку своих идей. Он мог бы сотрудничать с православными «латинщиками» — Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым, однако оно бы только ускорило крах миссии хорватского иезуита, и, сотрудничества не сложилось или до нас просто не дошли источники о таковом.

Основным кругом общения Крижанича, распространявшего влияние прежде всего на тех, от кого в России зависели политические решения, стали те, кого мы условно отнесли к категории управленцев нового типа. Как уже было сказано выше, это люди, для которых культурно-религиозная идентичность русского народа и православная вера оставались главнейшей ценностью жизни и критерием возможного и допустимого в политической

[134] Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование Государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем / Бережков М.Н. Соч. СПб., 1891. С. 59-60.

деятельности, однако на ряду с религиозной мотивацией в чьих действиях присутствовали и соображения политического характера. К виднейшим из них можно отнести воспитателя царя Алексея Михайловича Б.И. Морозова и глав Посольского приказа — А.Л. Ордина-Нащекина, А.С. Матвеева, В.В. Голицына. К ним относился и Б.А. Голицын, «дядька» (воспитатель) младшего сына Алексея Михайловича царевича Петра. Они должны были с особым интересом воспринять идеи Крижанича, представлявшегося православным, но говорившего о необходимости развития в России «наук», а его ненависть по отношению к «немцам» хоть уже и не была столь актуальной для управленцев этого типа, но удостоверяла их в благонадёжности серба-идеолога, внушая в общем и целом снисхождение.

Непосредственное разрешение на въезд Крижанича в Россию в 1659 г. дал А.Н. Трубецкой, видный воевода времён Алексея Михайловича. В Москве Крижанича определили в Приказ Большого дворца и велели заняться составлением грамматики русского языка. Также он числился переводчиком, что не удивительно, ведь Юрий знал семь языков (сербо-хорватский, старославянский, русский, латынь, греческий, немецкий, итальянский), а возможно понимал и ряд других языков, судя по тому, что переводил позже в Тобольске один голландский текст.

В Москве Юрий, очевидно, знал многих русских начальников высокого ранга. Возможно был знаком с Борисом Ивановичем Морозовым, раз упоминал как своего благодетеля человека поимени Борис Ивановича. В «Разговорах о владетельству» Крижанич хвалит Морозова за его стремление к наукам. Другим знакомцем Крижанича был глава Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащекин, так как через его приказ поступали на русскую службу все, прибывшие из-за рубежа. Так же было бы странно, если бы Крижаничем не заинтересовался близкий к царю русский покровитель образованных киевских монахов Ф.М. Ртищев и воспитатель царских детей Симеон Полоцкий со своими учениками.

Однако что-то произошло и уже в январе 1661 г. Крижанича сослали в Сибирь. Вины его объявлено не было и всё выглядело как перевод приказного человека в Тобольск с окладом в 7,5 рублей. Можно предположить, что такой оборот был вызван отказом Крижанича пройти (на всякий случай) вторичное крещение.

В Тобольске воевода князь И.Б. Репнин позволил Крижаничу сосредоточиться на написании всяких сочинений, разрешал выписывать из столицы книги. Известно, что Юрий оказал помощь московскому послу Николаю Спафарию, едущему в Поднебесную империю, переведя для него нидерландскую книгу о Китае. Сибирский митрополит Корнелий был добр к ссыльному «сербу», который к тому же состоял в переписке с епископами Вологодским и Белозерским.

Текст «Разговоров о владетельству», адресованный царю Алексею, был доставлен в царский дворец. Не известно, какое впечатление он произвёл на Алексея Михайловича, но вот его преемник царь Фёдора Алексеевич размышлял — не напечатать ли эту книгу, не напечатал, но отпустил Крижанича из России.

Какие мысли Крижанича, имевшие отношение к международному положению России и её, так сказать, «мировой миссии», могли заинтересовать юного царя Фёдора и других «начальных» русских людей.

Россия представлялась Крижаничу прародиной всех славян. Возможно это проистекало из хорватских легенд, которые смутно помнили об исходе хорватского племени от Карпат к Адриатике. Из убеждения про русскую прародину всех славян Крижанич начал конструирование на основе русского языка искусственного общеславянского языка, на котором потом написал часть своих сочинений. В качестве явного нововведения в письменную традицию русского языка явилась постановка Крижаничем ударений в каждом слове. Проект Юрия Крижанича по созданию

общеславянского языка провалился, как провалилась в XVII веке и панславянская идея, ради которой он придумывал новый язык.

Для русской общественной жизни Крижанич был привлекателен только своей верой в великую роль России, поиском объединительного импульса славянского мира в идеологической доктрине русского мессианства, ставшей повсеместной со времени возникновения в конце XV — середине XVI вв. тезиса «Москва — Третий Рим».

Однако одновременно он был чужд многим московским представлениям, на которых базировалось воззрения россиян на роль их родины в мировой истории. Саму концепцию «Москва — Третий Рим» Крижанич отверг, усмотрев в ней признак греха гордыни. В другой русской сакральной политической легенде с международным подтекстом - версии о призвании варягов и о родстве Рюрика через Пруса, родича Октавиана Августа, с римским императорским родом он тоже отказывал. Крижанич не только не верил в передачу неких императорских регалий Владимиру Мономахе, но и не видел в этом никакой значимости для славянской идентичности, т. к. крайне критически относился к грекам, греческому православию и Византийской империи. Даже титулатуру русского монарха он критиковал за заимствование титула «царь» от римского «цезарь» вместо использования настоящего, по его мнению, славянского титула монарха — король. Критика царской титулатуры вообще превращала Юрия в политического преступника, так как Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года относило подобные действия к преступлениям «по государеву слову и делу», то есть к политическим преступлениям, за что полагалась смертная казнь.

Отказ Крижанича встраивать панславизм в устоявшиеся уже в России политические концептуальные конструкции, продолжавшие и в XVII в. существовать в форме религиозно-политической мифологии, обрёк панславискую миссию Крижанича изначально на неуспех.

Но отдельные постулаты Юрия могли заинтересовать русскую думающую элиту, особенно тех, кто занимался по долгу службы выработкой внешнеполитического курса страны.

«Разговоры об владетельству» Крижанича затронули вопрос о международном положении России. Две главы «Разговоров» (51 и 52) Юрий отдал под рассуждение о необходимых переменах внешнеполитического курса Москвы, и здесь, между прочем, Крижанич уже в 1663-1666 гг. первым в России обосновал необходимость завоевания Крыма и разработал план этого предприятия.

Следующий подобный проект появится четверть века спустя в записке 1687 г., поданной В.В. Голицыну шотландцем генералом на русской службе Патриком Гордоном. К этому времени Россия уже подписала Вечный мир с Речью Посполитой (1686 г.) и вступила в Священную лигу.

И царь Фёдор Алексеевич, выигравший первую в истории Русско-турецкую войну 1673/1677-1681 годов, и В.В. Голицын, одобривший проект Гордона 1687 г., читали книгу Крижанича. Так что, мы думаем, что можно считать, что ряд мыслей Крижанича оказал влияние на перемены во внешнеполитическом курсе России, а среди внутренних стимулов, заставивших иезуита Юрия Крижанича прибыть в Россию, лежал именно религиозный мотив, получивший своеобразное развитие в его панславистких представлениях о необходимости ведущей роли России в славянском мире.

Другими востребованными в русской общественно-политической и религиозной мысли постулатами Крижанича явились рассуждения о «совершенном самовладстве» (правильной абсолютной монархии, которой наделён Алексей Михайлович, и которая не имеет ничего общего с деспотией, «людодёргством» Ивана Грозного), критика «чужебесия» (бездумного подражания Западу, во что впали, по мысли Крижанича поляки и часть других западных славян), и, конечно, проповедь хорвата о необходимости перемен в вопросе просвещении русского общества.

Особенно созвучно эпохе и важно для русского общества было то, что в деле преобразования России Крижанич главную и единственную роль отводил царской власти, политической воли монарха, которую сравнил с «жезлом Моисеевым». Этот «жезл» должен был насадить образование, науки, принудить россиян к овладению военными, торговыми и прочими премудростями, создать искусство, выкорчевать «людодерство», мздоимство, «приказнические злости» и даровать сословиям «слободины» (права и самоуправление).

Полное созвучие перечисленных выше идей Крижанича политике В.В. Голицына, «первого министра» царствования Фёдора Алексеевича и регентства Софьи поражает, если вспомнить, что написал о Голицыне француз Невилль, посланец польского короля: «Если бы я захотел письменно изложить здесь всё, что я узнал об этом князе, то я никогда бы не смог сделать этого: достаточно сказать, что он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов — в храбрецов, а пастушеские хижины — в каменные дворцы...»[135].

Правда, «тёмная сторона» русской жизни, нарисованная Крижаничем, была описано поистине оскорбительно для многих его современников.

В целом, деятельность и творчество Юрия Крижанича навсегда останется памятником независимого суждения современника той эпохи, иностранца на русской службе и католика-иезуита, который по-своему в контексте своих религиозно-внешнеполитических убеждений отражал культурно-историческую и религиозную специфику международного положения России во второй половине XVII столетия и пророчествовал России ведущую роль регулятора международных отношений и защитника общеславянского дела, по-своему опередив своё время и предвосхитив

[135] Де ла Невилль. Записки о Московии. М., 1996. С. 116.

культурно-идеологические доктрины, которым будет суждено войти в русский общественно-политический дискурс только в XIX веке.

3.2. Культурно-религиозный аспект внешней политики России в 70-80-е гг. XVII в.

3.2.1 Влияние русской православной церкви на внутреннюю и внешнюю политику России в 70-80-е гг. XVII столетия.

Личная ссора царя Алексея Михайловича и патриарха Никона и демонстративное самоустранение последнего от управления русской православной церковью, окончившееся церковным судом над ним и его низложением, совпали со сравнительным усилением прозападного вектора в российской внешней политике. Андрусовское перемирие 1667 года, признавшее вхождение в Речь Посполитую всех западнорусских земель, а также закрепившее за Речью Посполитой Правобережную Украину, населённую такими же православными казаками, что и левобережная часть, отошедшая к Москве, с одной стороны закрепило утвердившееся в ходе военных действий разграничение сфер влияния России и Речи Посполитой. С другой стороны, явилось очевидной неудачей с точки зрения русской православной церкви, так как идея объединения русских православных земель Украины под властью России оставалась не достигнутой. Однако занятые внутренними проблемами церкви иерархи не принимали тогда никакого участия во внешней политике государства.

В 70-е гг. XVII века Московский патриарх Иоаким стремился всеми силами вернуть российский внешнеполитический курс на путь объединения всех православных Речи Посполитой под властью Москвы и возвращения русских земель «под высокую руку московского царя». В первые годы после смерти царя Алексея Михайловича, в царствование его старшего сына Фёдора Алексеевича, патриарх Иоаким причисляется некоторыми исследователями к тем, кто оказывал существенное влияние на

формирование политического курса от лица не отличавшегося крепким физическим здоровьем царя.

В апреле 1682 году, после смерти царя Фёдора Алексеевича (27 апреля 1682 года), патриарх Иоаким был активным сторонником восшествия на престол бывшего в отроческом возрасте Петра Алексеевича, последнего сына Алексея Михайловича от второго брака. Для легитимации этого шага использовался рассказ о том, что лёжа на смертном одре, царь Фёдор Алексеевич передал из своих рук скипетр своему единокровному 10-летнему брату Петру в обход более старшего по возрасту 16-летнего родного брата Ивана.

И только широко известные события стрелецких бунтов, а также участие в них царевны Софьи, привели к тому, что этим планам не суждено было исполниться.

По требованию стрельцов на престол взошли сразу двое сыновей царя Алексея Михайловича: Иван и Пётр. Патриарх Иоаким поспешил венчать на царство обоих, чтобы вывести Петра Алексеевича – уже возведённого ранее на царский трон – из-под угрозы неповиновения.

По неспособности обоих братьев-царей к реальной политической деятельности на тот момент и по настоянию стрельцов регентом при них была объявлена царевна Софья. Патриарх Иоаким, судя по всему, был с самого начала не доволен возвышению царевны и её придворной «партии». Однако на начальном этапе укрепления её позиций он не стал противодействовать концентрации власти в её руках. Возможно, к тому времени у него не было таких возможностей. Однако скрытого конфликта с царевной Софьей патриарх Иоаким избежать не смог. Через некоторое время после установления регентства царевны Софьи и роста её влияния на все сферы общественно-политической жизни в России, патриарх официально заявил, что, если когда-нибудь у Софьи появится желание самой объявить

себя царицей и вступить на престол самостоятельно, он отлучит её от церкви и предаст церковному проклятию – анафеме.

Как покажут последующие события российской истории, непримиримая позиция патриарха Иоакима в конечном счёте дискредитирует царевну Софью и её окружение в глазах широких слоёв населения и не позволит ей остаться у власти. Принципиальная позиция патриарха и духовенства русской православной церкви, не принявших «партию царевны Софьи» с их симпатией к Западу и стремлением внести новые тенденции в управление страной, окажет решающее, на наш взгляд, воздействие на народ и правящие круги, сплотившиеся вокруг юного царя Петра Алексеевича, что будет показано нами ниже. Однако за годы правления Россией царевны Софьи, в результате затяжного конфликта между её правительством и патриархом Иоакимом, русская православная церковь потеряет значительную часть того традиционного влияния и авторитета, которым она обладала в среде руководства страны и правящей элиты.

Правительство царевны Софьи довольно быстро стало проводить реформы во внутренней и внешней политике. Русская православная церковь из-за расхождений во взглядах на внешнюю политику и западное влияние её предстоятеля с политическим руководством России не имела возможности влиять на ход этих реформ. Уйдя в оппозицию по отношению к власти, патриарх Иоаким не смог оказывать влияния на принимаемые политические решения. А некоторые из них напрямую касались церкви и её связей с внешним миром.

Ещё при жизни царя Фёдора Алексеевича, в 1678 году, Москва продлила на 14 лет Андрусовское перемирие России с Речью Посполитой. Однако мирного договора между Россией и Речью Посполитой заключено всё ещё не было.

Истечение Андрусовского перемирия автоматически предполагало разработку и подписание Вечного мира с Речью Посполитой, так как ни одна из сторон конфликта, не исключая и казачество, не стремились к возобновлению военных действий. Подписание Вечного мира, который должен был стать результатом компромисса как для православных, монопольно утвердив за ними Левобережную Украину с Киевом, так и для католиков, сохранявших за собой Правобережную Украину, представлялся делом формальным и не таил в себе неожиданных внешнеполитических разворотов. Однако в процессе дипломатической процедуры, направленной на подписание договора, Речь Посполитая предложила России вернуться к переговорам о присоединении к Священной лиге – военно-политическому союзу европейских монархий против Османской империи. Главой Посольского приказа в то время был Василий Васильевич Голицын, человек, лично ненавидимый патриархом Иоакимом, и тем более свободный от понимаемых в духе старомосковского благочестия обязательств, внутренних и внешних, перед православным населением России и сопредельных государств[136].

По свидетельству современников, Василий Голицын был ярким представителем новой эпохи, стремившимся во многом подражать образцам западной культуры. «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь итальянского государя»[137], - пишет посланец польского короля Яна III

[136] Серчевский Е. Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. 308 с.; Ключевский В.О. Князь Василий Васильевич Голицын. 2011, 18 с. ; Буганов В.И. «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории, 1971, № 10 ; Лавров А.С. Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории, 1998, № 5 ; Манько А.В. Великих посольских дел оберегатель: политическая биография князя В.В. Голицына. М., 2007. 206 с.; Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. 504 с.; Бердников Л.И. Великий Василий Голицын // Бердников Л.И. Русский галантный век в лицах и сюжетах. Кн. 1. М., 2013. 460 с.

[137] Невилль де ла. Записки де ла Невилля о Московии. 1689 г. / Перевод с французского и предисл. А. И. Браудо // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 608

Собесского француз де ля Невилль. По его воспоминаниям, князь Голицын был европейцем в полном смысле слова. Носил причёску на европейский манер, брил бороду, подстригал усы, владел многими языками. «Если бы я захотел написать все, что узнал об этом князе, - писал Невилль, - я никогда бы не кончил. Достаточно сказать, что он хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов в храбрецов, пастушечьи шалаши в каменные палаты».

Напряжённые переговоры между представителями Речи Посполитой и России привели к тому, что Россия в 1686 году вступила в Священную лигу и обязалась объявить Османской империи войну в рамках исполнения союзнических обязательств в отношении союзников, которыми теперь помимо Речи Посполитой являлись Священная Римская империя в лице Авствии и Венецианская республика. Патронировал же и идеологически вдохновлял этот антиосманский союз папа Римский.

В юности патриарх Иоаким служил офицером рейтарского полка нового строя на русско-крымской границе. Хотя военная служба не принесла ему больших карьерных достижений, воспитав в нём скорее неприятие военных реформ первых Романовых и западных заимствований в целом, чем что-либо ещё, он в отличие от В.В. Голицына и его главного военного советника шотландца на русской службе Патрика Гордона, очевидно понимал, что особенности природно-климатического фактора Дикого поля не принесут наступательной операции на Крым сокрушительной победы России над ханством, а помощь католикам — полякам и Империи (не говоря уже о Святом престоле), не представлялась Иоакиму нужным для Православного царства аспектом его внешнеполитического курса. Так же тогда мыслило и большинство населения России. Только полный разгром ханства, взятие Бахчисарая могло в глазах большинства православных людей

оправдать лишения и гибель огромного числа участников Крымских походов 1687 и 1689 годов. Между тем, справедливости ради надо сказать, что цель полного разгрома Крыма не ставилась перед российскими войсками и самим В.В. Голицыным и его советниками. По их мнению, главным смыслом походов 1687 и 1689 годов должна была стать помощь участникам Священной Лиги. Крымские походы В.В. Голицына, в которых участвовали в основном полки нового строя, не давали крымской коннице прийти на помощь османам в их войне с Речью Посполитой. Кроме того, они должны были стать первым примером наступательных действий России против Крымского ханства, от военных набегов представителей которого Россия раньше преимущественно оборонялась.

Также патриарх Иоаким был противником участия в походах иностранных офицеров, полагая, что они станут для России источником неудачи и поражения, о чём пишет Патрик Гордон в своих дневниках.

Вступление России в Священную лигу перечёркивало все внешнеполитические планы патриарха Иоакима, и он демонстративно отказался дать благословение на военный поход князю Василию Голицыну и царевне Софье. Не прозвучали об успехе русского оружия и молебны в православных храмах и монастырях России.

Царевна Софья, будучи регентом и не обладая полнотой власти в стране, могла себе позволить не обратить внимание на отсутствие церковного благословения на данный поход со стороны патриарха. Лишь власть венчанного на царство царя была освящена перед Богом и нуждалась в одобрении церковной власти – власть регента не регламентировалась церковными канонами. Однако царевна Софья, возможно, движимая собственными амбициями и подспудным желанием править по-царски, не смирилась с отсутствием церковного благословения на поход. Она потребовала от настоятеля Ново-Спасского собора, домовой церкви Романовых, благословить русское воинство. Архимандрит Игнатий

(Римский-Корсаков) 21 февраля 1687 года выступил перед войсками, отправляющимися в первый Крымский поход, с обширной проповедью - «Словом благочестивому и христолюбивому российскому воинству», а 14 марта богато оформленный экземпляр этого слова им был поднесен царевне Софье Алексеевне. Этой же весной архимандрит Игнатий, вручая собранию войск икону Божией Матери Одигитрии, выступил со «Словом православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы». В «Словах» автор убеждал слушателей в неотъемлемости помощи Божией в грядущей войне, доказывая это примерами из Ветхого Завета и русской истории[138].

Поступив таким образом, царевна Софья нарушила хрупкий statusquo в отношениях с патриархом Иоакимом. Для политической, да и личной судьбы царевны это стало роковой ошибкой, которая, вместе с народным восприятием Крымских походов как неудачных, будет стоить ей власти и свободы.

3.2.2 Патриарх Иоаким и борьба «латинствующих» и «грекофилов» в русской церкви, государстве и обществе

Вступив в противостояние с патриархом Иоакимом внутри церкви, который занимал консервативные позиции по всем вопросам церковной и общественной жизни, царевна Софья вынужденно примкнула к числу тех, кого на языке церковного обихода именовали в то время «папёжниками» и «латинствующими». При царском дворе образовались две религиозно-политические группировки - «латинствующая» во главе с Сильвестром (Медведевым) и «греофилов», возглавляемой самим патриархом[139]. В

[138] Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 101.

[139] Гаврилов А.В. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872 ; Смирнов П.А. Иоаким, патриарх Московский. М., 1885 ; Барсуков И.П. Всероссийский патриарх Иоаким (Савелов). СПб.,1890.

отношении взгляда на международное положение страны сторонники Сильвестра были весьма лояльны к усилению дипломатических и военно-политических контактов с западными странами, в то время как «грекофилы» отрицали подобные тенденции.

Патриарх Иоаким прибег к проверенному временем способу борьбы с западным влиянием и вмешательством в дела церкви – он обратился за помощью к восточным патриархам. Для борьбы с «партией латинствующих» Московский патриарх пригласил двух ученых греков, монахов братьев Лихудов, рекомендованных Иерусалимским патриархом Досифеем. Рассчитывая на то, что его обращение к восточным патриархам вызовет тот же резонанс, что и во времена патриарха Никона – с тех пор участие греческих богословов в церковных вопросах воспринималось в России особенно живо и остро – патриарх Иоаким, вероятно, думал этим привлечь к данной проблеме внимание широких кругов общественности.

Патриарх Иоаким видел реальную угрозу православной церкви и России в усиливавшейся толерантности и интересе части русского общества и социальной элиты по отношению к западному влиянию, как прямому западноевропейскому, так и польско-литовскому. Согласно его убеждениям, это было делом рук иезуитов, униатов и протестантов, действовавших целенаправленно и организованно в России, стремившихся внедриться в структуру русского общества и подорвать моральные устои московского благочестия изнутри.

Так, путешественник и дипломат, отправленный на учёбу в Вильно и поступивший потом на русскую службу, Яков Рейтенфельс в своих письмах Папе Римскому предлагал последнему отправлять в Россию как можно больше католических миссионеров под видом светских людей, могущих быть полезными для русского правительства на различных должностях в Архангельске, Киеве, Астрахани и Тобольске. По его словам, успех их миссии тем больше будет обеспечен, чем меньше людей смогут догадаться

об их принадлежности к римской церкви и особенно об их непосредственных связях с римским папой.

Пригласив греческих богословов в Москву, Патриарх Иоаким поручил им опровергать сочинения «латинствующих еретиков». Ему теперь приходилось неустанно бороться с западным влиянием на русскую аристократию, приказных и служилых людей, которое распространялось по его мнению прежде всего либо западноевропейскими специалистами на русской службе протестантского или реже католического вероисповедания, либо польскими иезуитами, в качестве священников сопровождавшими дипломатические миссии Речи Посполитой, либо скрытыми униатами, выходцами из Малороссии и Западной Руси. Расчёт патриарха был верен – сторонники католического богословия не преминули воспользоваться возможностью проявить свои познания, извлечённые на скамьях иезуитских коллегиумов – тем более, что риторика там была обязательным предметом.

Сильвестр Медведев написал книгу под названием «Манна», в которой использовал аргументы католического учения о Таинствах церкви. Лихуды отвечали на это сочинение опровержением, которое названо «Акось, или врачевание, противополагаемое ядовитым угрызениям змиевым». В Москве открылась жаркая полемика по поводу богословских расхождений Сильвестра (Медведева) и Лихудов. Медведев и его сторонники пустили в ход сочинение киевского игумена Феодосия (Сафоновича): «Выклад о церкви святой», и от себя написали «Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов», а монах Евфимий. бывший ученик Епифания (Славинецкого), примкнувший к Лихудам, разразился против Медведева ругательным сочинением под названием «Неистовное брехание».

Братья Лихуды написали «Мечец Духовный», сочинение, в котором изложили в форме диалогов свой спор, происходивший в Львове с иезуитом Руткою, обо всех различиях между православною и римско-католическою церквами. Споры на богословские темы из монастырской ограды перешли в

мирские дома и даже на улицу. Люди, мало понимавшие суть богословских тонкостей, увлекались этим вопросом; купцы, ремесленники и даже женщины в трактирах стали спорить о догматических различиях между православием и латинской верой.

В исторической литературе не раз высказывалось предположение, что если бы правительство Софьи и В.В. Голицын устояло в августовские дни 1689 года, следующим Московским патриархом мог бы стать Сильвестр Медведев. Однако это стало невозможным после того, как посланный царевной Софьей к брату Петру патриарх Иоаким перешёл на сторону «партии Нарышкиных». Это окончательно завершило в пользу Петра правительственный кризис августа 1689 года. Софью и её сторонников отстранили от власти.

В 1689 году по инициативе патриарха был созван Поместный Собор, который предал анафеме «хлебопоклонническую ересь», заслушал покаянные исповедания «хлебопоклонных еретиков» Сильвестра Медведева и иерея Саввы Долгого, а также «учительное слово» от лица патриарха.

Постановление собора гласило следующее[140]: «Чтохом покаянное саморучное писание прежде бывшего монаха Сиьвестра Медведева, ныне же, за свое его самовольное от святыя Восточныя церкве и от мерности нашея отсутпничество, и за его зломудрие о пресуществлении святых Таин, и за лживое утверждение, паче же рещи прельщение коварными словесы, чуждаго Латинского обычая, пришедшаго нова в церковь Всероссийскую, …

[140] Перевод соборного постановления на современный русский язык: «Прочли покаянное собственноручное письмо от бывшего монаха Сильвестра Медведева, ныне отлучённого от Восточной церкви за самовольное отступничество и злонамеренное распространение еретического учения о пресуществлении святых Таин и распространении чуждого нам латинского обычая, ныне проникшего в церковь Всероссийскую… определить его не только быть лишённым монашеского чина, но и отлучённым от церкви и преданным анафеме» - перевод автора.

имеехом его не точию из монашества изверженна, … но и прклята и от христианскаго спребывания, общения и именования отлученна»[141].

Собор также резко осудил на сожжение сочинение Медведева «Манна» и запретил читать произведения других «латынников» и униатских богословов, «имеющих единоумие с папою и западным костёлом». Среди последних значились все книги Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, Петра Могилы, Галятовского, Радивиловского и Транквиллиона. О «Требнике» Петра Могилы сказано, что эта книга «преисполнена латинского зломудренного учения». Относительно всех трактатов малороссийских богословов было замечено, «что их книги новотворенные и сами с собою не согласуются, и хотя многие из них названы сладостными именами, но все, даже и лучшие, заключают в себе душерастлительную отраву латинского зломудрия и иезуитского новшества»[142].

После соборного осуждения Сильвестр (Медведев) был отправлен в Сыскной приказ, где был предан пыткам и публично казнён посредством четвертования. Его единомышленники были изгнаны из России. Усилиями патриарха Иоакима авторитет царевны Софьи и её окружения был окончательно подорван их связями с вероотступниками.

3.2.3 Посольский приказ и культурно-религиозный аспект внешней политики России 80-х гг. XVII в.

Рассмотрев позицию и взгляды патриарха Иоакима и выявив его влияние на внешнюю и внутреннюю политику России, перейдём к анализу позиций «партии» царевны Софьи и их влиянии на роль культурно-

[141] Соборное постановление о разрешении от церковного отлучения Симеона Медведева. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою коммиссиею Т. 5. 1676—1700. С. 337

[142] Там же.

религиозного аспекта международного положения и внешней политики России в 80-х годы XVIIвека.

В эти годы она тем более должна была опираться на представителей прозападной партии при дворе, которые становились для неё «естественными союзниками» на фоне жёсткой позиции патриарха Иоакима и консерваторов в системе правления государством и церковью. Годы её правления стали одними из наиболее благоприятных для управленческой элиты нового типа, созревание которой шло в недрах Посольского и других приказов в течение всего XVII века. Выше уже было сказано, что Посольский приказ, частью в силу своего положения, близкого всему иностранному по определению, частью в силу особой важности в структуре государственных органов, становился флагманом в формировании нового типа государственных управленцев. Людей, для которых государственная служба ещё не стала профессией, в отличие от первых бюрократов петровской поры, но уже была специфическим служением государству, ради интересов которого они были готовы предпочесть иные соображения: сословные или культурно-религиозные. На примере таких руководителей Посольского приказа разных временных отрезков XVII века как Иван Тарасьевич Грамотин, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, Артамон Сергеевич Матвеев и, наконец, Василий Васильевич Голицын, можно видеть, как постепенно происходило формирование российского управленца нового типа. В отношении к культурно-религиозному аспекту внешней политики о них можно сказать, что, оставаясь людьми формально религиозными, они уже не рассматривали вопросы веры в качестве первостепенных. Для них дела церковные могли стать инструментом в решении политических задач, которые выходили для них на передний план.

Данный период исторического развития государственных институтов России стал характерен бурным всплеском в развитии новых форм

организации государственного администрирования и появлением новых явлений в государственной жизни России.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, речь о котором уже шла выше, став руководителем Посольского приказа, по сути говоря, обозначил в своей деятельности многие траектории дальнейшего развития российской внешней политики, получившие дальнейшее развитие в самом конце XVIIи первой трети XVIIIвека. Так, ему принадлежала инициатива создания первого в России корабельного флота, он увеличил в 20 раз количество иностранных газет, выписываемых Посольским приказом из стран Европы, и расширил аудиторию читающих московские «Куранты» Посольского приказа с царя и его ближайших сановников до широкого круга придворных лиц. Историки также полагают, что он был в числе покровителей Петра Марселиса, организовывавшего по указанию царя Алексея Михайловича регулярное почтовое сообщение со странами западной Европы[143].

Прагматичный настрой и личные симпатии к образцам западной культуры представителей этой части российской элиты не вызывали большой симпатии простого народа, всё ещё негативно настроенного по отношению к иностранному влиянию. Вместе с конфронтацией царевны Софьи и её окружения с патриархом Иоакимом это приводило к поляризации общества и в конечном итоге сказывалось на политической карьере царевны и её сторонников.

Однако, одержав тактическую победу над своими идеологическими противниками среди русского духовенства и внеся свою лепту в крушение

[143] Фомина В. Куранты – первая русская рукописная газета. (деятельность Ордина-Нащокина) // Псковская держава. Краеведческий архив ; Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления // Институт славяноведения РАН. М., 2013. 25 с. ; Чистякова Е. В., Галактионов И. В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков / Под ред. Е. В. Чистяковой; Сост. Н. М. Рогожин. М., 1989. 142 с. ; Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV–XVIIвеках. М. : МГИМО-Университет, 2012. 944 с.

регентства Софьи, патриарх Иоаким невольно послужил усилению тех тенденций в формировании внешнеполитического курса в стране, которые намечались с первых лет по преодолении Смутного времени в виде равновесия между прагматизмом Посольского приказа и влиянием церкви на внешнюю политику страны. Если на протяжении всего XVII века Посольский приказ был форпостом воспитания управленцев нового типа: тех, кто ставит прагматические интересы государственной выгоды выше, чем культурно-религиозные предпочтения народа, но пользуется последними как средством достижения собственных целей, то культурно-религиозная идентичность весь XVII век оставалась той системой координат, которая задавала рамки возможного и допустимого во внешней политике. Русская православная церковь при этом всегда, начиная с совместного правления патриарха Филарета и царя Михаила Фёдоровича и вплоть до периода правления царя Фёдора Алексеевича, являлась одним из ключевых участников формирования внешнеполитического курса страны. Посольский приказ был крупнейшим административным органом, чаще всего представлявшим прагматический подход к решению внешнеполитических задач, позиция же Московских патриархов, к которой практически с самого начала века активно подключалась позиция ближневосточных патриархов, являлась тем идеологическим противовесом, который уравновешивал вектор российской внешней политики.

Вместе с началом конфликта между патриархом Иоакимом и царевной Софьей влияние русской православной церкви на внешнюю политику ослабло. Стратегическая ориентация Посольского приказа на долгосрочный союз с Речью Посполитой, выстраивание конструктивных отношений со Священной Римской империей и прагматично-расчётливый status quo в отношениях со Швецией взяли безоговорочный верх в деле формирования внешнеполитической повестки дня. Необходимость поддержания исконного вектора внешней политики России, направленного на защиту интересов

православных христиан в Османской империи и на Ближнем Востоке, был решительно отброшен на периферию внешнеполитической активности российского государства. Происходило это именно тогда, когда церковные иерархи и культурно-религиозная идентичность народа, включая правящую элиту, требовала защиты интересов православных христиан. Данные противоречия, окрашенные ожесточённым межличностным противостоянием и внутренней нестабильностью общественной жизни России, ставили перед обществом угрозу крупных социальных потрясений. Для стабилизации общественного положения в стране требовалась выработка новой парадигмы социальных отношений, способной примирить все гетерогенные части российского общества и объединить их в единое целое перед лицом новых вызовов и новых угроз.

3.3 Культурно-религиозный аспект начального этапа правления царя Петра Алексеевича и его внешнеполитического курса

В этих условиях 8 августа 1689 года 17-летний царь Пётр Алексеевич, венчанный на царство патриархом Иоакимом ещё в 1682 году, предпринял решительные меры с целью сконцентрировать в своих руках всю полноту единоличной власти и отстранить от правления свою единокровную сестру царевну Софью.

Ранним утром 8 августа он прибыл в Троице-Сергиев монастырь в ста километрах от Москвы, являющийся одним из главных духовных и культурно-религиозных центров русского православия. Здесь «партия Петра» во главе с его родственниками по материнской линии и воспитателем царя Борисом Алексеевичем Голицыным (двоюродным братом Василия Васильевича Голицына, оказавшегося по другую сторону баррикад в этом противостоянии) начал концентрировать имевшиеся в его распоряжении военные силы и отдавать первые распоряжения без оглядки на находившуюся в Москве царевну Софью. У правительства Софьи не

оказалось надёжных союзников, и она, стремясь достигнуть компромисса в отношениях с братом, отправила на переговоры к нему патриарха Иоакима. Однако патриарх Иоаким сразу перешёл на сторону Петра I, за кандидатуру которого ратовал ещё в 1682 году, сразу после смерти царя Фёдора Алексеевича. Через некоторое время молодому царю присягнул весь двор, а царевна Софья со своим окружением отправилась в монастырскую ссылку. Ряд её сподвижников были казнены.

Деятельное участие патриарха Иоакима в консолидации царской власти в руках сторонников молодого царя Петра Алексеевича было последним общественно-политическим делом патриарха. Могучий святитель скончался через девять месяцев после августовских событий 1889 года. На его место был избран и утверждён Казанский митрополит Адриан, бывший в большой чести у покойного патриарха Иоакима.

Митрополит Адриан в годы управления Казанской митрополией сыскал себе всеобщее уважение в церкви прежде всего своей строгой монашеской жизнью и личным благочестием. Так что по своём восшествии на престол Московских патриархов, он не вмешивался в государственные дела и оставил какие-либо попытки участвовать в государственном управлении и формировать внешнеполитическую повестку дня. Эта позиция являлась уже привычной для Московских патриархов, среди которых только Иоаким был после Никона столь же деятельным, что и его опальный предшественник. Тот факт, что после ухода из жизни патриарха Иоакима кафедру Московских первосвященников занял Казанский митрополит Адриан, а не Ярославский владыка Стефан (Яворский), отличавшийся большой энергичностью и стремлением участвовать в общественно-политической жизни страны, на наш взгляд, не является случайным. То, что Всероссийским патриархом стал именно митрополит Адриан, обособивший внутри церковную жизнь от вмешательства в политические вопросы, свидетельствует о том, что в истории наступило время консолидации

российского общества вокруг самодержавной власти царя. Влияние иерархов церкви на политику страны станет ощутимо меньшим, чем это было в XVII веке.

Молодой царь Пётр Алексеевич, имевший призвание к тому, чтобы быть самодержцем и наделённый всеми необходимыми для этого способностями, на протяжении всего своего царствования стремился к тому, чтобы консолидировать сложное и многоукладное российское общество.

Культурно-религиозный аспект по-прежнему оставался той основой ценностей и приоритетов, которая задавала нормы возможного и допустимого при принятии внешнеполитических решений. Царь Пётр Алексеевич не выходил за рамки основных канонов церкви в тех делах, которые касались его официальных распоряжений, особенно в отношении общественной нравственности и в вероучительной сфере.

Теперь основным источником регулирования внешней политики с точки зрения её культурно-религиозного и морально-нравственного измерения была совесть самого государя: рядом с ним уже практически не было той силы, которая могла повлиять деятельно на принимаемые решения в пользу церковных интересов или с точки зрения православных норм и канонов. Таковое положение дел не противоречило церковному преданию, согласно которому «сердце царево в руце Божей» - и совесть царя как Помазанника является залогом правильности принимаемых им решений и условием праведности его правления.

С точки зрения церковного предания, *степень влияния церкви на жизнь общества и уровень народного благочестия измеряется степенью устойчивости власти православного самодержца и консолидации общества вокруг личности царя*. Поэтому попытки представить эпоху преобразований царя Петра Алексеевича эпохой гонений или притеснений церкви с точки зрения самой церкви не представляется возможным – в правление царя Петра Алексеевича российское самодержавие достигло полноты своего

самовыражения, приобрело свои типические черты, которые сохраняло до начала XX века. С точки зрения православного мировосприятия, роль церкви усиливалась как внутри страны, так и на международной арене, вместе с усилением самодержавия и ростом влияния Российской империи на сопредельные страны и на мировую политику в целом.

Во всяком случае, нам представляется достоверным тот факт, что сам царь Пётр Алексеевич воспринимал свои действия на месте самодержца всероссийского именно как религиозный долг и форму своего служения. Так, когда в 1698 году Московский патриарх Адриан по древней русской традиции печалования патриархов за осуждённых на смертную казнь, пришёл к Петру просить его помиловать осуждённых на смертную казнь участников стрелецкого бунта 1698 гг. в Москве, царь ответил: «Разве твоё дело приходить сюда? Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших»[144].

А вот как высказывался царь в отношении к старообрядцам, которые сталкивались с преследованиями в период правления церковью патриархом Иоакимом и во время регентства царевны Софьи: «Когда уже нельзя их обратить от суеверия рассудком, то, конечно, не поможет ни огонь, ни меч; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государство пользы иметь не будет»[145].

Заботясь прежде всего о внутреннем мире и консолидации общества и расширяя ради этого пределы российского государства, чтобы тем самым удовлетворить потребности России и превратить её в империю, Пётр

---

[144] Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. 6-7 окт. 1698.

[145] Петр Великий в его изречениях. / [автор предисловия: В. Строев]. - [Санкт-Петербург: б. и., 1910]. С. 5-6.

стремился избегать любой возможности внутренних раздоров. Известие о кончине патриарха Адриана пришло к царю Петру Алексеевичу в то время, когда он находился под Нарвой, командуя осадой крепости. «Благоразумно ли было, - пишет С.М. Соловьёв, - к сильной борьбе внешней и внутренней присоединять возможность борьбы с патриархом, которая, и окончившись счастливо для царя, во всяком случае дала бы ему печальное значение гонителя, а жертва получила бы для многих значения святого мученика?»[146].

В условиях нестроений и раздоров внутри церковной ограды предпочтения одних со стороны собора святителей и царя означало бы автоматически поражение других и не окончилось бы единением верующих вокруг вновь избранного патриарха, но привело бы к ещё большим препирательствам. Поэтому по совету, который подал царю А.А. Курбатов, он повременил с избранием нового патриарха. По словам А.А. Курбатова, «больному патриарху (Адриану – авт.) трудно было смотреть за всем, отчего происходили беспорядки по духовному управлению. Избранием архимандритов ведал архидиакон, который сам собою править не может…»[147], так что отсутствие патриарха в течение некоторого времени уже не представлялось русскому обществу чем-то необычным. На это время А.А. Курбатов предлагал разделить обязанности патриарха между уже действовавшими архиереями и отложить избрание предстоятеля церкви до лучших времён. Занятый военными делами царь Пётр Алексеевич поддержал эту инициативу.

Время правления Россией царём Петром Алексеевичем ознаменовалось отказом от попыток выстраивания внешнеполитического взаимодействия с православными иерархами и народами Османской империи, стремление к которому присутствовало во внешней политике России и поддерживалось церковью весь XVII век. Однако дальнейшая

[146] Цитата С.М. Соловьёва по Тальбергу. Н. Д. История Русской Церкви. М., 2008. С. 535.

[147] Там же. С. 535.

история России XVIII-XIX веков продемонстрирует тот факт, что отказ Петра от доминирования среди православного населения на Балканах и на Ближнем Востоке было не стратегическим пересмотром приоритетов внешней политики русского государства, а тактической необходимостью сконцентрироваться на борьбе со Швецией за выход к Балтийскому морю в первой четверти XVIII столетия.

Таким образом, несмотря на большое количество значительных перемен, произошедших во внутренней и внешней политике России во время правления царя Петра Алексеевича, мы должны констатировать тот факт, что с точки зрения культурно-религиозного аспекта внешнеполитического положения России на рубеже XVII-XVIII веков, стратегический вектор российской внешней политики остался неизменным. Её основные черты, обусловленные как геополитическим положением России, так и её культурно-религиозной идентичностью остались неизменны, а идеология, укоренённая в учении русской православной церкви, получила своё логическое завершение в реализации имперской парадигмы царём Петром Алексеевичем, внутренне присущей России и православной культуре. Дальнейшее становление России как Империи будет проходить в идеологическом соответствии с теми культурно-религиозными установками, которые были изначально присущи русскому православию и сохраняли своё влияние на международное положение России протяжении всего XVII столетия.

Заключение

Целью данной работы было установить взаимную связь культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России с внешней политикой и международным положением страны в период с 1613 по 1682 гг. На наш взгляд в ходе диссертационного исследования удалось достичь поставленной цели. Установлена главная закономерность, согласно которой

в указанный период времени имела место многоуровневая взаимная связь между культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России и международным положением страны.

Начиная с преодоления Смутного времени и оканчивая ранними годами правления царя Петра Алексеевича культурно-религиозный аспект был главным источником определения меры возможного и допустимого в религиозном и морально-этическом отношениях и зачастую играл определяющую роль при принятии политических решений.

В то же время, с самого начала Смутного времени и вплоть до конца XVII – начала XVIII столетия появляются новые тенденции в развитии внешней политики страны.

Прежде всего, всё большую роль начал играть прагматичный подход к решению внешнеполитических задач, часто тактического характера.

В рамках поставленной цели работы было сформулировано несколько задач. Каждой из них соответствует тот или иной параграф кандидатской диссертации, и та или иная тема, затрагиваемая в работе.

Так, определены общие характерные черты государственного развития и жизни общества в указанный период. Главное на наш взгляд в них – это тенденция к формированию централизованной системы власти с чёткой структурой управления страной на всех уровнях. В истории международных отношений и внешней политики России этот процесс проистекал наиболее бурно, так как, по меткому выражению Безьева, Посольский приказ был источником формирования представления российского руководства об окружающем мире и в какой-то мере о себе самих как о части этого мира. У современных исследователей, с точкой зрения которых мы солидарны, есть серьёзные основания полагать, что в деле институционализации государственной власти в России XVII века Посольскоий приказ находился в авангарде этого процесса.

Одной из характерных черт эпохи было то, что всё большую роль в системе принятия политических решений на разных уровнях власти начинал играть новый тип служилого человека – выходца из среды мелкого дворянства. Изменение социальной структуры органов власти и характера их деятельности сопрягалось с некоторыми переменами и в подходах к деятельности Посольского приказа, влиявшее на работу высших органов государственной власти и систему управления страной. В частности, количество задач резко увеличивалось, а их масштаб фрагментировался и переходил от стратегических конструктов, являвшихся частью религиозной картины мира, к утилитарным тактическим задачам, обусловленным той или иной потребностью политики, дипломатии, торговли или безопасности. В этих условиях роль религиозного мировоззрения и культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России становилась несколько иной, чем в прежние времена, что отнюдь не означает перемен в сторону отказа от культурно-религиозной идентичности или падения её значимости. Оставаясь людьми лично религиозными, управленцы нового типа всё равно ориентировались на религиозную норму и культурно-религиозный аспект как на главный критерий допустимости при принятии и реализации политических решений.

С одной стороны, можно говорить об ослаблении прямого влияния культурно-религиозного аспекта на внешнюю политику и международное положение России в XVII веке. Здесь под понятием прямого влияния культурно-религиозного аспекта мы подразумеваем возможность иерархов церкви, духовенства и верующего народа оказывать непосредственное воздействие на механизм принятия и осуществления политических решений. С другой стороны, имплицитное воздействие культурно-религиозной идентичности русского народа и народов России на внешнюю политику и международное положение страны оставалось практически неизменным в исследуемый период времени.

Одним из характерных примеров, демонстрирующих справедливость выше приведённого тезиса, стал поиск союзников в Европе в 30-40-х гг. XVII века, выразившиеся в такой традиционной форме как стремление заключить династический брак с представителями европейских монарших домов. Выгодный и нужный в матримониальной и международной политики страны, он так и не увенчался успехом, несмотря на неоднократные и настойчивые попытки его осуществить. В данной работе доказано, что причиной тому стал именно культурно-религиозный аспект международных отношений и внешней политики России XVII–начала XVIII веков.

В то же время, под культурно-религиозным аспектом международных отношений и внешней политики России изучаемого периода было бы неверно подразумевать только вопросы клерикального свойства, так как и понятие религиозной картины мира тех лет, и понятие культурно-религиозного фактора включает в себя аспекты, лежащие за пределами клерикальных отношений и внешних форм взаимодействия церковной иерархии с органами государственно власти. Наиболее характерным примером того, что под культурно-религиозным аспектом международных отношений и внешней политики России XVIIвека можно понимать не только клерикальные вопросы, но и множество иных идеологических и мировоззренческих установок, входящих в религиозную картину мира, свидетельствует эпоха правления царя Алексея Михайловича. Она стала одной из наиболее насыщенных в истории русской церкви и государства в плане церковно-государственного взаимодействия и взаимного влияния. В этот период проявились такие черты идеологической идентичности российской государственности как принципиальная установка на поддержку самодержавной власти на европейском континенте и неизменное стремление защищать православные народы и снабжать разнообразной помощью их представителей и духовенство, в какой части света и под каким подданством они бы ни находились. Это стремление было самостоятельной апорией и

идеологической константой принятия внешнеполитических решений российским руководством, безотносительно того, как складывались отношения царя и высшего политического руководства с отдельными иерархами церкви и насколько иерархи церкви имели возможность влиять на политическую и общественную жизнь в стране.

Одним из самых ярких успехов внешней политики этого периода российской истории стала освободительная война Богдана Хмельницкого, окончившаяся присоединением части Украины к России в 1654 году. Широко исследованный в отечественной и зарубежной историографии, этот сюжет российской истории не оставлял равнодушными ни множество исследователей, ни авторов многочисленных произведений разных жанров, посвящённых этой тематике. Каждый из них внёс свой вклад в описание данной темы и значительно приблизил нас к пониманию этого эпохального события. В то же время, нам показался удивительным тот факт, что в отечественной и зарубежной историографии, как среди исследователей истории государства, так и среди исследователей церковной истории не нашёл своего отражения тот факт, что восстание Богдана Хмельницкого было пятым по счёту за последние тридцать лет, и все они поднимались под лозунгами расширения прав казацкой старшины в составе Речи Посполитой. И только пятое восстание внезапно переросло в освободительную войну и окончилось присоединением Украины к России и кардинальной перестановкой сил в Восточной Европе. На наш взгляд, определяющее значение в этом неожиданном перевороте сыграл именно культурно-религиозный аспект, в данном случае выразившийся не только в чувстве культурно-религиозной идентичности русского народа, но и в прямом вмешательстве иерархов церкви в принятие и реализацию политических решений казацкой старшиной и руководством России.

Отдельно в работе исследовано влияние ближневосточных иерархов православной церкви, в частности, Иерусалимских патриархов Феофана и

Паисия, которые, на наш взгляд, оказали решающее влияние на изменение курса, принятого казацкой старшиной и определили дальнейшее решение Богдана Хмельницкого о вступлении в состав российского государства.

Одним из главных единомышленников Иерусалимского патриарха Паисия в России был Московский патриарх Никон, влияние которого на внешнюю политику России было отдельно проанализировано в данной работе. Вместе с личностью патриарха Иоакима, патриарх Никон принадлежал тому кругу людей, которые окрасили собой цвет уходящей эпохи расцвета церковно-государственного взаимодействия, когда церковь и царство синхронно и согласно могли определять внешнюю и внутреннюю политику в стране и в мире.

Эпоха малолетства царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича и регентства их сестры царевны Софьи стала одним из ярких аккордов приближавшегося нового периода церковно-государственных отношений, характерного прежде всего тем, что церковная иерархия потеряла возможность участвовать в принятии и реализации внешнеполитических решений. Данный процесс стал частью неизбежного пути, хотя и был окрашен спецификой личных отношений между патриархом Иоакимом, царевной Софьей, князем Василием Васильевичем Голицыным и молодым царём Петром Алексеевичем.

Тема культурно-религиозного аспекта внешней политики и международного положения России на начальном этапе правления царя Петра Алексеевича лишь намечена в данной работе в качестве постановки проблемы и поиска преемственности и внутренней логики развития тенденций, характерных для предшествовавших периодов российской истории.

Можно сказать, что с одной стороны первые преобразования царя Петра Алексеевича вместе с последующими, более поздними, действиями, во многом вытекали из логики предшествовавших периодов развития

отечественной и мировой истории. В частности, приведённые выше тезисы о том, с какими существенными изменениями столкнулась российская внешняя политика в период институционализации российской государственной власти характерно свидетельствует о наличии таковой преемственности политики Петра Алексеевича от своих ближайших предшественников. С другой стороны, важно не забывать, что усиление самодержавия и образования имперской власти в России, в том числе связанные с ослаблением влияния иерархов церкви на принятие и реализацию политических решений в России, нельзя напрямую отождествлять с ослаблением культурно-религиозного аспекта международных отношений и внешней политики России Нового времени. Во многом культурно-религиозный аспект международных отношений и внешней политики России в XVII веке и последующих веках перешёл в иное качество и в иную форму самовыражения относительно прежних лет. В то же время усиление самодержавной власти и реализация имперской парадигмы сами по себе являются частью культурно-религиозной картины мира православного востока и несут на себе отпечаток имплицитного влияния культурно-религиозного аспекта. Выразителем последнего в таком случае становится сам монарх и имперское правительство, действия которого не противоречат базовым апориям религиозного мировоззрения и сохраняют на себе основные культурно-религиозные императивы того же сознания и мировоззрения, из недр которого происходили прежние формы церковно-государственного взаимодействия, характерные для более ранних эпох.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что культурно-религиозный аспект международных отношений, проиллюстрированный в данной работе на нескольких крупных примерах из истории российской дипломатии и внешней политики, оказывал в прошлом и может оказывать в настоящем и будущем существенное воздействие на систему

международных отношений в целом и на практику принятия конкретных внешнеполитических решений в настоящем и будущем. В соответствии с этим, по итогам диссертационного исследования, автор пришел к заключению, что современная наука и образование уделяют неоправданно малое внимание вопросам культурно-религиозной идентичности народов мира в структуре международных отношений. На наш взгляд не производится достаточного анализа и учета культурной, религиозной, ментальной специфики восприятия внешнеполитических тенденций и процессов как обществом в целом, так и отдельными группами населения в частности. В лучшем случае речь идет о поверхностном учете культурной и религиозной идентичности народов и других общественных групп, которая фиксируется на основании внешних признаков принадлежности и интерпретируется авторами исследований достаточно поверхностно, согласно стереотипу восприятия отдельных культур и религий. Такой подход к изучению культурно-религиозной идентичности лишен основания. Он не только не проясняет роль и значимость культурно-религиозного аспекта международных отношений, но и препятствует своими шаблонными заключениями адекватному восприятию значимости тех аспектов международных отношений, которые долго остаются в тени истории, но в решительные моменты оказывают неожиданное и решающее воздействие на судьбоносные для крупных социальных систем события и процессы. Такими аспектами является культурно-религиозная идентичность и культурно-религиозный фактор внешней и внутренней политики стран и народов мира.

Для того, чтобы достичь осмысления и постановки на вооружение современного специалиста-международника знаний о культурно-религиозном факторе международных отношений необходимо отдельное специальное погружение в культурно-религиозную традицию народов исследуемого региона, а также своего собственного народа и народов России. Для этого необходим отдельный курс лекций и семинарских

занятий, работа в рамках которого строилась бы на глубоком погружении в традицию, в источники по теме, а также изучение крупнейших тенденций и масштабных, поворотных событий истории региона и своей страны, в которых отражается решающее влияние и глубокое имплицитное воздействие культурно-религиозной идентичности на исторические процессы и систему международных отношений. При этом в рамках данного курса необходимо применять методологическое разнообразие подходов к изучению данной темы, которое одно может составить адекватную картину изучаемого объекта в восприятии учащегося. Так, необходимо одновременно научиться смотреть на изучаемый предмет глазами тех деятелей эпохи, которые были современниками и действующими лицами событий, но в то же время от опыта их непосредственного понимания восходить к восприятию всей системы международных отношений изучаемого периода, воспринимая культурно-религиозный аспект как часть сложной системы социальных отношений, подлежащую анализу и разбору. Выводы, к которым можно прийти в рамках такого курса, должны иметь не формальный и не повествовательный характер, а представлять собой полифоническое звучание разных уровней восприятия изученной темы, которое способно воспитать в человеке подлинное восприятие сущности культурно-религиозного фактора политической истории и её подлинного значения для исторических судеб народа мира.

Также хотелось бы сформулировать в качестве практической рекомендации по применению результатов исследования тезис о необходимости соответствующего углубления изучения данной темы в рамках исторических исследований и методических материалов, предназначенных для школьников и студентов. Автор диссертации надеется не столько на то, что выводы данной работы окажутся существенным материалом в изучении культурно-религиозного фактора международных отношений сами по себе, сколько на то, что приведенные в диссертации

примеры решительного воздействия культурно-религиозного аспекта на судьбоносные события отечественной истории и истории международных отношений станут поводом для ученых актуализировать в их восприятии высокую значимость культурно-религиозного фактора социальных и исторических процессов. Одним из основных выводов данной работы, сделанном на основании исследования конкретного исторического материала, является то, что модернизационные процессы и этапы перехода от одной исторической реальности к другой, которые без всякого сомнения осуществлялись в России в XVII веке, нисколько не снижают роль культуры и религии в обществе, а лишь меняют форму их воздействия на структуру социальных отношений и исторического процесса. Таким образом, вне зависимости от того, в какой области производятся гуманитарные и социальные исследования, над какой тематикой и над каким охватом тем работает автор, есть смысл поставить вопрос о роли и значении культурно-религиозного аспекта изучаемых процессов в истории и современности народов мира и международных отношений. Возможность данного анализа актуальности культурно-религиозного аспекта любых социо-исторических процессов могла бы совпасть с активизацией научных исследований по культурно-религиозному фактору российской и всемирной истории в целом. Проведение дополнительных научных исследований, коллективных трудов, работа в рамках междисциплинарных форматов анализа прошлого и настоящего, инициирование круглых столов и симпозиумов, посвященных данной либо схожей тематики стало бы адекватным отражением возрастающего уровня восприятия значимости культуры и религии в жизни крупных исторических общностей.

Также следует на наш взгляд произвести ревизию отдельных понятий и положений, которые стали обычными в восприятии наших исторических реалий. Например, утверждение о Богдане Хмельницком как об инициаторе и идейном вдохновителе Переяславской рады при полном игнорировании

роли ближневосточных и русских иерархов церкви в выработке и принятии соответствующих решений, представление о расколе русской православной церкви как о борьбе «прогрессивного» восприятия «ревнителей благочестия» с «косным» и «диким» восприятием народных масс, якобы «цепляющихся за обряд» - часто встречающееся утверждение, не подтверждаемое никакими фактами или аргументами. Мысль о том, что после отстранения от власти патриарха Никона позиции церкви стали стремительно терять силу в отношении процессов, происходящих в обществе и государстве, а патриарх Иоаким уже не оказывал прежнего влияния на государственную власть и политическую историю России. Все эти устоявшиеся представления о нашем прошлом не имеют под собой оснований и могут быть развенчаны, в том числе и с привлечением материалов данной кандидатской диссертации.

Указанные выше практические рекомендации по применению результатов диссертационного исследования нисколько не означают, что диссертационная работа дает больше ответов по поставленной проблематики, чем вызывает новых вопросов для дальнейших исследований. В рамках диссертации лишь отчасти затронут пласт материалов, которые могут послужить пониманию темы, заявленной в постановке исследовательской проблемы. Объем изученного в ходе диссертационного исследования несопоставимо мал и почти ничтожен по сравнению с тем, что еще предстоит изучить в рамках предложенной тематики в будущем. При чем речь идет не только о дальнейшем изучении культурно-религиозного аспекта международных отношений в хронологических рамках, указанных в диссертации, но и о возможности экстраполяции исследовательских траекторий данной работы на другие области исторических и социальных исследований:

- Роль культурно-религиозного аспекта на внутренние сферы государственного строительства в России в XVII веке;

- Влияние прочих христианских конфессий и их представителей на международное положение России в XVII веке;
- Влияние иных религий народов России на международное положение России в XVII веке;
- Роль культурно-религиозного фактора во внешней политике на первом этапе самостоятельного правления царя Петра Алексеевича (с 1689 по 1700 гг.);
- Влияние культурно-религиозной идентичности православных народов Балкан, Валахии и Бессарабии, прочих регионов Речи Посполитой, Малой Азии, Ближнего Востока и Закавказья на российскую внешнюю политику и систему международных отношений, мировую политику и геополитику XVII века.

Также не остается сомнений, что исследовательская активность на данном направлении может быть продолжена с еще большим тематическим разнообразием, привлечением дополнительных категорий из смежных дисциплин и других специальностей в рамках паспорта исторических наук.

Список источников и использованной литературы

Источники

1. Акты Археографической экспедиции. - Т. 1-4. - СПб. - 1836. Акты исторические. - Т. 1-5. - СПб. - 1841-1842). Дополнении к актам историческим. - Т. 1-12. - СПб. - 1846-1872.
2. Акты исторические. – СПб., 1841.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 9. — СПб., 1863.
4. Арсений (Суханов). Проскинитарий. Казань, 1870 ; Он же. Вопросы Александрийскому Патриарху Иоанникею // Православное обозрение. 1886 ; Он же. Прения с греками о вере // Христианские чтения. 1883. № 11-12.
5. Буссов К. Московская хроника 1584-1613 гг. Пер. с немецкого. М., 1961.
6. Вести-куранты. 1600-1639. – М., 1972. Вести-куранты. 1642-1644. – М., 1976. Вести-куранты. 1645-1646. – М., 1980. Вести-куранты. 1648-1650. – М., 1983. Вести-куранты. 1656 г. 1660-1662 гг., 1664-1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. – М., 2009.
7. Гильденлеве В. Х. Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Гольштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича, Ириною // ЧОИДР. Т. IV. М., 1867.
8. Гордон П. Дневник 1659-1667. Пер. с английского Д.Г. Федосов. М.: Наука, 2003.

9. Густынская летопись, 172. По изданию: Анхимюк, Ю.В. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелениею Археографической комиссией, Т. 40. М. : Искусство России, 2003.
10. Гюльденстиерне Аксель. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию (в 1602 году) / Пер. Ю.Н. Щербачева // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. - М.: Столица, 1991. - С. 140-147.
11. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. 6-7 окт. 1698. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. С. 243-245.
12. Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Гольштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича, Ириною // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М. 1867.
13. Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1937.
14. Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским, и изданные О. Бодянским : Ч. 1-2. - Москва : Унив. тип., 1858-1859.
15. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подготовка текста и комм. Г. А. Леонтьевой. М., 2000.
16. Крекшин П.Н. «Экстракт из Журналов великославных дел великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, самодержцев Всероссийских…» // Исследования и

материалы по древнерусской литературе., вып. 2. Древнерусская литература и её связи с новым временем. – М., 1967.

17. Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. М., 1859.
18. Крижанич Ю. Собр. соч. Т. 1-3. М., 1891—1892.
19. Лунд М.И. или Вебер И. Подлинное известие о русском и московском путешествии герцога Иогансена, младшего из королевского датского рода...// Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991.
20. Маржерет Жак. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета/ Сост. Ю.А. Лимонов. Отв. ред. В.И. Буганов. Пер. Т.И. Шаскольская, Н.В. Ревунов. М., 1982.
21. Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. М., 1937.
22. Невилль де ла. «Записки де ла Невилля о Московии. 1689 г.» Перевод с французского и предисл. А. И. Браудо // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9.
23. Невилль де ла. Записки о Московии. М., 1996.
24. Олиарий А. Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
25. Отчет Альберта Бурха и Иоганна фан-Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630—1631 гг. // Сборник императорского Русского Исторического Общества. Т. 116. СПб., 1902.
26. Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века: описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса; по рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. [в 5 вып.] М., 1896-1900 ; Вып. 1, 1896 - «От Алеппо до земли казаков» ; Вып. 2, 1897 - «От Днестра до Москвы». Вып. 3, 1898 - «Москва» ;

Вып. 4, 1899 - «Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра». Вып. 5, 1900 - «Обратный путь. Молдавия и Валахия».

27. Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. 1851-1871. Русская историческая библиотека. - Т. 1-39. - 1872-1927.
28. Первая Псковская летопись. С 244. Цит. по Псковские летописи: Вып. второй/ Под ред. А.А. Насонова. М. : Изд-во АН СССР, 1955.
29. Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687-1689 гг. / Сост. Л. М. Савелов. Симферополь, 1906.
30. Письмо атамана Павла Тетери королю Речи Посполитой Яну Казимиру. Приводится по изданию: Павлищев Н.И. Польская анархия при Яне Казимире. Ч.2. СПб.: издательство В.С. Балашёва, 1887.
31. Послания Ивана Грозного. М.,: издательство Академии наук СССР, 1951.
32. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1985.
33. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М. : Институт истории РАН, 1982.
34. Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна-Готгильда Фоккеродта. Пер. немецкого. М., 1874.
35. Соборное изложение при мирских потребностях, 1639 год, л. 429.
36. Соборное постановление о разрешении от церковного отлучения Симеона Медведева». Акты исторические, собранные и изданные Археографическою коммиссиею Т. 5. 1676—1700.
37. Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Ред. Коллегия: В.И. Буганов, М.П. Ирошников, А.Г. Маньков (рук. авт. Колл.), В. М. Панеях; Подг. текста Л. И. Ивиной; Комментарии Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха; Рецензенты: Ю. Г.

Алексеев, А. Л. Шапиро; Институт истории СССР АН СССР, Ленингр. отд-ние. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987.

38. Фоккерод И.Г. Россия при Петре Великом / Пер. с нем. А.Н. Шемякина // ЧОИДР. Кн. 2. М., 1874.
39. Фонд 152. Дела духовные. Инославных. РГАДА. Ф. 152. Д. 1.
40. Фонд 153 Дела духовные. Православных. РГАДА. Ф. 153. Д. 3.
41. Фонд 153. Дела духовные. Православных. РГАДА. Ф. 153. Д. 16. Л. 1.
42. Фонд 153. Дела духовные. Православных. РГАДА. Ф. 153. Д.15. Л. 2.
43. Фонд 64. Документы Посольского приказа. РГАДА. Ф. 64. Д. 16. Л. 15.

Использованная литература

44. Анхимюк Ю.В. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелениею Археографической комиссией. Т. 40. М., 2003.
45. Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. М., 2009.
46. Барсуков И.П. Всероссийский патриарх Иоаким (Савелов). СПб, 1890.
47. Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г. // Научные труды. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV-XVII вв. М., 1954. Т. 2.
48. Безьев Д.А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М. : Прометей, 2012.
49. Белокуров С.А. Арсений Суханов. Речь, произнесённая 27 октября 1891 г. перед защитой диссертации // Богословский вестник. 1892. Март. Т. II. Сергиев Посад.
50. Бердников Л.И. Великий Василий Голицын // Бердников Л.И. Русский галантный век в лицах и сюжетах. Кн. 1. М., 2013.
51. Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование Государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891.

52. Берх В.Н. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб, 1832.
53. Буганов В.И. «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории, 1971, № 10.
54. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
55. Быковская Г.А., Черных В.Д., Злобин А.Н. Проблемы взаимоотношений государства и церкви: историография церковного раскола XVII в. – 2011 - Известиях Самарского научного центра РАН – №3
56. Винтер Э. Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
57. Воссоединение Украины с Россией. Т. 2. С. 12.
58. Гаврилов А.В. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб, 1872.
59. Геллер М.Я. История Российской империи. В 3-х томах. Т 1. М. : МИК, 1997.
60. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1880-1911 гг.
61. Голубцов А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М. : типография А.И. Снегирёвой, 1891.
62. Дельвиг В.С. Отношение светской и духовной власти московской Руси к инославным из западной Европы во времена становления самодержавия. – 2011 – Общество. Среда. Развитие
63. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и её роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987.
64. Жеребкин М.В. Логика намерений и логика обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого. – 2018. - Электронный журнал Курского государственного университета. – №2.

65. Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. М., 2016.
66. Зызыкин М.В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. В 3 Ч. М., 1995.
67. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. М., 1992.
68. Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. М., 1891.
69. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.
70. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. 2000.
71. Кичевский Б.В. Деятельность царя Алексея Михайловича по пресечению церковного раскола. – 2007 - Известиях Российского государственного педагогического университета им. А.И, Герцена.
72. Ключевский В.О. Князь Василий Васильевич Голицын. СПб., 1906.
73. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2004
74. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
75. Лавров А.С. Василий Васильевич Голицын.//Вопросы истории, 1998, № 5.
76. Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV начале XVI веков. М.: Издательство Московского университета, 1961.
77. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
78. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.
79. Ляпин Д. А. Московское восстание и политический кризис лета 1648 г. // Вестник ВЭГУ. — 2015. — № 1(75).

80. Ляпин Д. А. Народные волнения в России в 1648-1650 гг.: Актуальные вопросы исследования // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 3.
81. Манько А.В. Великих посольских дел оберегатель: политическая биография князя В.В. Голицына. М., 2007.
82. Медведев С.А. «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990.
83. Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении европейцами российской истории второй половины XV – XVII вв. М., 2011.
84. Мединский В.Р. Россия первой половины XVII века в сочинении Адама Олеария : монография. М., 2009.
85. Милюков П.Н. Введение в курс русской истории. М., 1894.
86. Михневич Д.Е. Очерки католической реакции (иезуиты). – М. : Академия наук СССР, 1955.
87. Морозова Л.Е. Михаил Федорович. // Вопросы истории. 1992.
88. Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство в XV-XVII веках. // Из истории русского права. СПб., 1909.
89. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке (Очерк из истории военного дела в России). СПб. : Типография Главного Управления Уделов, 1899.
90. Нагельский М. Великая Смута и Потоп в контексте поиска Речью Посполитой и Московским государством выхода из кризисных ситуаций. М., 2016.
91. Николаевский П.Ф. Из истории сношения России с Востоком в половине XVII ст. СПб., 1882.
92. Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015.

93. Новицкий И.П. Адам Кисель, воевода киевский 1580-1653 гг. Киев, 1885.
94. Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
95. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI-XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007
96. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004.
97. Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. М., 2012.
98. Панченко К. А. Османская империя и судьбы Православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века). М. : МГУ, 1998.
99. Петр Великий в его изречениях. / [автор предисловия: В. Строев]. - [Санкт-Петербург: б. и., 1910].
100. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1993.
101. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М. : Русское слово, 2007.
102. Рогожин Н.М. Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М. : Международные отношения, 2003.
103. Романов С. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности. М., 1863. Т. V.
104. Румянцев И.И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). Сергиев Посад, 1916
105. Рущинский Л.П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных источников // ЧОИДР М., 1871. Кн. 3.
106. Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
107. Серчевский Е. Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853.
108. Смирнов И. Иоаким, патриархМосковский. М., 1885.

109. Соловьев В.С. Жених царевны. М., 1903.

110. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. IV.

111. Соловьев С.М. Россия перед эпохой преобразования. М., 1991.

112. Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1991.

113. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по русской истории. М., 1989.

114. Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.

115. Струков А.В., Божко Н.В. Идея симфонии государственно-церковных отношений во взглядах Никона. – 2010. - Известия Волгоградского государственного педагогического университета.

116. Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. 4.

117. Суляк С.Г. Российская имперская идея от Ивана III до Петра Великого: взгляд с юго-западной окраины русского мира. – 2011. – Русин. – №1.

118. Суляк С.Г. Миссия митрополита Гедеона: неосуществленный геополитический проект. – 2006. – №2.

119. Талина Г.В., Асонов Н.В. Религиозный фактор в процессе модернизации российского государства. – 2015 – Власть. – №8

120. Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. М. : Издательство Сретенского монастыря, 2008.

121. Тихомиров М. Н. Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. // Классовая борьба в России XVII в. М. : Наука, 1969.

122. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. М. : Эксмо, 2010.

123. Филина Е.И. «Дело» королевича Вальдемара // Российская государственность: этапы становления и развития. Тезисы и материалы научной конференции. Ч. I. Кострома, 1993.

124. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления / Институт славяноведения РАН. М. : Индрик, 2013.

125. Фомина В. Куранты – первая русская рукописная газета. (деятельность Ордина-Нащокина) // Псковская держава. Краеведческий архив.

126. Цветаев Д.В. Из истории брачных дел в царской семье // Русский вестник, 1884, № 7-8.

127. Ченцова В.Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады, 1654-1658 : документы. М., 2004.

128. Черная Л.А. Европа как «Запад» в русском средневековом восприятии // Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2014.

129. Черникова Т.В. Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // Славяне и Россия. Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М. : Институт Славяноведения РАН, 2018.

130. Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М. : МГИМО-Университет, 2012.

131. Черникова Т.В. Процесс европеизации в России во второй половине XV-XVII вв. / Докт. Дисерт. М., 2014.

132. Черникова Т.В. Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // Славяне и Россия. Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М. : Институт Славяноведения РАН, 2018.

133. Черникова Т.В. О российских истоках петровских реформ государственного управления. – 2012. – Вестник МГИМО-Университета.

134. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М. : Воениздат, 1954.

135. Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011.

136. Четверикова О.Н. Оборотни или Кто стоит за Ватиканом. М. : Издательский дом Кислород, 2018.

137. Чистякова Е. В., Галактионов И. В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков / Под ред. Е. В. Чистяковой; Сост. Н. М. Рогожин. М. : Международные отношения, 1989.

138. Шведова М.М. Персональное и историческое в русской иконе XVI - XVII веков // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны М., 2004.

139. Шмидт В. В. Патриарх Никон. Труды / Научн. исслед., подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В. В. Шмидта. М. : Изд-во МГУ, 2004.

140. Шмидт В.В. Патриарх Никон и его эпоха: историко-философские аспекты государственной идеологии. – 2008. – Власть. – №2

141. Яковенко В.И. Богдан Хмельницкий, его жизнь и общественная деятельность. СПб, 1894.

142. Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. М. : ИНДРИК, 2013.

143. Baron S. The origin of seventeenth century Moscow’s Nemetskaja Sloboda // Baron S. Moscovite Russia. Collective essays. London, 1980.

144. Bushkovitch P. Religion and society in Russia. The sixteenth and seventeen centuries. New-York, 1992.

145. Fuhrmann J. Tsar Alexis. His reign and his Russia. New York, 1981.

146. Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.

147. Hughes L.A. Russia and the West. The Life of a Seventeenth-Century Westerniser, Prince V.V. Golitsyn (1643-1714). Newtonville, 1984.

148. James H. Bilington. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. New York, 1966.

149. Medin W. Moscow and East Rome: A Political Study of the Relationship of Church and State in Muscovite Russia. Geneva, 1952.

150. O'Brien C.B. Russia under Two Tsars, 1682-1689: The Regency of Sophia Alekseevna. Berkeley, 1952.

151. Stremoukhoff D. Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine// Speculum. Vol. 28. 1953.

152. Wasilewski T. Zdrada Janusza Radziwillaw 1655 r. Ijejwyznaniowemotywy// Odrodzenie I Reformaciaw Polce. T. XVII. Warszawa, 1973.

153. Wolff R.L. The Three Romes: The Migration of an Ideology Autocrat // Daedalus. Vol. 88. 1959.